Министерство образования и науки Российской Федерации
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.В. Жаровская

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В СПОНТАННОМ ДИАЛОГЕ НОСИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Монография

Благовещенск
Издательство АмГУ
2012

УДК 81'34: 81'42: 811.11
ББК 81.2 Англ
Ж34

Рекомендовано
ученым советом университета

Рецензенты:
С.И. Гусева, профессор кафедры иностранных языков АмГУ, д-р филол. наук;
О.Н. Морозова, доцент кафедры иностранных языков АмГУ, канд. филол. наук;
Т.В. Аниховская, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания иностранных языков БГПУ, канд. филол. наук

Жаровская Е.В.
Ж34 Фонетические средства выражения обратной связи в спонтанном диалоге носителей американского варианта английского языка. Монография / Е.В. Жаровская. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 156 с.

Автором теоретически обоснована и практически разработана просодическая классификация средств установления и поддержания контакта в спонтанном диалоге носителей американского варианта английского языка, установлена причинно-следственная зависимость между просодическим маркированием контактоустанавливающих реплик и возможной сменой роли говорящего, что способствует успешному ведению диалога и помогает избежать коммуникативных сбоев.

Работа может представлять интерес для специалистов в области фонетики, преподавателей вузов, аспирантов.

ББК 81.2 Англ

ISBN 978-5-93493-178-1

© Жаровская Е.В., 2012
© Амурский государственный университет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Глава 1. Фатическая функция языка и средства ее реализации в речи 12
1.1. Фатическое общение как объект лингвистического исследования 12
1.2. Реализация фатической функции речи в спонтанном общении 17
1.3. Особенности спонтанной речи 19
1.4. Диалог как основная разновидность (жанр) спонтанной речи 21
1.5. Реплицирование как форма диалогической речи 31
1.6. Средства выражения обратной связи в американской спонтанной речи 33
1.7. Просодический уровень реализации фатической функции языка в американской спонтанной речи 37
1.8. Просодические характеристики 39
1.8.1. Мелодические характеристики 40
1.8.2. Характеристики интенсивности 50
1.8.3. Темпоральные характеристики 51
Глава 2. Анализ просодических характеристик контактоподдерживающих реплик американского спонтанного диалога (по результатам слухового и инструментального видов анализа) 56
2.1. Материал и методика экспериментального исследования 56
2.2. Классификация контактоподдерживающих реплик американского диалога (по прагматическим параметрам) 61
2.3. Характеристики мелодики 71
2.3.1. Мелодическое оформление реплик группы нелексических заполнителей 78
2.3.2. Мелодическое оформление реплик группы реактивных выражений 79
2.3.3. Мелодическое оформление реплик группы, завершающих высказывание 81
2.3.4. Мелодическое оформление реплик группы содержательных повторов 82
2.3.5. Мелодическое оформление реплик группы реакций на высказывание 83
2.3.6. Мелодическое оформление реплик группы фраз-коннекторов 84
2.3.7. Мелодическое оформление реплик группы переспросов 85
2.4. Характеристики интенсивности 86

2.5. Характеристики длительности 90
2.6. Характеристики темпа 92
2.7. Характеристики ударения 96
2.8. Классификация контактоподдерживающих реплик американского диалога (по просодическим параметрам) 98
Глава 3. Перцептивный анализ контактоподдерживающих реплик американского спонтанного диалога 103
3.1. Материал и методика исследования 103
3.2. Анализ данных перцептивного эксперимента 105
3.3. Компаративный анализ реплик-реакций и реплик-стимулов 107
3.4. Статистический анализ полученных данных 108
3.4.1. Методика проведения статистического анализа 108
3.4.2. Сравнение просодических параметров реплик с использованием непараметрического теста Манна-Уитни 110
3.4.3. Анализ данных аудиторского эксперимента с использованием многофункционального статистического критерия φ Фишера 112
Заключение 116
Список литературы 120
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 146
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 157
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 162
ПРИЛОЖЕНИЕ 4 176
ПРИЛОЖЕНИЕ 5 185

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, человек во многом формирует общение. Вследствие этого изучение человеческого общения занимает существенное место как в отечественном, так и в зарубежном языкознании.

Изучение живого функционирования языка, как показали исследования последних лет, позволяет по-новому определить значимость коммуникативных единиц различных жанров и стилей. Среди жанров спонтанной разговорной речи особое место занимает диалог.

В отечественной и зарубежной лингвистике различным проблемам диалога посвящено большое количество трудов (О.С. Иссерс, К.А. Филиппов, М.Н. Кожина, Т.Ф. Плеханова, Н.Р. Добрушина, К.Ф. Седов, А.Р. Балаян, М.Л. Макаров, М.Я. Блох, О.Г. Почепцов, В.В. Одинцов, З.В. Валюсинская, Н.Д. Арутюнова, Л.П. Чахоян, Т.А. ван Дейк, Л.П. Якубинский, Л.В. Славгородская, В.З. Демьянков, С.В. Светана, А.К. Соловьева, О.Б. Сиротинина, М.М. Бахтин, В.Д. Девкин, К.О. Гаузенблаз, О.И. Шаройко, Ю.Н. Шведова, Л.В. Щерба, C. Ford, S. Thompson, H. Sacks, E. Schegloff, R. Wardaugh, D. Tannen, J. Gumperz, D. Shiffrin и др.).

В многочисленных работах приводятся различные определения диалога, критерии разделения речи на монологическую и диалогическую формы (Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, Ю.Н. Шведова, М.М. Бахтин, В.Д. Девкин, М.Н. Кожина, Н.Д. Арутюнова), рассматриваются типы диалога (А.К. Соловьева, В.И. Карасик и др.), диалогические стратегии (А.Р. Балаян, Т.À. ван Дейк, К.Ф. Седов, О.С. Иссерс и др.)

Отдельные работы посвящены связности диалогического текста (Н.А. Кожевникова, В.З. Демьянков, М.Я. Блох, С.М. Поляков, Т.Ф. Плеханова и др.), проблемам художественного диалога (Н.А. Кожевникова, В.И. Лагутин и др.) и научного диалога (Л.В. Славогородская, М.Н. Кожина и др.), взаимодействию участников коммуникации (И.А. Зимняя и др.), а также другим особенностям живой разговорной речи. Обобщающие труды в области лингвистической теории диалога принадлежат В.З. Валюсинской, В.З. Демьянкову, М.Я. Блоху, С.М. Полякову, Т.Ф. Плехановой.

Необходимо отметить, что большое значение для развития теории диалога имели труды М.М. Бахтина, который разработал философскую основу диалогизма и тем самым активизировал в русской и зарубежной науке о языке изучение этой проблемы. Его взгляды на высказывание как единицу речевого общения и его концепция диалогических отношений в языке отразились в ряде работ по теории диалога и исследованию устной речи [Бахтин, 1986].

Со 2-й половины XX в. диалог исследуется в лингвистике в разных аспектах: структурно-семантическом (Л.П. Якубинский, Н.Ю. Шведова, А.К. Соловьева, И.Н. Борисова и др.), прагматическом (Е.В. Падучева, О.Б. Сиротинина и др.), функциональном (Т.Г. Винокур и др.), стилистическом (В.В. Виноградов и др.).

В ряде работ отмечается, что диалог является упорядоченным коммуникативным процессом. Однако определение принципов этой упорядоченности, механизмов диалогического взаимодействия остается пока не решенной задачей. Как отмечает К.А. Филиппов, в самом общем виде можно выделить два направления исследований разговорной диалогической речи – изучение структурной организации диалога (разговорной речи) и анализ его тематико-содержательной стороны [Филиппов, 2003, с. 237].

В рамках структурного направления рассматриваются вопросы построения диалогической речи и мены коммуникативных ролей, а также проблемы, связанные с выявлением и описанием структурных единиц разговорной коммуникации и установлением их иерархии [там же].

С позиций тематико-содержательного направления изучается взаимодействие партнеров по коммуникации – вопросы, касающиеся координации усилий партнеров, содержательных единиц разговорного акта (диалога), иерархической сопряженности отдельных тематических блоков, форм и методов смены темы в ходе общения и т.д. [Филиппов, 2003].

Таким образом, интерес к проблемам коммуникации обусловил появление в лингвистике значительного количества работ, посвященных изучению

структурных и семантических особенностей диалогической речи, но, несмотря на это, многие вопросы в исследовании диалога остаются пока нерешенными, в частности вопрос о влиянии просодии на установление и поддержание контакта в разговорной диалогической речи. Изучению контактоустанавливающей, т.е. фатической речи в лингвистике в последнее время придается особое значение. Это связано с необходимостью выявления особенностей данного вида речи, что важно для теории диалога, конверсационного анализа текста, а также для компьютерной лингвистики, которая стремительно развивается в последние годы.

Настоящее исследование выполнено в рамках коммуникативной фонетики и теории речевой интонации и имеет функциональную направленность, поскольку посвящено выявлению роли просодии при фатическом общении в спонтанном диалоге.

Вопрос о роли просодии в фатической речи весьма важен, так как ответ на него позволит выявить предпосылки мены ролей в спонтанном диалоге, а также установить способы поддержания контакта и факторы, приводящие к коммуникативным сбоям.

Интерес к просодической стороне речи – одна из ярких черт мировой фонетики и лингвистики в целом. Это обусловлено ориентацией современной лингвистики на коммуникативную сторону общения. Именно коммуникативным намерением говорящего определяются характер актуализации языковых моделей в речи, особенности просодического оформления высказывания.

Большинство отечественных и зарубежных исследований по англистике, посвященных анализу фонетической организации речи, характеризует функционально-семантический подход к изучению текстовой просодии с учетом прагматики высказывания. Речевая просодия рассматривается как средство, обладающее способностью выражать значения коммуникативно-прагматического плана. Изучаются особенности фонетической реализации различных коммуникативных моделей в спонтанной разговорной речи. При этом значительный интерес проявляется к исследованию просодических средств, участвующих в оформлении реплик-фраз, употребляемых для установления и поддержания контакта.

Несомненный факт взаимодействия просодии, семантики и прагматики высказывания определяет общий вектор исследований в единстве формального, содержательного и прагматического аспектов, что представляет собой непростую исследовательскую задачу. Особое место в этой связи занимает определение набора просодических средств, маркирующих реплики поддержания контакта в ходе диалога, а также факторов, обусловливающих их возникновение и функционирование.

Необходимость нашего исследования продиктована также отсутствием комплексного описания просодии как важнейшего средства оформления диалогической речи в процессе установления и поддержания контакта между адресантом и адресатом речи. Контактоподдерживающие реплики широко используются при диалогическом общении и способствуют реализации коммуникативных намерений участников коммуникации.

Несмотря на то, что в последние годы к проблеме семантических и прагматических особенностей диалогической речи обращено внимание большого числа исследователей, многие вопросы диалога остаются нерешенными, в частности вопрос о просодическом оформлении фраз установления и поддержания контакта в разговорной диалогической речи.

Таким образом, актуальность нашей работы связана с тем, что, несмотря на значительные достижения в области изучения функционально обусловленных характеристик речи, не утрачивает значения вопрос о методах исследования, направленных на анализ вариативности контактоподдерживающих реплик и особенностей просодического маркирования моментов поддержания контакта в спонтанном диалоге. В интенсивно развиваемом сейчас направлении, связанном с исследованием фатической речи, просодической составляющей процесса установления и поддержания контакта уделяется пока недостаточно внимания. Между тем именно просодия теснейшим образом связана с передачей смысловых оттенков высказывания, служит объективации замысла говорящего, передаче его коммуникативного намерения. Представляется, что наибольших результатов в изучении просодической стороны речи можно достичь, применяя

интегративный подход. Использование положений коммуникативной лингвистики, лингвистической прагматики и теории речевой интонации служит более глубокому пониманию природы диалога, помогает установить роль просодической маркировки реплик диалога, в частности контактоподдерживающих реплик. Автором монографии впервые предпринята попытка создать классификацию средств поддержания контакта, используемых в спонтанной диалогической речи носителей американского варианта английского языка, по просодическим параметрам; рассмотреть на основе разработанной классификации просодическую, коммуникативно-прагматическую и структурно-семантическую составляющие контактоподдерживающих реплик; исследовать просодическую вариативность контактоподдерживающих реплик и особенности просодического маркирования реплик-фраз поддержания контакта в спонтанном диалоге. С этой целью используется интегративный подход, предусматривающий изучение реплик-фраз поддержания контакта с точки зрения фонетики, семантики и прагматики одновременно.

Для решения поставленных задач в работе использовались субъективный и объективный методы исследования речи, в частности слуховой, аудиторский и инструментальный методы. Акустические параметры экспериментального материала изучались с использованием современных методик компьютерной обработки речевого сигнала при помощи пакета программ Praat (версия 4.0.23), SoundForge (версия 5.0) и WaveAssistant. Сравнение полученных данных проводилось с применением метода статистического анализа.

В работе используется интегративный подход, предусматривающий изучение реплик-фраз поддержания контакта, с точки зрения фонетики, семантики и прагматики одновременно.

Материалом исследования послужили звучащие тексты (8 спонтанных диалогов в произнесении четырех дикторов (мужчин), носителей орфоэпической нормы американского варианта английского языка, средней продолжительностью звучания 13 минут каждый), записанные с 2003 г. по 2008 г. в фонетической лаборатории кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Возраст дикторов – от 50 до 60 лет.

Ценность этих аудиотекстов определяется тем, что они не только обеспечивают слушателей информацией по определенным темам, но и представляют собой образцы аутентичной диалогической речи в виде спонтанных диалогов-дискуссий на различные темы повседневной жизни. Различаясь в тематике, конкретном содержании, композиции, осведомленности в теме, коммуникативных стратегиях и речевых тактиках говорящих, тексты обеспечивают условия для раскрытия инвариантных и вариативных характеристик контактоустанавливающей речи.

Экспериментальное исследование проводилось на основе слухового, инструментального, аудиторского и общего сопоставительного лингвистического видов анализа речи. Акустические параметры исследуемого материала изучались с помощью пакета программ Sound Forge 5.0 и Praat 4.0.23.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что она способствует разработке методики комплексного анализа языкового диалогического общения, при котором используются положения коммуникативной лингвистики, лингвистической прагматики и теории интонации, что способствует более глубокому пониманию природы диалога.

Исследование позволяет углубить представления о динамике контактоустановления, а также определить роль интонации в этом процессе. Работа способствует развитию и уточнению научных представлений о типологии поддержания контакта. В ходе исследования были определены и описаны просодические сигналы, маркирующие выявленные типы и оказывающие влияние на переход роли говорящего в процессе общения, а также зависимость механизма поддержания контакта от коммуникативных стратегий говорящих. И, наконец, сопоставление просодической, семантической и прагматической составляющих установления и поддержания контакта способствует расширению представлений о роли языковой личности в реализации звучащего диалога.

Практическая значимость работы заключается в возможности применять ее выводы и материалы в курсах теоретической и практической фонетики, в обучении нормам речевого общения на американском английском языке, а так-

же в качестве практических рекомендаций по отбору и составлению учебного материала для обучения различным видам диалогического общения. На основе данного исследования могут быть разработаны пособия по анализу разговорной речи. Изложенный здесь материал может быть полезен при разработке компьютерных программ, моделирующих процесс поддержания контакта с учетом этнокультурных особенностей диалога.

ГЛАВА 1. ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И СРЕДСТВА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РЕЧИ

1.1. Фатическое общение как объект лингвистического исследования

Современное языкознание характеризуется заметным усилением семантикоцентрических тенденций. Они проявляются на всех уровнях анализа текстов разных жанров и стилей. Обращение к изучению спонтанных текстов-диалогов позволяет описать функциональный аспект речи с разных сторон, дает возможность по-иному взглянуть на существующие проблемы, в частности на соотношение коммуникативной и маргинальной (фатической) функций речевого общения.

Вопрос о функциях языка и речи является весьма спорным. К тому же понятия «функция языка» и «функция речи» нередко рассматриваются как однородные. Фатическая функция в работах известных лингвистов «кочует» из функций речи в функции языка или же вообще не упоминается.

Например, Р. Якобсон выделил в акте коммуникации шесть функций языка в зависимости от образующих факторов: экспрессивную, референциальную, поэтическую, конативную, фатическую, метаязыковую, отмечая, что язык должен рассматриваться во всем многообразии его функций [Докторевич, 1976, с. 69; Почепцов, 2001, с. 54; Якобсон, 1985, с. 387]. Заметим, что фатическая функция у Р. Якобсона является функцией языка наряду с другими [Якобсон, 1975, с. 198].

По мнению Якобсона, сущность фатической функции заключается в придании естественности ситуации, являющейся вступлением в коммуникацию, или в выражении удовлетворения общением и самим говорением. Речь в фатической функции осмысляется выражением дружелюбия и приветливости [там же].

Говоря о функциях языка, Р. Якобсон выделяет в коммуникативном акте шесть компонентов: адресант, сообщение, контекст, адресат, код, контакт, которые реализуют шесть функций речи: экспрессивную (адресант), референци-

альную (контекст), поэтическую (сообщение), конативную (адресат), фатическую (контакт), метаязыковую (код) [Якобсон, 1975, с. 198; Почепцов, 2001, с. 54].

Все эти функции выделены с позиции только говорящего, в зависимости от его коммуникативных целей. Если внимание говорящего сосредоточено на выражении собственных эмоций, оценок, отношения к предмету речи, то реализуется экспрессивная функция;если внимание сосредоточено на объекте, теме, содержании речи, то референциальная; при фокусировании внимания на самом сообщении и ради сообщения – поэтическая. Метаязыковая функция реализуется при переключении внимания на саму коммуникативную систему, код. Конативная (апеллятивная) функция – привлечение внимания слушателя к сообщению. И, наконец, использование говорящим коммуникативных средств для начала, поддержания и окончания общения, фокусировка на контактном элементе ситуации означают реализацию фатической функции. Адресат фигурирует как пассивный участник, поскольку он нужен для контакта, в качестве аудитории для говорящего [Докторевич, 1976, с. 75].

Фатическая функция, с точки зрения Р. Якобсона, подразумевает организационный аспект речевой интеракции, под которым понимаются установление, поддержание и размыкание речевого контакта [Якобсон, 1975, с. 23-24].

Изучение фатической функции речи в силу своей важности продолжается уже в течение многих лет. Д.Л. Докторевич придает изучению этой функции большое значение, так как «никакой диалог и в целом процесс коммуникации невозможен без контактоустанавливающей речи» [Докторевич, 1976, с. 69].

В работах Ю.С. Степанова, М. Халлидея, В.Г. Гака и других выдвигаются три универсальные функции языка: номинативная, синтаксическая и прагматическая. В.Г. Гак рассматривал три функции: коммуникативную, экспрессивную и отобразительную [Степанов, 1970; Халлидей, 1970; Гак, 1973, 2009, с. 225]. В указанных работах фатическая функция как функция языка не упоминается. Не относил ее к функциям языка и Л.Р. Зиндер. Он подчеркивал, что язык обладает единственной функцией – коммуникативной, а все другие являются ее проявлением. Позднее Л.Р. Зиндер говорил о существовании еще одной функции – функции хранения и передачи информации [Зиндер, 1997, с. 6].

Однако в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой дается следующее определение фатической функции: «Фатическая функция – это та функция языка, которая определяется как употребление языка в целях установления контакта, вступления в коммуникацию или же придания естественности совместному пребыванию где-либо... термин «фатическое общение» произошел от латинского слова *fatuus*, что означает – «глупый». То есть фатическое общение подразумевает бессодержательное общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса общения» [Ахманова, 2004, с. 508].

В более ранних работах, в частности в трудах Б. Малиновского, с именем которого принято связывать изучение фатических аспектов языка и который ввел термин и понятие фатического общения, фатическая функция относится к функциям речи. Б. Малиновский называет ее «необыкновенной функцией речи» [Malinowski, 1935, с. 314-315].

Б. Малиновского принято считать первым, кто обратился к изучению фатической функции речи. Он пытался найти новый подход к изложению некоторых вопросов теории языка, в частности вопроса значения в языке и речи [Докторевич, 1976, с. 71]. Малиновский полагал, что фатическое общение означает речь, функционирующую не для выражения мысли и не относящуюся к реальному контексту ситуации [Малиновский, 1936, с. 313 – 315]. Эту речь он рассматривал как самоцель, являющуюся контекстом для самой себя. Относительно значения и смысла речи в фатическом общении Б. Малиновский утверждал, что «слова в данном виде речи теряют свое денотативное значение, которое символически им присуще, и что наиболее крайние формы фатического общения не служат даже для создания дружеской атмосферы, т.е. придания некой естественности совместному пребыванию» [Цит. по: Драздаускене, 1983, с. 30].

В свою очередь Б. Малиновский определяет фатическое общение как такую разновидность речи, которая «отражает заложенное в самой природе чело-

века стремление к созданию «уз общности» между людьми и часто выглядит как простой обмен словами при общении». Б. Малиновский описывает фатическую функцию как «случай использования языка в свободных социальных связях». В своих работах он отмечает, что фатическими репликами «обмениваются не для передачи информации, не для выражения мысли…, а для использования языка в свободных социальных связях» [Malinovski, 1972].

Поздние работы по исследованию фатической речи [Винокур, 2005] исходят из положения Р. Якобсона о том, что высказывание не может выполнять какую-либо одну функцию и должно рассматриваться в соотношении элементов различных функций. В частности, Т.Г. Винокур считает, что «информативная и фатическая интенции, определяющие речевое поведение, сосуществуют в качестве коммуникативной нормы социума» [Винокур, 2005, с. 135].

И.Г. Торсуева отмечает, что в высказывании реализуются как функции языка, так и функции общения [Торсуева, 2009, с. 15], но она указывает, что «фатическая функция должна быть исключена из списка языковых функций», так как «не имеет собственных средств языкового выражения и пользуется формами, которые изначально являются реализацией других функций, собственно языковых» [Торсуева, 2009, с. 17-18].

И все же важность выделения фатической функции речи признается многими авторами, которые в последние годы предпринимают попытки ее всестороннего исследования. Например, Т.Г. Винокур рассматривает фатическую речь с социальной и психологической сторон и определяет ее как «речевую деятельность особого рода, совершающуюся в рамках установленных правил поведения; как специфического рода занятия, но занятия не профессионального, провоцируемого этикетно-коммуникативными интенциями, и осуществляющегося в жанрово-ограниченных ситуациях» [Винокур, 2005, с. 144].

Т.Г. Винокур противопоставляет фатический диалог фатическому повествованию, объясняя, что «фатическое повествование самим своим существованием обязано его адресату, его взаимной с адресантом заинтересованности в установлении определенных связей прежде, чем в когнитивном удовлетворении

интенции восприятия, понимания и словесной реакции на само высказывание». Это способ поддерживать определенные отношения с кем-либо через речевое общение [Винокур, 2005, с. 147].

Таким образом, речь при фатическом общении является вступлением в коммуникацию или ее поддержанием. Существование фатической функции речи делает очевидным тот факт, что коммуникацию следует рассматривать не как механический процесс обмена сообщениями, а как сложный процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера).

Придерживаясь мнений авторов ряда работ (B. Malinovski, М.Л. Драздаускене, А.М. Анощенкова), мы будем называть фатическую функцию функцией речи, так как она находит яркое проявление в диалоге, который по сути является речью [Malinovski, 1936; Драздаускене, 1983; Анощенкова, 1985].

Взаимосвязанность всех функций речи предполагает их изучение в совокупности, так как успех коммуникации возможен лишь при достижении контакта между говорящим и слушающим, что подтверждает важность фатической функции.

При отсутствии должного контакта говорящего с адресатом создается ситуация провала коммуникативных намерений, что приводит к коммуникативным неудачам [Клобуков, 1996, с. 186].

Обращение к феномену фатической коммуникации вызвано возросшим интересом к когнитивным и прагматическим аспектам речевой интеракции. Несмотря на то, что фатической коммуникации были посвящены многочисленные исследования [Гак, 1998; Почепцов, 1981, 1998; Винокур, 2005], нельзя утверждать, что это явление до конца изучено, поскольку на многие вопросы, возникшие при изучении фатической речи, до сих пор нет ответов; кроме того, не вполне определен статус просодии при фатическом общении. Закономерно возникает вопрос, существуют ли особые просодические средства, позволяющие идентифицировать фатику в высказывании.

1.2. Реализация фатической функции речи в спонтанном общении

Как правило, любое высказывание, произносимое человеком, адресуется кому-либо, его назначение – привлечь чье-либо внимание, воздействовать на собеседника. Тем самым реализуется коммуникативная функция языка с различными ее проявлениями (экспрессивная, эмотивная, фатическая и другие функции).

В лингвистической литературе термины «фатическая» функция и «контактоустанавливающая» часто употребляются как синонимы. По мнению Т.Г. Винокур, в понятии «*фатическая функция*» и «*контактоустанавливающая*» оказались совмещенными разнородные явления. Эта разнородность повлекла за собой дискуссии о сущности фатической коммуникации. Т.Г. Винокур дает толкование термина «*фатика*» на основе совмещения точек зрения Малиновского и Якобсона.

Мы, вслед за Т.Г. Винокур, считаем, что термин «*фатическая функция речи*» шире, чем «*контактоустанавливающая*». Фатическая функция «включает в себя конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержание и проверка), область речевого этикета в целом, бытовой диалог и бытовое повествование, а также художественное повествование, стилизованное под бытовое» [Винокур, 2005, с. 135].

В любом типе общения оказываются обязательными контактоустанавливающие единицы, представленные этикетными формулами и вводно-контактными единицами. Но в спонтанной диалогической речи, помимо этих средств, встречаются самопроизвольно возникающие высказывания, многие из которых нельзя отнести ни к этикетным формулам, ни к вводно-контактным единицам. Такие контактоустанавливающие единицы, обрамляющие содержательную сторону высказываний, можно назвать «фатическими маркерами». Они указывают на процесс порождения речевого акта, оформляя этапы речевой интеракции: установление, развитие и завершение контакта. Это всевозможные реакции на сказанное, представленные невербальными и вербальными средствами. Среди вербальных средств можно выделить такие как различные вокализации типа *Aha, Hmm*, ряд реактивных выражений типа *Well, Sure,* повторы, переспросы, уточнения и т. д. Ограничив круг исследования лишь вербальными средствами, употребляемыми в диалоге для поддержания контакта, более правильно применять в нашей работе обозначение *контактоподдерживающие* вместо *контактоустанавливающие* по отношению к репликам, выражающим реакцию на сказанное.

При изучении контактоустанавливающей функции речи многие исследователи обращали внимание на тот факт, что в такой речи одна и та же фраза может выражать одновременно чувство общности и дружелюбия, удивления и насмешки, даже сарказма. В частности, Малиновский указывал на то, что, когда речь в фатической функции не осмысляется положительными эмоциями, наиболее вероятным является противоположноее осмысление, т.е. недовольство, негодование, враждебность. К таким случаям относятся ситуации неискренних отношений, выражаемых в основном, по мнению Малиновского, формулами сочувствия и внимания. Сюда относятся случаи такого общения, когда один говорит и злоупотребляет возможностью говорить, а ожидающий не может дождаться своей очереди [Цит. по: Драздаускене, 1983, с. 32].

Однако нередко причиной того, что одинаковым по лексическому составу фразам присваивается разное значение, является их различное просодическое оформление. Объяснение этого в том, что смысл речи в фатической функции выводится не столько из ее содержания и темы, выражения дистанции, скромности, заинтересованности, приветливости, направления и тонкости иронии, юмора и многих других элементов значения и смысла [там же, с. 34], сколько из просодического оформления речи, которое придает ей определенный смысл и которое очень ярко проявляется при спонтанном общении.

О содержании речи в фатической функции написано немало работ, в том числе и за рубежом [Condon, 1966; Argyle, 1970; Laver, 1980; Coulmas, 1979; Drazdauskiene, 1981]. В них отмечается разнообразие социокультурного содержания и коммуникативных смыслов в речи, реализующей фатическую функцию. Однако работ, направленных на изучение роли просодии при установле-

нии контакта, чрезвычайно мало. Практически отсутствуют работы, основанные на использовании при изучении фонетических средств обратной связи современных методов компьютерной обработки речевого сигнала.

1.3. Особенности спонтанной речи

Фатическая функция речи находит широкое применение в живом спонтанном человеческом общении, которое получает выражение в акте коммуникации. Данная форма общения имеет характерные для нее особенности, существует в рамках определенного контекста, имеет присущую ей структуру и форму выражения.

Устная спонтанная речь составляет большую часть нашей ежедневной деятельности. Интерес к спонтанной речи вызван рядом причин. С изучением речевого общения связываются надежды на создание более адекватных объяснительных моделей функционирования языка. Другая причина, прагматического толка, относится к области прикладных исследований взаимодействия человека и компьютера. Исследования, проводимые в области речевых технологий, стали одними из самых важных в рамках как национальных, так и международных проектов. Создание международных баз данных «корпусной лингвистики», охватывающих значительные корпусы речи и регистрирующих реальное состояние языка, предопределило приоритетное развитие таких направлений как организация текста, прагматика и дискурс. Важнейшую роль изучение устной коммуникации играет также в связи с усилением в последние годы влияния радио и телевидения. Интенсивное развитие средств массовой информации потребовало ответа на многие вопросы, связанные с восприятием и передачей сообщений, в том числе вербальных.

Спонтанная речь в последнее время привлекает пристальное внимание лингвистов. В частности, обращается внимание на то, что «рассмотрение спонтанной речи, как некоего отклонения от эталонных реализации, неправомерно, так как в ситуации речевой коммуникации именно спонтанная речь является первичной» [Бондарко, 2001, с. 17-23].

Многие особенности спонтанной речи рассматриваются лингвистами в рамках адаптивных процессов, свойственных языку как самонастраивающейся системе, которая «приспосабливается к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей системы» [Блохина, 1983, с. 61-76].

Спонтанная речь реагирует на изменение условий функционирования, на появление новой коммуникативной среды. Все языковые правила, явные или скрытые, преследуют фактически одну цель: обеспечить коммуникативную эффективность передаваемого текста и соответственно создать оптимальные условия для сохранения и развития данного социума [Норман, 1994].

Спонтанная речь является наиболее разнообразным и широко распространенным видом речевой деятельности человека. Тем не менее она остается до сих пор наиболее малоизученным ее видом. Это обусловлено, с одной стороны, техническими трудностями, связанными с получением качественных записей спонтанной речи, а с другой, – сложностями при подготовке выборки исследуемых спонтанных текстов.

Проблемы устного общения всегда в той или иной степени интересовали лингвистику. Такая форма речи содержит множество различных неполносоставных предложений, различного рода повторов, запинок, уточнений, вокализаций, применение которых нередко направлено на поддержание контакта во время беседы.

Л.В. Щерба отмечал, что «при процессах говорения мы часто просто повторяем нами ранее говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя совершенно очевидно этого утверждать про все нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которые никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, и, что главное и в чем, я думаю, никто не сомневается, сочетаем слова хотя и по определенным законам их сочетания, но зачастую самым неожиданным образом, и, во всяком случае, не только употребляем услышан-

ные сочетания, но постоянно делаем новые… Применительно к европейским языкам… мы встречаемся с явлениями большей или меньшей законченности высказываний разных типов, характеризующихся разнообразными специфическими интонациями, – повествование, вопросы, повеления, эмоциональные высказывания» [Щерба, 2001, с. 44].

Стоит также отметить, что в разговорном общении особую роль имеет прагматический фактор, а именно условия общения, которые включают определенные характеристики адресанта (говорящего), адресата (слушающего) и ситуации, влияющие на языковую структуру коммуникации. Разговорное неофициальное общение с непосредственным участием говорящих осуществляется обычно между хорошо знающими друг друга людьми в конкретной ситуации. Общий запас фоновых знаний собеседников позволяет строить в разговорном общении такие редуцированные высказывания, которые вне этих фоновых знаний совершенно непонятны.

Многие фонетические особенности разговорной речи в совокупности создают особый фонетический облик слов и словосочетаний, особенно частотных. В свою очередь, на характер их фонетической реализации оказывает влияние жанр речи. Среди жанровых разновидностей разговорной речи центральное место занимает жанр диалога.

1.4. Диалог как основная разновидность (жанр) спонтанной речи

Диалог как естественная форма общения находится в точке пересечения исследовательских интересов представителей многих общественных наук, изучающих различные аспекты человеческой деятельности, так или иначе связанных с реальной коммуникацией. Проблематика исследования диалога составляет ядро отдельных научных направлений – анализа диалога, или конверсационного анализа, теории речевых актов, диалогизма как философии языка, интеракциональной социолингвистики – и входит в более общее направление коммуникативных исследований (communication studies). Это направление представляет собой междисциплинарную область исследований, сложившуюся во

второй половине XX в. из самостоятельных направлений в таких социальных дисциплинах как лингвистика, риторика, социология, политология, педагогика, социальная психология, антропология. Ее бурное развитие в конце XX в., связанное с появлением новых информационных технологий, выдвинуло на повестку дня ряд новых проблем, затрагивающих различные аспекты социального, межкультурного и интерперсонального взаимодействия людей в системе «человек – человек» и «человек – машина».

В основе диалогической коммуникации лежит реплицирование. «Диалогическое общение предполагает не только направленность речи, но и ответное внимание адресата к высказываниям, исходящим от адресанта» [Почепцов, 2001, с. 178].

Как отмечает К.А. Филиппов, реплика – основная структурная единица разговорной речи, она разговорный шаг (turn), а обмен репликами (turn-taking) – основная организационная форма разговорного акта. Поэтому смена говорящего – это одна из форм перемены ролей в диалоге, где также важным является активное взаимодействие его участников [Филиппов, 2003, с. 239].

Процесс смены ролей говорящего – основное качество диалога, которое, как правило, присутствует в научных определениях диалога, отмечается многими отечественными и зарубежными исследователями. При диалогическом общении коммуниканты должны придерживаться определенных правил и норм, поскольку диалог – это «сложное речевое произведение, отражающее коммуникативное событие устного контактного, преимущественно неопосредованного общения, в котором партнеры вербально (а также и невербально), путем смены коммуникативных ролей говорящего и слушающего, в конкретной ситуации стремятся к достижению, с помощью определенных стратегий и тактик, желаемых результатов и достигают или не достигают их» [Формановская, 1982].

Стоит добавить, что, помимо этого, для достижения поставленных целей в диалоге широко используются различные просодические средства, с помощью которых участники диалога привлекают внимание собеседников, а также выражают свою заинтересованность. Без использования этих средств любой

диалог выглядит неестественным. А неправильное их использование, в свою очередь, приводит к коммуникативным сбоям.

Диалог привлекает внимание многих исследователей, так как «диалогичность всегда была свойственна мышлению, познавательной деятельности, межличностному взаимодействию людей. Вот почему исследование диалога, диалогической речи, начавшееся еще в античности, продолжается и в настоящее время» [Голубева-Монаткина, 2004, с. 4].

Отмечается, что всестороннее изучение диалога как формы существования языка ведется с 20-х гг. прошлого столетия, когда трудами Л.П. Якубинского, Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, В.Н. Волошинова, М.М. Бахтина и В.В. Виноградова был заложен теоретический фундамент всех дальнейших исследований.

Проблематика исследований достаточно разнообразна. Перспективным является исследование диалогического текста с учетом его коммуникативно-прагматической специфики [Демьянков, 1992; Формановская, 1998; Иссерс, 2003].

Можно считать достаточно изученными и подробно описанными следующие стороны процесса диалогического взаимодействия: соотношение диалогической и монологической речи [Шведова, 1960; Бахтин, 1963; Кожина, 1986; Арутюнова, 1990], типы диалога [Соловьева, 1984], диалогические стратегии [Балаян, 1974; Дейк, 1989; Седов, 1996; Иссерс, 2003], особенности художественного диалога [Кожевникова, 1977; Лагутин, 1991]. Обобщающие работы в области лингвистической теории диалога принадлежат З.В. Валюсинской, В.З. Демьянкову, Г.М. Кучинскому, М.Я. Блоху, С.М. Полякову, Т.Ф. Плехановой [Валюсинская, 1978; Демьянков, 1983; Кучинский, 1983; Блох, 1992; Плеханова, 2002].

В работах Л.В. Щербы и Л.П. Якубинского прослеживается четкое разграничение монологической и диалогической форм речи при явном предпочтении диалогической формы общения. Классическая фраза Л.В. Щербы «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» является непременным атрибутом многих работ по диалогу, и в нашей работе эта традиция сохраняется. Л.В. Щерба, определяя диалог как цепь реплик, отмечал, что «в основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противополагаемый диалогу – разговорной речи, которая состоит из взаимных реакций двух общающихся между собой индивидов, реакций нормально спонтанных, определяемых ситуацией или высказываниями собеседников» [Щерба, 1957]. Заметим также, что Л.В. Щерба считал диалог естественной речью, а монолог – искусственной [там же].

В свою очередь, Л.П. Якубинский, разделяя тезис Л.В. Щербы о естественности диалога и искусственности монолога, писал: «в сущности, всякое взаимодействие людей есть именно взаимо-действие; оно по существу стремится избежать односторонности, хочет быть двусторонним, «диалогичным» и избегает монолога». Он также отмечал, что реплицирование для диалога обусловливается чередованием реплик собеседников, которое происходит либо в порядке смены роли говорящих, либо в порядке прерывания, что очень обычно, особенно при эмоциональном диалоге [Якубинский, 1986, с. 35-45].

При этом он указывал на условность применения терминов «*естественный*» и «*искусственный*» по отношению к диалогу и монологу. Естественность, по его мнению, присуща диалогу в том смысле, что диалог в большей степени, чем монолог, «соответствует, как смена реакций, социальным факторам взаимодействия людей, в которых социальное ближе всего подходит к биологическому (психо-физиологическому). В этом плане диалог, который так же, как и монолог, представляет собой явление культуры, в большей мере олицетворяет собой явление «природы», чем монолог» [там же].

Л.В. Щерба и Л.П. Якубинский обратили внимание на многие существенные черты диалогической речи. Из приведенной выше цитаты следует, что к характерным особенностям диалогической речи относятся реплицирование, спонтанность речевых реакций собеседников, зависимость реплики как от ситуации общения, так и от высказываний партнера по коммуникации. Л.П. Якубинский обращает внимание также на такие свойства диалогической речи как непосредственный характер общения, краткость реплик, отсутствие особой за-

данности компонентов и предумышленной связанности в построении реплик. Многие положения отечественных классиков получили дальнейшее развитие в современной (прежде всего отечественной) теории диалога.

Существует множество моделей диалога, в которых формализуются различные аспекты или компоненты взаимодействия. Теоретическую базу исследования диалога составляют труды ученых, анализирующих вербальное общение с позиций коммуникативной лингвистики, анализа дискурса, прагмалингвистики, психолингвистики, теории общения, логико-семантического анализа языка, компьютерной лингвистики, социолингвистики, конверсационного анализа [Арутюнова, 1999; Падучева, 1985; Леонтьев, 1969; Сусов, 1986; Богушевич, 1990; Вежбицка, 1997; Дейк, 1989; Грайс, 1985; Серль, 1999; Tannen, 1989].

Хотелось бы еще раз затронуть вопрос о соотношении терминов «диалог» и «дискурс», что вызвано недостаточно точными их формулировками в ряде лингвистических работ.

«Анализ диалога» предполагает рассмотрение диалогического текста в различных направлениях, связанных с целью и задачами. В нашем исследовании проводился анализ диалога с позиции суперсегментной фонетики. Говоря об исследованиях диалогической речи, необходимо отметить, что они получили несколько названий в литературе: конверсационный или дискурсивный анализ, анализ дискурса, анализ диалога.

По своему смыслу термин «диалог» близок термину «дискурс», однако традиции употребления их различны. Исследователи разных областей лингвистики дают различные определения «дискурса» и «диалога». А.Е. Михневич в своем определении обращает внимание на то, что диалог происходит от греческого dialogos и состоит из двух частей: приставки dia «сквозь, через» (а не два, как принято считать) и корня logos «слово, значение, речь». Первую часть термина можно интерпретировать как «сквозное движение, проникновение, размежевание, разделение, взаимность» и, следовательно, «диалог – разделенное слово, взаимная речь», т.е. разговор, который ведут два или более человек [Михневич, 1994, с. 17].

В лингвистическом энциклопедическом словаре мы находим похожее определение. В свою очередь, дискурс в большом лингвистическом энциклопедическом словаре трактуется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст взятый в событийном аспекте: речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимодействии в механизмах их сознания» [БЛЭС, 1990, с. 136-137].

Т.А. ван Дейк предлагает следующее определение: «Дискурс – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия». Он понимает дискурс как «сложное единство языковой формы, значения и действия которого соответствуют понятию «коммуникативное событие», а также как «взаимодействие между языком и действительностью, которое обеспечивает миропонимание и существование» [Дейк, 1989, с. 1-19].

Данное определение расширяет текстовые границы за счет социального контекста коммуникации, позволяя учитывать фоновые знания участников коммуникативного процесса.

В работе Ю.С. Степанова «дискурс» определяется как «язык в языке», существующий в текстах с особой грамматикой, особым лексиконом, особыми правилами словоупотребления и синтаксиса, особым миром. «В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Каждый дискурс – это один из возможных миров» [Степанов, 2001, с. 44].

Пытаясь прояснить смысл термина «дискурс», франко-швейцарский лингвист и культуролог Патрик Серио приводит восемь значений этого слова:

1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание;

2) единица, по размерам превосходящая фразу;

3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания;

4) беседа как основной тип высказывания;

5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию;

6) употребление единиц языка, их речевая актуализация;

7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний;

8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [Серио, 1999, с. 26-27].

Помимо структурных характеристик, дискурс имеет тонально-жанровые измерения. Говоря о тональности дискурса, имеют в виду такие взаимосвязанные параметры как серьезность либо несерьезность, обиходность либо ритуальность, стремление к унисону либо конфликту, сокращение либо увеличение дистанции общения, открытое (прямое) либо завуалированное (косвенное) выражение интенций, направленность на информативное либо фатическое общение [там же].

«Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [ЛЭС, 1990, с. 136-137].

Е.С. Кубрякова в своих более поздних работах считает необходимым ввести в это понятие когнитивное состояние: дискурс – это для нас не только «речь, погруженная в жизнь».., но и действие говорящего со всеми его интенциями, знаниями, установками, личностным опытом и всей его погруженностью в совершаемый когнитивно-коммуникативный процесс» [Кубрякова, 2004, с. 149].

М.Л. Макаров, суммируя различные понимания дискурса, показывает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс, а именно формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация при первом подходе – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения или словосочетания [Макаров, 1998, с. 69].

Речь идет о сверхфразовом единстве, сложном синтаксическом целом, выражаемом как абзац или кортеж реплик в диалоге, где на первый план выдвигается система коннекторов, обеспечивающая целостность этого образования.

Второй подход дает понимание дискурса как всякого употребления языка. «Этот подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. Здесь принципиально допустимыми могут быть как этический, так и эмический подходы. В первом случае анализ идет от выделения ряда функций (например, по Р.О. Якобсону) и соотнесения форм дискурса (высказываний и их компонентов) с той или иной функцией. Во втором случае исследованию подлежит весь спектр функций конкретных форм и элементов дискурса» [Макаров, 1998, с. 69-72].

В.З. Демьянков дает следующее определение дискурса: «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [Демьянков, 1982, с. 7].

Представленные аргументы предполагают, что анализ дискурса – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии.

Изучение разговорного дискурса в последние годы относится в лингвистике к числу приоритетных задач. Данная форма общения имеет характерные для нее особенности, существует в рамках определенного контекста, имеет присущие ей структуру и форму выражения. В таком дискурсе обнаруживается целый ряд средств, с помощью которых слушатель выражает свое внимание и которые в настоящее время представляют огромный интерес для лингвистов.

В соотношении с дискурсом диалог является основополагающим коммуникативным событием прямой коммуникации, благодаря которому партнеры вербально, при помощи перемены роли говорящего, в конкретных условиях реализуют определенные спонтанно возникающие цели деятельности.

В узком смысле, как языковая форма общения, диалог определяется в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой как «одна из форм речи, при которой каждое высказывание прямо адресуется собеседнику и оказывается ограниченным непосредственной тематикой разговора» [Ахманова, 2004, с. 132].

Данное определение подчеркивает важную сторону организации диалога как жанра речи: наличие адресата, общая тематика высказываний, разговорность. Однако этим не исчерпывается содержание термина. Начиная с 90-х гг. прошлого века, лингвистические словари, справочники и энциклопедии определяют диалог шире. В лингвистическом энциклопедическом словаре диалог, или диалогическая речь определяется как «форма (жанр) речи, состоящая в обмене высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Для диалогической речи типична содержательная и конструктивная связь реплик» [ЛЭС, 2002, с. 135]. Данное определение включает не только наличие адресата и адресанта, формальное и содержательное единство реплик, но и конститутивный момент – формирование языкового состава высказывания адресанта под влиянием адресата.

В диалоге хотя и существуют определенные синтаксические правила, но быстрый темп его реализации приводит, как правило, к их несоблюдению, а также к некоторым нарушениям в порядке смены ролей, – например, различного рода перебиваниям и наложениям. Вполне естественно, что каждый из собеседников стремится за минимальное количество времени и с минимальными усилиями донести до другого содержание своего высказывания, которое должно быть понятно, логично и исключать двусмысленность.

М. Бахтин считал, что диалог – такое отношение, в котором даже молчание и отчуждение другого участника выступают в качестве мотивирующей силы. «Молчание – осмысленный звук (слово) – пауза – составляют особую логосферу, единую и непрерывную структуру, открытую (незавершимую) целостность» [Бахтин, 1986, с. 250].

Эта структура придает особое напряжение динамике интерсубъективности в процессе диалогического взаимодействия. Сегодня феномен молчания как отдельная проблема коммуникации привлекает внимание не только филологов, но также и психологов, психотерапевтов, искусствоведов, педагогов и других специалистов в области коммуникации [Маслова, 2002].

Таким образом, язык, представленный в диалогической модели, – это реальная коммуникация, протекающая в конкретных значимых условиях и рамках социального взаимодействия говорящих субъектов, высказывания которых направлены как на слушающего, участвуя, таким образом, в формировании будущего ответа, так и на предыдущий контекст, являясь, следовательно, репликой на предыдущее высказывание.

Диалогические отношения, которые пронизывают текст, имеют своеобразный характер. Они не сводимы ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или к каким-либо иным отношениям. Это особый тип смысловых отношений, которые возникают между целыми высказываниями и наиболее простым и наглядным видом которых является спонтанный диалог.

Диалогизм, как творческая модель коммуникации, предполагает наличие двух коммуникативных центров. Более того, третьим компонентом модели выступает отношение между этими центрами. Причем отношение может принимать самую разную форму: согласие – несогласие, утверждение – дополнение, подтверждение – опровержение, вопрос – ответ и т.д.

Важным компонентом успешного речевого общения является знание говорящим норм этикетного речевого общения и правил ведения беседы. Вне зависимости от формул вежливости в языке есть определенный набор высказываний, закрепленный традицией использования языка, которые «предписывают» адресату определенную форму ответа. В конкретных ситуациях общения слушатель правильно понимает коммуникативную цель говорящего, даже если высказывание не шаблонно, и в соответствии с этим строит ответную реплику. Тактика согласия в диалоге может находить выражение в подхвате адресатом

реплики адресанта, в подборе «коммуникативного синонима», подтверждающего его мысль, реакции на высказывание в виде краткой реплики.

1.5. Реплицирование как форма диалогической речи

Этикетное речевое поведение жестко предопределено не только «традиционными» вопросами, но и обстоятельствами разговора, тональностью общения. Основным правилом для ответного высказывания адресата является то, что реплика должна вписываться в «контекст» диалога, т. е. быть уместной. Но не менее важно то, что любая реплика диалога должна быть правильно просодически оформлена, т.е. «вписываться» в просодический контекст беседы и соотноситься с тем высказыванием, которое ее инициирует. Автор реплики строит ее с помощью заложенной подсознательно просодической системы, машинально создавая во время беседы реплику со значением согласия либо несогласия. Для этого каждому владеющему языком необходимо знать не только смысл «небуквальных выражений», т. е. выражений, смысл которых выводится из значений составляющих их слов, а то значение, какое можно придать реплике в зависимости от ее просодических характеристик.

В ряде работ [Филлипов, 2003; Гальперин, 1981; Бахтин, 1996] основной структурной единицей разговорной речи является реплика, понимаемая как высказывание, произносимое одним участником диалога и ограниченное с одной или с обеих сторон репликами-высказываниями другого участника. Соответственно, обмен репликами, т. е. попеременная смена говорящего лица, выступает основной организационной формой разговорного акта, в частности диалога. Но обмен репликами нельзя назвать единственным условием. Для успешного хода беседы обмен репликами должен задаваться в соответствующей тональности, нужном темпе, на соответствующем частотном уровне и необходимом уровне интенсивности.

Большинство исследователей указывает на преобладание в диалоге неполноты, эллиптичности высказываний, это обусловлено тем, что говорящие имеют представление о теме беседы, происходящей в конкретной ситуации.

Эллипсис является выражением тенденции к экономии языковых средств, т.е. к передаче все большего количества информации в единицу времени [Николаева, 1995].

Важно отметить, что высказывание, заключенное в реплике, зачастую связано с предшествующим или последующим по смыслу, а иногда и структурно без него не существует. Принимая во внимание тот факт, что реплики спонтанного диалога нередко представлены эллиптическими конструкциями, некоторые исследователи склонны выделять при анализе диалога структурную единицу большую, чем реплика. При рассмотрении просодии реплик, по нашему мнению, следует принимать во внимание структурно-смысловые связи, существующие между репликами. Поэтому в большинстве случаев анализу подвергаются группы взаимообусловленных реплик, т.е. сочетания реплик разных партнеров, связанных семантически и структурно, называемые диалогическим единством. Диалогическое единство, в свою очередь, может представлять собой сочетание не только двух, но и нескольких реплик, объединенных на основе прагматических и структурно-семантических связей [Николаева, 1977].

Немаловажно заметить, что в каждом диалогическом единстве одна из реплик является стимулирующей, или вынуждающей, направленной на продолжение разговора (реплика-стимул, вызов), другая – реагирующей (реплика-реакция, отзыв). Отсюда следует, что диалогический текст по своей природе двунаправлен, так как вызов и отзыв имеют различную коммуникативную направленность. Характерное для монологического текста понятие «куммулемы» – тематической единицы связной речи, формируемой однонаправленной последовательностью самостоятельных предложений, объединенных общей темой, – в случае диалога преобразуется в более сложное многосегментное единство, называемое «оккурсемой» и отражающее двунаправленность диалогической речи [Николаева, 1977].

С помощью инициирующих диалогических реплик участник коммуникации побуждает своего партнера к определенной речевой реакции. Однако побудительная роль стимулирующих реплик заключается в реакции на стимули-

рующее диалогическое действие. Сообщая партнеру определенную информацию, инициирующий коммуникант ожидает его реакции, что подтверждает тот факт, что большинство реплик в диалоге взаимосвязано и их просодические характеристики зависят друг от друга.

Таким образом, язык, представленный в диалогической модели, – это реальная коммуникация, протекающая в конкретных значимых условиях и рамках социального взаимодействия говорящих субъектов, высказывания которых направлены как на слушающего, участвуя, таким образом, в формировании будущего ответа, так и на предыдущий контекст, являясь, следовательно, репликой на предыдущее высказывание.

Диалог, и именно спонтанный диалог, в современном языкознании является объектом специального изучения, так как в нем, кроме получения информации, перед говорящими стоит задача установить и поддерживать контакт во время разговора для того, чтобы продлить общение, сделать речь естественной с помощью различных средств, в том числе и просодических, помочь собеседнику пойти на контакт, придать речевой деятельности эффективный характер. Контактоустанавливающие и контактоподдерживающие средства, т.е. те реплики, с помощью которых коммуниканты выражают свое внимание к сказанному, называются средствами выражения обратной связи [Добрушина, 2001].

1.6. Средства выражения обратной связи в американской спонтанной речи

Средства выражения обратной связи являются объектом исследования как отечественных, так и зарубежных лингвистов. В работах зарубежных авторов им отводится особая роль при изучении дискурса [Schiffrin, 1988; Schegloff, 1982; Rey, 1977; Sacks, 1974; Posner, 1975; Renkema, 1993; Ochs,1996; Tao, 1990; Mann, 1988; Fraser, 1975]. В центре внимания американских исследователей находится формальная структура языковой коммуникации с рассмотрением фатической функции в диалогической речи и контактоустанавливающих средств. Такие средства в американской лингвистике обозначены термином «Back-channel items». Этот термин можно перевести как «средства выражения обратной связи», т. е. краткие нелексические высказывания слушателя во время речи другого собеседника. Однако в словаре ABBYYLingvo 11 термин определяется как «тайный канал информации» [ABBYYLingvo 11, 2006]. Первой работой, посвященной проблеме функционирования «Back-channel items», считается исследование C. Fries, в котором рассматриваются контактоустанавливающие средства, использующиеся при спонтанном общении:*Yes, Uh, Huh, Yeah, I see, Oh* и т. п. [Цит. по: Добрушина, 2001].

В 80-е гг. большой интерес вызвала публикация работы Деборы Шиффрин, посвященная исследованию контактоустанавливающих средств с точки зрения прагматики. Последователем Шиффрин можно назвать Хайка Пичлера, который исследует контактоустанавливающие маркеры *I don't know* и *I don't think* [Pichler, 2009, с. 561-596].

Согласно работам американских лингвистов, участники любого диалога должны придерживаться определенных правил, т.е. принадлежать одному слою общества, знать определенный набор всевозможных средств, необходимых им для успешного построения разговора [Schegloff, 1982].

Необходимо отметить, что исследование средств выражения обратной связи в американской лингвистике направлено на изучение вербальных и невербальных средств речевого взаимодействия. Современный подход к описанию этих средств основывается на понятиях, введенных в работе Х. Сакса, Э. Щеглоффа [Sacks, 1977]. В этой работе отмечается, что диалог всегда глубоко погружен в актуальную ситуацию, его свойства являются следствием конкретных обстоятельств, связанных с участниками беседы. Кроме того, авторы подчеркивают, что универсальным средством устной речевой деятельности является ее устройство по принципу чередования реплик собеседников, и отмечают, что не только речь, но и многие другие виды человеческой деятельности облечены в форму «очередности» (turn-taking). Работой Сакса, Щеглоффа и Джеферсона было открыто целое направление американской лингвистики – «Conversation analysis» (конверсационный анализ). Помимо соблюдения правил очередности в разговоре, в ней авторы выделяют факторы, влияющие на дис-

курс, к которым относят контекстуальные особенности, влияние темы разговора, а также последствия нарушения правил очередности, влияние культуры на поведение в диалоге и др. Наряду с этим, определяется важность условий согласия в разговоре [Sacks, 1977].

Исследуя структурную организацию коммуникативного акта, авторы рассматривают также случаи несоблюдения принципов очередности, так называемый разговор вне очереди (out-of-turn talking). Такой внеочередной разговор, т.е. перебивание авторы объясняют использованием реплик согласия (*Yes, Okay, Uh-huh, Right,* и др). Реплики согласия поясняют говорящему, что слушающий понял сказанное, и служат средством для определения манеры поведения слушателя, средством, сопутствующим высказыванию говорящего) и смежных пар (т.е. выражений, которые связаны между собой логически или условно). Авторы допускают, что термины согласия можно произносить во время речи другого собеседника и это не считается прерыванием, хотя зависит от говорящего и от ситуации [там же].

Анализ работ американских лингвистов, исследующих диалог в русле прагматики, показывает, что причины и способы смены собеседников в диалоге изучены пока недостаточно.

Исследование диалога в американской лингвистике широко ведется в основном в рамках дискурсивного и конверсационного анализа. Эти виды анализа различаются и теоретически, и методологически, хотя и имеют много общего. Оба направления отталкиваются от структуры, а не от функций и сходны в выделении сегментов дискурса. В то же время дискурс-анализ считается методом дедуктивным, выводящим гипотезы из «грамматики дискурса», а конверсационный анализ – индуктивным, где гипотезы могут появляться лишь из наблюдения эмпирического материала.

Дискурсионный анализ в американской лингвистике заложил основу для исследования диалога в России и в других странах. Американские лингвисты предположили, что организация разговора как последовательности реплик является тем основополагающим свойством устной речи, формализация которого

может стать исходным пунктом в исследованиях диалога. Кроме того, американские лингвисты дали определение реактивным репликам, выполняющим в диалоге контактоустанавливающую функцию, назвав их «*back channels*» (т.е. средства выражения обратной связи). Проблемы, поставленные в статье Сакса, Щеглоффа и Джефферсона, во многом определили пути дальнейших исследований в этой области [Добрушина, 2001].

Весьма важно в исследовании американских ученых определение «диалоговой единицы» (turn-conversational units), границами которой являются моменты потенциального завершения. Можно предположить, что под этими границами имеется в виду просодическая завершенность [там же].

Вопрос завершенности диалоговой единицы актуален и сегодня. Одной из последних работ, посвященных методам предсказания моментов возможной смены говорящего, является статья С. Форд и С. Томпсон [Ford, Thompson, 1996]. Авторы рассматривают три вида завершенности диалоговой единицы: синтаксическую, интонационную и прагматическую. Их исследование показывает высокую степень совпадений этих трех типов завершенности. Моменты в разговоре, характеризующиеся синтаксической, интонационной и прагматической завершенностью, авторы называют CTRP (complex transition relevance places), что можно перевести как сложные места возможного перехода. По подсчетам Форд и Томпсон, 71% от всех смен говорящего приходится на эти моменты [Ford, Thompson, 1996].

Особый интерес представляют случаи несоответствия смены говорящего местам перехода. Так, внеочередная реплика собеседника может возникнуть тогда, когда говорящий не находит нужного слова и собеседник помогает ему. Другой пример несоответствия смены говорящего местам перехода – характерный способ выражения согласия: завершение вторым говорящим реплики первого говорящего.

Надо признать, что «Back-channels», средства выражения обратной связи, стали одним из наиболее популярных объектов исследования среди лингвистов, занимающихся конверсационным анализом [Ford, Thompson, 1996; Gumperz, 1982; Hess, 1988; Tannen, 1989; Tao, 1991].

Вопросы функционирования фонетических средств контактоустанавливающей речи, их связь с функциями просодии в тексте привлекают большое внимание исследователей. При этом предпринимаются попытки решить вопрос относительно того, существует ли определенный инвентарь просодических средств, которыми должны владеть собеседники для поддержания контакта в разговоре, или просодические средства настолько вариативны и индивидуальны, что не могут быть обобщены и типизированы.

В литературе встречается несколько названий реактивных реплик в зависимости от их коммуникативной роли «question-tags», «fillers-in», «agreement noises», даны просодические характеристики некоторых средств речевого контакта, описаны частично их акустические признаки, однако типология средств речевого контакта не установлена, возможные общелингвистические признаки и их универсальность пока не доказаны. Об интонационном оформлении контатоустаналивающих реплик известно лишь отчасти, так как исследуются в основном реплики одного типа (повторы, переспросы или частотно-коннективные фразы) с описанием их мелодических характеристик. В своей работе мы попытаемся соотнести интонацию контактоустанавливающих реплик с их семантикой и тем самым создать предпосылки для создания классификации реплик.

Как известно, интонация способна задавать различные оттенки смысла, а также передавать разнообразную информацию.

1.7. Просодический уровень реализации фатической функции языка в американской спонтанной речи

Интерес к звучащей речи, характерный для современного этапа развития науки о языке, вызвал пристальное внимание к просодическому ярусу языка.

Как известно, «в речи, кроме сегментного состава – дискретных единиц, составляющих некоторую линейную последовательность, – есть другие средства, которые обязательно присутствуют в речевом потоке, в любой его единице, начиная от мельчайшей (слога) и кончая фразой и фонетическим абзацем. В языковедческой литературе эти средства получили название супрасегментных или просодических средств» [Блохина, 1980].

Под просодией понимается совокупность звуковых средств, которые накладываются на последовательность сегментных единиц (фонем) и служат для объединения их в значимые языковые единицы – слова, синтагмы, высказывания. Несомненно, просодия активно участвует в организации устных текстов и их отдельных компонентов [Светозарова, 1982].

Исследования просодической организации устной речи доказывают, что просодические характеристики играют важную роль в передаче различной информации и способны расширить лексико-грамматическое содержание акта коммуникации.

Среди лингвистических исследований существенную роль играет изучение просодических особенностей фатического общения или контактоустанавливающей речи. В работах рассматриваются комплекс просодических параметов, проявляющихся в процессе общения, умение правильно использовать их с целью вести беседу в нужном направлении. Отмечается, что системное владение этими средствами позволяет отличить чуткого и опытного собеседника от неопытного, а также способно повлиять на весь ход беседы и избежать коммуникативных сбоев [Боброва, 1964; Фрейдина, 1983; Махмурян, 1983; Соболева, 1994; Шитова, 1987; Анощенкова, 1977]. Вместе с тем в большинстве работ, посвященных просодии контактоподдерживающих реплик, проводится анализ просодических параметров лишь какой-либо одной группы реплик.

Авторы признают важность просодии при исследовании контактоустанавливающей речи, а также отмечают просодическую вариативность реплик, обусловленную эмоциональным состоянием говорящих. Эмоциональному выражению придается особое значение в работах различных авторов. И это справедливо, так как, по мнению В.Г. Гака, «всякому высказыванию неизменно сопутствуют эмоции» [Гак, 2009]. Эмоциональные состояния коммуникантов, в свою очередь, оказывают непосредственное влияние на просодию реплик в диалоге. В.И. Шаховский, рассматривая эмоции с лексико-семантической позиции, еще раз подтверждает, что эмоции находят формальное выражение в просодии [Шаховский, 2008, с. 146].

В нашем исследовании также предполагается рассмотрение просодических параметров контактоустанавливающих реплик диалога с учетом эмоционального фактора.

Совершенно очевидно, что в речи находят отражение различные эмоциональные состояния, – такие как страх, гнев, грусть, печаль, радость и др. Мы считаем, что все они оказывают прямое или косвенное влияние на процесс установления и поддержания контакта в спонтанной речи. Изучение просодических параметров реактивных реплик в спонтанных диалогах позволит сделать выводы относительно характеристик мелодики, интенсивности, длительности и темпа реплик.

1.8. Просодические характеристики

Термин «просодия» (и его вариант «просодика») восходит к понятию prosodia, употреблявшемуся в греческой грамматике для обозначения независимых от основной артикуляции звука дополнительных особенностей речи: придыхания, длительности, высоты тона – обычно в связи с метрикой стиха. В современном языкознании термин «просодия» (и его вариант «просодика») трактуется как совокупность суперсегментных, или ритмико-интонационных свойств речи Марузо, 1960, с. 229]. В аналогичном значении используются также термины «просодические характеристики», «просодические признаки», «просодические элементы».

Суперсегментность и звуковая специфика, присущие просодическим характеристикам речи, свойственны в полной мере и средствам *интонации*. Между этими понятиями в современной специальной литературе не всегда проводится четкое разграничение. Тем не менее понятия «просодика» и «интонация» не совпадают. Если просодическая структура – это способ организации звуковых последовательностей, начиная со слога, то под интонацией в наиболее распространенном сейчас значении этого слова понимается лишь способ просодической организации синтагм и высказываний. Говоря о просодике, обычно имеют в виду лишь *средства* просодической организации речевых единиц, тогда как в понятие интонации входит и содержательный аспект. Исходя из определения Л.Р. Зиндера, интонация – фонетическое оформление высказывания от паузы до паузы как некоего целого, независимо от протяженности этого высказывания [Зиндер, 1979]. Относительно употребления в работе выражения «просодические средства» надо заметить, что предполагается рассмотрение всех компонентов интонации, в частности мелодии, частоты основного тона, интенсивности, длительности, темпа, ударения на примере исследуемых реплик.

Термин «просодия» имеет узкое и широкое понимание. Узкое понимание термина характерно для ряда зарубежных авторов и для тех, кто понимает под просодией ударение в слове. В широком смысле термин просодия заключает в себе комплекс супрасегментных средств оформления высказывания, важнейшим из которых является мелодика.

1.8.1. Мелодические характеристики

«Мелодика играет ведущую роль в комплексе просодических средств. Именно различия в мелодическом оформлении высказывания в большинстве случаев определяют различное восприятие и интерпретацию его интонации» [Цеплитис, 1974, с. 106].

Помимо мелодики, существенными являются другие компоненты интонации, – например, интенсивность и длительность способны обеспечивать «акцентную выделенность» элементов высказывания, а также оказывать влияние на ударение, которое может выражаться в резком увеличении или перепаде ЧОТ, интенсивности или длительности сегмента. Паузы, в свою очередь, служат необходимым средством членения и организации высказывания, и иногда выполняют смыслоразличительную функцию. Исследование просодического тембра позволяет получить информацию об эмоциональном состоянии говорящего, связанном с содержанием его сообщения или его отношением к собеседнику или ситуации [Светозарова, 1982].

Известно, что проведение исследования мелодики ставит перед необходимостью учитывать все компоненты интонации (интенсивность, длительность,

паузы, темп и тембр) [там же]. Многие интонологи относят также к компонентам интонации ударение и ритм [Светозарова, 1982; Кодзасов, Кривнова, 2001; Брызгунова,1997). Отношения интонации (мелодики) и ударения представляют отдельную проблему. Во многих исследованиях четкой границы между этими явлениями не проводится.

Расширенное понимание интонации характерно для Е.А. Брызгуновой, которая в качестве релевантных параметров выделяемых ею семи интонационных конструкций (ИК) русского языка использует как мелодические характеристики (направление движения тона, мелодический уровень, интервал), так и другие просодические (длительность и интенсивность ударного гласного, просодический тембр) и даже непросодические (гортанная смычка в ИК-7) особенности [Брызгунова, 1973].

Точки зрения интонологов относительно понятий «мелодика» и «интонация» разнятся. Некоторые зарубежные фонетисты называют интонацией только речевую мелодику, лишь изредка включая в это понятие интенсивность и длительность, и еще реже – тембр (в основном в исследованиях шепотной речи). Но они не отрицают важной роли, которую играют другие просодические средства (в частности, пауза и длительность) в характеристике синтаксических структур [Болинджер, 1987; Lehiste, 1970].

Представители голландской школы ограничивают употребление термина «интонация» речевой мелодией. По мнению нидерландского интонолога К. Кейспер, все существенные просодические отличия можно свести исключительно к противопоставлениям, основанным на тоне [Keijsper, 1992].

В свою очередь И.Г. Торсуева дает следующее определение интонации: «Интонационная форма представляет собой единство взаимосвязанных компонентов – мелодики, силы, длительности, темпа произнесения, тембра и пауз, – соотносимое с определенным набором языковых значений». Следовательно, подчеркивается, что интонация имеет не только формальную, но и содержательную сторону и ее можно определить как систему единиц супрасегментного уровня языка, определенным образом структурированную [Торсуева, 2009, с. 82].

Н.Д. Светозарова также указывает, что супрасегментные средства бывают только в единстве, ни один компонент не встречается отдельно от других и определяет их как «совокупность просодических средств, обладающих языковыми функциями и осуществляющих организацию и членение речевого потока в соответствии со смыслом передаваемого сообщения» [Светозарова, 1982].

При изучении интонации обращаются к анализу мелодических контуров с измерением частоты основного тона исследуемых сегментов речи, так как тональные изменения передают интонационную информацию.

При анализе мелодического контура существенны сегментный состав фразы и другие факторы, – например, психофизиологические. Так, некоторые изменения ЧОТ на различных участках во фразе могут вызываться психофизиологическими, не подконтрольными говорящему факторами. Поэтому измерение мелодии – сложный и важный процесс в исследовании. Необходимо различать две точки зрения: физическую (мелодия как изменение частоты основного тона речевого сигнала) и аудитивную(мелодия как изменение высоты основного тона речевого сигнала) [Цеплитис, 1974, с. 107].

При физическом анализе мелодии исследователями определяются: интервал, средняя частота, крутизна, переменность. Интервал характеризуется объемом и направлением. Объем интервалов определяется количеством полутонов, а направление интервала может быть трояким: 1) восходящее (положительное), если частота второго тона больше частоты первого тона; 2) нисходящее (отрицательное), если частота второго тона меньше частоты первого; 3) неизменное (нулевое), если частоты обоих тонов не различаются. Понятие интервала используется при определении частотного диапазона отрезка речевого сигнала и всего сигнала. Частотный диапазон является интервалом между максимальной и минимальной частотами в данном отрезке (сигнале) [там же, с. 108].

Л.К. Цеплитис отмечает, что при анализе мелодии необходимо учитывать две средние величины: среднюю частоту отрезка речевого сигнала (или всего сигнала) и среднюю частоту голоса диктора. Среднюю частоту отрезка речевого сигнала измеряют автоматическим способом. Средняя частота голоса дикто-

ра – это частотная полоса, которая наиболее часто повторяется в констатирующих высказываниях, т.е. без особой эмоциональной окраски. Эти частоты воспринимаются говорящим как наиболее удобные, не требующие какого-либо напряжения [Цеплитис, 1974, с. 108-109].

Цеплитис указывает также, что понятие крутизны интервала или крутизны отрезка мелодии необходимо для характеристики отклонения данного интервала или отрезка мелодии от линии нулевого интервала, которая на графике изображается прямой, параллельной оси абсцисс. Крутизна определяется в отрезках, имеющих только восходящий или только нисходящий интервалы, причем в восходящем (нисходящем) направлении нет резких изменений крутизны интервалов [там же].

Для характеристики мелодического контура используется несколько измерений, или параметров контура и отдельных его участков. Важнейшие из них – направление, форма, интервал, диапазон, регистр (или тональный уровень), скорость и вариативность мелодии. С каждой из этих характеристик мелодического контура могут быть сопоставлены определенные интонационные значения.

При сходстве общего направления и формы контура интенсивности различие может состоять в интервале – величине подъема или падения тона. Для характеристики величины изменения тона на большом отрезке, – например, в пределах синтагмы, – используют понятие диапазона частотных изменений. Различие диапазонов является одним из признаков разной степени важности синтагмы (например, для вводных конструкций характерен относительно узкий частотный диапазон), а также разной степени их эмоциональной насыщенности (увеличением мелодического диапазона маркируются восклицательные предложения) [Светозарова, 1982, с. 41]. Уровень или регистр, в котором реализуется мелодический рисунок, также может выступать в качестве различительного признака. Так, при описании французской интонации выделяют низкую и высокую вставки. В английском языке противопоставление высокого и низкого подъемов реализуется через различие в общем уровне и одновременно в величине интервала [там же, с. 41, ссылка на Гулида, 1980].

Мы не можем игнорировать тот факт, что та или иная скорость изменения тона обусловливает крутизну или пологость конфигурации, создавая дополнительные различия форм. Наконец, различная степень изменчивости, или вариативности мелодики, особенно ярко проявляется при обращении и эмоциональному аспекту интонации. При выражении некоторых эмоций мелодический контур отличается сложностью и изменчивостью, изрезанностью [Светозарова, 1982, с. 41].

Анализ мелодии осуществляется с помощью различных его видов. При акустическом анализе мелодии изменения мелодии воспринимаются на перцептивном уровне. При аудитивном выявляются общие свойства мелодии, связанные главным образом с направлением интервала (восходящий, нисходящий, нулевой), а также с объемом интервала, определяемым как широкий, средний, узкий. Использование понятия «направление интервала» характерно для процессов моделирования мелодии (в сегменте в целом или в отдельных его частях [Цеплитис, с. 111].

Считается, что при аудитивном анализе целесообразно использовать характеристики формы мелодии, предложенные М.В. Давыдовым:

1) направление движения тона (интервала) – ровное, восходящее, нисходящее;

2) характер движения тона – постепенный, плавный, резкий;

3) диапазон движения тона – обычный, расширенный, суженный [Цеплитис, с. 111, ссылка на Давыдова].

В литературе можно встретить несколько названий интервалов и их сочетаний, но достаточно использовать три: восходящий, нисходящий, нулевой [Цеплитис, 1974, с. 108].

Более подробные характеристики мелодии, по мнению Л.К. Цеплитиса, выходят за рамки восприятия речевого сигнала.

При рассмотрении мелодии необходимо также выявить уровень высоты. Вслед за Н.Д. Светозаровой мы будем использовать три: высокий, средний, низкий. «С направлением изменения высоты тона в контуре в целом или в пре-

делах терминального тона или ядра ассоциируется прежде всего противопоставление по цели высказывания. На материале разных языков продемонстрировано использование восходящего, нисходящего, восходяще-нисходящего и других тонов для оформления отдельных коммуникативных тонов высказываний» [Светозарова, 1982, с. 40].

В английском языке классификация высказываний дается авторами так называемой контурной теории не по характеру коммуникативного назначения, а по типу мелодики или типу грамматической структуры [Halliday, 1967; Pike, 1945; Bolinger, 1970; Peck, 1969].

Одна из разработок интонационной системы принадлежит М. Халлидею [Halliday, 1967]. В основу интонационной системы положена грамматическая единица – предложение (clause). Интонационные единицы оформляют и выражают грамматические категории. Между интонацией и грамматическими единицами нет прямой связи. Интонация в системе М. Халлидея лишена собственного значения, но может выражать грамматические контрастные значения. Интонация рассматривается в одном ряду с другими неинтонационными средствами выражения грамматических категорий.

М. Халлидей выделяет следующие тональные единицы: *tonality, tonicity* и *tone*. Все они выражают определенные стороны грамматической системы [курсив здесь и далее – Е.В. Жаровской].

Tonality является единицей, выражающей границы тональных групп. Здесь речь, по сути дела, идет о членении отрезка речи на синтагмы. Данное членение, по свидетельству автора, может носить нейтральный и маркированный характер. Если тональная группа совпадает с предложением (clause), то данное членение можно считать нейтральным.

Tonicity выделяет смысловой центр предложения (clause). Здесь автор также выделяет случаи нейтрального и маркированного характера. К нейтральной выделенности относятся те случаи, когда терминальный тон реализуется на последнем смысловом слове в предложении. Если же тон реализуется на любом другом слове, то подобные случаи следует считать маркированными.

Tone – третья единица в системе Халлидея. В системе тонов выделяется первичная (primary) и вторичная (secondary) системы. Первичную составляют низкий нисходящий тон, высокий восходящий, средний восходящий, средний нисходяще-восходящий, низкий восходящий, вторичную – предтерминальные тональные изменения. Тоны передают отношение говорящего к высказыванию.

Следовательно, в отличие от контурной, теория М. Халлидея основана на тесном взаимодействии интонационного и грамматического аспектов. Сравнивая контурное и грамматическое направления в британской интонологии, можно предположить, что оба они объединяются общим пониманием интонации как изменением высоты тона. Основное отличие состоит в том, что подход к изучению интонации осуществляется с разных позиций: с позиции специфики самих интонационных явлений (контурная теория) и с позиции грамматической структуры (грамматическая теория).

Стоит упомянуть еще интонационную систему К. Пайка, который также понимает интонацию как изменение высоты тона. Основными единицами интонации у Пайка являются *высотные уровни* (pitch phonemes) и *мелодические контуры* (contours). В работе различаются четыре уровня: сверхвысокий, высокий, средний и низкий [Pike, 1945].

Автор отмечает относительный характер уровней. Уровень не связан с определенной полосой частот, расстояние между уровнями может быть различным и характер уровней различен в речи говорящих. Сами по себе уровни не могут передавать значения, эту функцию выполняют контуры. К. Пайк различает следующие виды мелодических контуров: *основной* (primary), *реализующийся на ударном слоге,* и *предударный* (pre-contour), реализующийся на предударных слогах [Pike, 1945].

Основной и *предударный* контуры составляют общий контур (total contour). Предложение может состоять из одного и более общих контуров. К. Пайк предлагает следующие обозначения для графической передачи контуров: /°/ для обозначения ударного слога и, следовательно, начала основного контура; цифры 1, 2, 3, 4 – для обозначения координальных точек самого контура.

К. Пайк предложил определять различные контуры и значения, которые могут быть переданы различными контурами [там же].

Американский лингвист Д. Болинджер, которому принадлежит разработка ряда конкретных вопросов в области интонации американского варианта английского языка, выдвигает теорию о четырех уровнях: полностью грамматикализованном, частично грамматикализованном, частично неграмматикализованном и полностью неграмматикализованном [Bolinger, 1970].

К *первому* уровню автор относит фразовое ударение, терминальные тоны, уровни и членение. *Второй* характеризуется слитностью логической и эмоциональной информации, *третий* (частично неграмматикализованный) – наличием «неконтролируемых эмоциональных значений». На этом уровне, как полагает автор, важно изучение мелодических изменений в безударных слогах. *Четвертый* уровень – это уровень, на котором преобладают эмоции. Здесь изучению подлежат такие тональные единицы как диапазоны, высокие уровни и т.д. [Bolinger, 1970].

Д. Болинджер, предлагая различать четыре уровня, пытается наметить градации высказываний по степени эмоциональной насыщенности. В предложенной им классификации не остается без внимания ни один аспект мелодии. Особенно интересны наблюдения автора над изменениями мелодики в безударных слогах, а также анализ информации, которая может быть передана данным участком мелодии [там же].

Ч. Пек, проводивший анализ американской интонации экспериментальным путем, пришел к выводу, что четырехуровневый подход удобен при слуховом анализе, при «аппаратурных» же исследованиях более распространен трехуровневый подход [Peck, 1969].

Как видно из сказанного, в американской лингвистике нет единого мнения в отношении количества и характера интонационных единиц. Но всех исследователей объединяет подход к интонации как системе отдельных блоков, которые функционируют более или менее самостоятельно, вне связи друг с

другом и лексико-грамматической структурой. Механистичность теории интонации – отличительная черта американской лингвистики.

Еще одно противоречие, связанное с выбором параметров для интонационного описания, касается статуса так называемой «микроинтонации», или «микропросодии». Лингвистически релевантные изменения ЧОТ в речи называют макропросодией, а контекстно обусловленные вариации, относящиеся к уровню речепроизводства, – микропросодией.

В начале прошлого столетия все изменения основного тона рассматривались как единое целое [Цеплитис, 1974, с. 14]. Подавляющее большинство исследований проводилось с применением только акустического анализа. Однако в современном мире, с появлением и развитием инструментальных средств исследования интонации, ограничиваться лишь акустическим анализом считается неверным, так как современная методика исследования речи, в частности интонации, требует представления точных данных, полученных в результате проведения комплекса экспериментов и измерений с анализом всех просодических параметров. Более того, исследователи должны учитывать вероятность присутствия неинтонационно обусловленных изменений мелодики и исключать их из анализа. К таким изменениям относятся перцептивно и лингвистически незначимые вариации, названные микроинтонацией. Многие из этих вариаций вызываются особенностями сегментного состава фразы.

В настоящее время микропросодические характеристики зачастую исключаются из рассмотрения при исследовании. Однако многие ученые настаивают на включении микропросодии в сферу интонационных исследований, – например, американский интонолог М. Бэкман, по мнению которой, определение интонации должно быть как можно более полным и включать все микропросодические характеристики воспринимаемого мелодического контура [Beckman, 2000].

Изучение чисто фонетических, артикуляторно обусловленных модификаций, по мнению американских исследователей, – необходимое условие изучения просодических систем и их лингвистических функций, поскольку только

тщательный анализ микропросодических явлений может гарантировать постоянство наблюдаемых макропросодических характеристик на различных сегментных последовательностях [Kohler, 1991].

Различное отношение к микропросодическим характеристикам связано с различным выбором ракурса, в котором исследуется интонация. Процесс коммуникации всегда предполагает наличие двух участников – говорящего и слушающего. Те интонационные модели, которые ориентированы на речепроизводство, принимают за основу, за некоторую точку отсчета говорящего и инкорпорируют всю просодическую информацию, содержащуюся в высказывании. При этом под понятие микропросодии могут попадать не только сегментно обусловленные частотные изменения, но и «предсказуемые» движения тона, – такие, например, как начальный подъем тона на ударном слоге [Grennum, 1995].

Однако мы, вслед за П.А. Скрелиным, считаем, что явление микропросодии должны исключаться из исследования, так как «наличие микропросодики сильно искажает мелодический контур и зашумляет его. При наличии явления микропросодии гораздо сложнее выделить общие тенденции изменения ЧОТ» [Скрелин, 2009, с. 41].

Многообразие подходов к описанию структуры интонации и ее единиц на формальном уровне связано, с одной стороны, с потенциальным многообразием способов дискретизации интонационного континуума, а с другой, – с отсутствием общепринятых критериев релевантности избираемых параметров классификации. В ряде описаний существенным с лингвистической точки зрения признается только направление движения тона – подъем, падение [Ode, 1989]. Прочие мелодические характеристики считаются несущественными.

Различная степень изменчивости или вариативности мелодики особенно ярко проявляется при обращении к эмоциональному аспекту интонации. Признаками эмоционального состояния могут служить скачкообразные изменения ЧОТ, отношение интенсивности гласных и согласных звуков [Федоров, 2009, с. 65].

1.8.2. Характеристики интенсивности

Рассмотрение интенсивности в работе является важным моментом, так как интенсивность и мелодика взаимосвязаны и в некоторых случаях компенсируют друг друга. Распределение амплитуды интенсивности может влиять на мелодический контур [Торсуева, 2009, с. 82].

Общефонетической закономерностью является падение интенсивности от начала синтагмы (или фразы) к ее концу. Известно, что интенсивность больше всего – ослабляется к концу завершенного повествования, а меньше всего – к концу незавершенной синтагмы или восклицания, если выделенное слово находится на последнем месте во фразе [Бондарко, 2004, с. 131].

Помимо супрасегментных, необходимо учитывать законы, касающиеся сегментных изменений. Например, установлено, что гласные низкого подъема имеют большую интенсивность, чем гласные высокого подъема. Разница в интенсивности может доходить до 6-7 дБ, что весьма существенно, если учесть общий диапазон изменения интенсивности в речи. Данные о «разномощности» гласных были получены на материале русского языка Л.П. Блохиной [Блохина, 1986].

То, что интенсивность гласного связана с его качеством, отмечал Зиндер. Закрытые гласные, как правило, менее интенсивны, чем открытые. Интенсивность обычно не остается неизменной на всем протяжении гласного, но в большинстве случаев движение интенсивности зависит от определенных условий (места гласного относительно ударения, соседства с различными типами согласных и т. п.) [Зиндер, 2006].

Выявлено, что на интенсивность гласного существенно влияет его ударность или безударность. Ударность может обеспечиваться также такими фонетическими средствами как длительность, высота, особенности тембра. Выявлено, что ударный гласный не обязательно интенсивнее безударного, однако учет непросодических факторов позволяет увидеть роль интенсивности в выражении различной степени выделенности элементов высказывания. «При учете непросодических факторов оказывается, что интенсивность данного элемента тем

больше, чем больше он выделяется на фоне других. Существуют данные о значительном увеличении интенсивности при выделительном, контрастном и эмфатическом ударении в различных языках» [Светозарова, 1982].

Сведения об изменении интенсивности в эмоциональной речи довольно скудны, однако основные тенденции его вполне очевидны и легко предсказуемы. Л.В. Бондарко считает, что «Интонация эмоциональной выделенности (восклицательная) реализуется, по сравнению с повествовательной, усилением одного из параметров – повышением частоты основного тона, увеличением интенсивности или длительности на главноударном слоге» [Бондарко, 2004, с. 46].

Существует ряд работ, которые доказывают, что интенсивность растет с увеличением общего эмоционального напряжения. Н.Д. Светозарова подчеркивает, что положительные и активные эмоции обычно характеризуются повышением, а отрицательные и пассивные – понижением общего уровня интенсивности. Высокий уровень громкости отличает восклицательные и побудительные предложения. Для эмфатического выделения используется резкое повышение, а изредка – и контрастирующее с фоном резкое понижение интенсивности [Светозарова, 2000, с. 178].

Таким образом, интенсивность является одним из ведущих фонетических средств высказывания, имеющим большое значение при организации средств контакта в диалоге. Известно, что высказывания первостепенной важности произносятся с увеличением интенсивности. Кроме того, они нередко маркируются изменением темпа.

1.8.3. Темпоральные характеристики

Едва ли участники диалога задумываются о том, в каком темпе они говорят. Вместе с тем темп речи – «один из основных факторов, влияющих на дифференциацию произносительных стилей» [Щерба, 1974].

Так, темп спонтанной речи быстрее темпа речи подготовленной. Ускорение и замедление темпа происходят по определенным причинам.

Темповые характеристики диалогической речи не подвергались специальному рассмотрению, поскольку спонтанный текст обладает сложным взаимодействием реплик, с особой линейностью развертывания и с особой смысловой структурой [Анощенкова, 1985].

В литературе отмечается, что темп играет большую роль в интеллектуальном аспекте устного высказывания и передает смысловые отношения между синтагмами, фразами, способствуя тем самым различению в сообщении важного и неважного. Синтагма, содержащая более важную часть сообщения, произносится медленнее, а несущая менее важную информацию может произноситься быстрее [Николаева, 1977; Бондарко, 1981; Гусева, 1998].

Кроме того, темп речи передает эмоциональное состояние говорящего и обладает эмотивными значениями. Ускорение темпа может свидетельствовать о радостном или возбужденном состоянии говорящего и, напротив, замедление темпа – о снижении эмоционального настроя говорящего.

Н.Д. Светозарова справедливо отмечает, что в речи наблюдаются отклонения от некоего «нормального» темпа. Одни эмоции и речевые акты характеризуются замедленным темпом, а другие – убыстренным. Кроме того, существуют эталоны темпа для разных ситуаций, поэтому темп может оцениваться как слишком быстрый или слишком медленный [Светозарова, 2000, с. 124].

Л.К. Цеплитис рассматривает темп как асемантическое или семантическое средство. При этом он выделяет три вида асемантического темпа: конститутивный (свойственный языку или его формам или определенным сегментам высказывания), ситуативный (зависящий от элементов речевой ситуации) и индивидуальный (удобный для говорящего и связанный с рядом психологических факторов). Рассматривая темп как семантическое средство, автор называет его интонационным и признает, что темп как семантическое средство выражает некоторые значения высказывания, которые можно разделить на три группы: интеллектуальные, эмотивные и изобразительные. При этом, к интеллектуальным Л.К. Цеплитис относит степень важности содержания отрезка, так как более важное содержание характеризуется медленным темпом, а менее важное – бы-

стрым темпом. Кроме того, автор подчеркивает, что основной причиной изменения темпа является не сама синтаксическая конструкция, а оценка говорящим важности высказывания. Так, вводные конструкции и то, что не столь важно в предложении, произносится с быстрым темпом [Цеплитис, 1974, с. 136-138].

Говоря об эмотивных значениях темпа, автор приводит мнения ряда исследователей, которые считают, что эмоциональные состояния, активизирующие деятельность человека, ускоряют темп, а эмоциональные состояния, снижающие активность, замедляют его. Л.К. Цеплитис не полностью соглашается с тем, что некоторые эмоциональные состояния можно считать активизирующими, так как иногда интеллектуальные соображения преобладают над эмоциональным состоянием. Изобразительное же значение интонационного темпа наблюдается, когда с его помощью в речи отражается скорость событий, действий, о которых идет речь, или когда имитируется темп речи других лиц [Цеплитис, 1974, с. 136-138].

В связи с темой нашего исследования можно гипотетически предположить, что количество употребляемых фраз, направленных на поддержание контакта, также зависит от темпа речи. Логично предположить, что при быстром темпе их меньше, чем при медленном и среднем. Это объясняется тем, что при быстром темпе говорящий захватывает ведущую роль в диалоге, и реализующиеся средства поддержания контакта либо накладываются на речь говорящего в случаях, где слушающий имеет огромное желание отреагировать на сказанное, либо произносятся во время образовавшихся разделительных пауз. Кроме того, вероятна зависимость темпа от эмоционального состояния.

Акустически темп речи выражается параметром длительности, измеряемой разными способами.

Таким образом, изучение теоретических аспектов темы исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Лингвистическая наука имеет богатую историю изучения просодических характеристик текстов разных жанров и стилей, в том числе диалога.

2. Общение – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между отдельными личностями и группами людей. В этой связи изучение фатической функции речи должно стать предметом специального анализа. Смысл речи в фатической функции выводится не только и не столько из лексико-грамматического наполнения фразы, сколько ее просодического оформления.

3. В спонтанной речи, являющейся продуктом нашей ежедневной деятельности и в большинстве случаев протекающей в форме диалога, фатическая функция языка проявляется особенно ярко.

4. Основной структурной единицей разговорной речи является реплика, а обмен репликами – главной организационной формой диалога. Сообщение, заключенное в реплике, связано с предшествующим или последующим высказыванием.

5. Процесс смены ролей говорящего – основной атрибут диалога и может осуществляться с помощью различных просодических средств.

6. Исследование средств контакта в лингвистике направлено на изучение вербальных и невербальных средств речевого взаимодействия, а также особенностей просодического оформления высказывания. Вместе с тем просодической организации реплик-фраз установления и поддержания контакта уделяется незаслуженно мало внимания.

7. Среди всех просодических средств важнейшим является мелодика, характеристики которой определяются взаимодействием ряда факторов.

Обобщение исследований, посвященных взаимодействию реплик спонтанного диалога, свидетельствует, что в динамике речи лексическое содержание реплик контактоустановления передает значение неполно. Хорошо известно, что лексически одинаковые реплики могут иметь различные значения, которые выражаются при помощи интонации. Такие случаи наглядно иллюстрируют действие «принципа замены», который в свое время сформулировал А.М. Пешковский. Суть этого принципа сводится к следующему: чем ярче языковое явление выражено при помощи лексико-грамматических средств, тем

слабее может быть его интонационное выражение, и, наоборот: в грамматически редуцированных репликах главную роль в передаче смысла играет интонация. В этой связи оказывается важным рассмотрение конкретных интонационно-просодических параметров, характеризующих реплики контактоустановления.

Учитывая важную роль просодии в организации высказывания и общий ракурс нашей работы, целью дальнейшего исследования становится определение экспериментальным путем, с помощью методик компьютерного анализа речи, просодических характеристик контактоустанавливающих фраз, репрезентирующих фатическую функцию языка.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНТАКТОПОДДЕРЖИВАЮЩИХ РЕПЛИК АМЕРИКАНСКОГО СПОНТАННОГО ДИАЛОГА

(по результатам слухового и инструментального видов анализа)

2.1. Материал и методика экспериментального исследования

При проведении слухового и инструментального видов анализа исследователи, работающие в русле супрасегментной фонетики, проводят ряд процедур, направленных на решение поставленных задач. В нашем исследовании к ним относятся:

1) составление интонационной транскрипции текстов;

2) экспертный анализ диалогов с целью выявления наличия контактоустанавливающих реплик и выявления их частотности (в процентах);

3) сегментация диалогов и их оцифровка;

4) измерение просодических параметров диалога:

измерение частоты основного тона и составление мелодических контуров синтагм,

анализ полученных данных о ЧОТ и мелодическом контуре,

измерение интенсивности и составление контуров интенсивности,

анализ полученных данных об интенсивности и анализ контуров интенсивности синтагм,

измерение длительности синтагм,

измерение абсолютной длительности синтагм,

вычисление относительной длительности синтагм,

анализ данных, полученных при измерении длительности,

вычисление и анализ темпа;

5) статистический анализ полученных данных.

Материалом нашего исследования послужили спонтанные диалоги, из которых отбирались фразы, выполняющие в диалоге контактоустанавливающую функцию. Фразы оцифровывались и анализировались в программах Sound

Forge 5.0 и Praat 4.0.23. Запись диалогов производилась в фонетической лаборатории Амурского государственного университета. Дикторами были носители американского варианта английского языка в возрасте 50-60 лет, хорошо знающие друг друга, имеющие определенный общий запас фоновых знаний. Все это благоприятствовало общению, о чем свидетельствует, на наш взгляд, отсутствие в разговоре продолжительных незаполненных пауз.

Слуховой анализ диалогов показал, что дикторы активно участвуют в беседе, постоянно вступая в коммуникацию, соглашаясь или не соглашаясь со сказанным в форме реплик *Yes, O'k, Sure, Right, Absolutely, No* и др. или же просто демонстрируя свое участие в коммуникации при помощи междометий типа *Hmhm, Aha*. Разное интонационное оформление придает особую окраску этим выражениям и позволяет расширить спектр применения одних и тех же фраз в различном значении [здесь и далее – курсив Е.В. Жаровской].

Анализ свидетельствует, что каждый собеседник употребляет в высказывании 7% средств контактоустанавливающей речи от всех, использующихся слов. При этом часто одни и те же реплики имеют разное интонационное оформление, и просодические характеристики одних и тех же реплик значительно различаются. Поэтому наблюдается варьирование их значений. Безусловно, употребление и интонационное оформление средств контактоустанавливающей речи во многом зависят от индивидуальных особенностей собеседников и от темы разговора. Как справедливо отмечает А.М. Анощенкова, такие факторы как статус говорящего, возраст, пол могут оказать влияние на процентное употребление контактоустанавливающих средств в речи, однако ни один из факторов не может полностью элиминировать их в речи коммуникантов. Кроме того, наблюдается некоторое варьирование в употреблении средств контактоустанавливающей речи у одного и того же диктора в зависимости от темы беседы [Анощенкова, 1985, с. 10].

Средства установления и поддержания контакта в речи достаточно разнообразны. Наряду с реактивными репликами, используются формулы этикета, клише, невербальные средства. Поэтому целесообразно ограничить круг исследования. Для анализа нами были выбраны только те средства, которые направлены на поддержание контакта во время беседы, т.е. реактивные реплики, поэтому в дальнейшем используется преимущественно название *контактоподдерживающие реплики.* Необходимо заметить, что круг нашего исследования не был ограничен только отдельными репликами, все полученные значения отобранных контактоподдерживающих фраз при анализе соотносились со значениями реплик-стимулов, повлекших их употребление.

На первом этапе слухового анализа была составлена интонационная транскрипция текстов. Затем на ее основе сделана таблица мелодического оформления контактоподдерживающих реплик, которая приводится в табл. 12 приложения 2. Далее тексты диалогов были отсегменитрованы в соответствии с правилами, принятыми для такого рода процедур [Скрелин, 1999].

Синтагматическое членение диалогов осуществлялось на основе слухового анализа. Как уже было отмечено, в нашем исследовании, как и во многих работах по исследованию спонтанной речи, трудность при синтагматическом членении заключалась в том, что спонтанный диалог характеризуется большой расчлененностью, раздробленностью паузами фразы и всего высказывания в целом. Кроме того, контактоподдерживающие реплики и реакции зачастую накладываются на реплики говорящего и вычленить их из речи в таких случаях довольно сложно. Поэтому некоторые реплики, выполняющие функцию поддержания контакта, были отнесены к группе неудачных реализаций и не были включены в материал для исследования. Из восьми диалогов были взяты 89 контактоподдерживающих фраз. Все исследуемые реплики, отобранные для детального анализа, отсегментированы и оцифрованы. Первая цифра номера синтагмы ассоциировалась с номером диалога, а последняя – с номером реализации. В приложениях 4 и 5, помимо названий групп реплик и фраз, указывается номер синтагмы.

В соответствии с задачами исследования в текстах каждого диктора отбирались слова, имеющие контактоподдерживающую направленность. Такими репликами оказались фразы: *Sure; Yes; Oh, yes; You see; That's right; Really? Oh!*

In fact; You know; Uhu; Mm; Ehm; Ah! O'k; Yeah; All right; Well; I think; Nothing; I agree; You know; Absolutely; Good; -Right; True; Oh, yeah; You (I) know; Ah God; I mean; May be; No; You said; Yes I do; Oh, that's right; You don't think; You understand; Ha, yeah, You do? И др.

Анализ просодических параметров исследуемого материала проводился на ПК с использованием программы Praat 4.0.23.

Анализ темпа осуществлялся с учетом артикуляционных характеристик сегментных единиц. Принимались во внимание особенности, касающиеся длительности гласных. Длительность гласного рассчитывалась исходя из протяженности квазистационарного участка гласного и участков перехода между гласным и окружающими его согласными, с учетом собственной, ингерентной длительности того или иного аллофона. Хорошо известно, что разные звуки требуют для образования и восприятия разное количество времени. Так, глухие щелевые согласные (как в словах *yes, sure*) почти вдвое превышают по длительности сонанты в той же позиции (как в словах *no, may be, hmhm*); гласные высокого подъема при прочих равных условиях имеют меньшую длительность, чем гласные низкого подъема (как в слове *well)*, причем эти различия находятся выше слухового порога различения.

Также учитывалась позиция гласных в словах и слогах (большая длительность гласного в абсолютном исходе слова); сокращение длительности гласного (по сравнению со средней) перед глухими согласными; зависимость длительности гласного от длины слова (сокращение длительности каждого элемента при увеличении их числа в речевой единице); меньшая средняя длительность звуков в длинных фразах по сравнению с таковой в коротких; редукция гласных. Все перечисленные факторы определяют длительность гласных и влияют на темп речи [Светозарова, 1982].

Все указанные моменты принимались во внимание, и таким образом оказалось, что во фразах, имеющих три слога (повторы, переспросы, частотно-коннективные фразы, завершители высказывания), длительность гласного ниже, чем в словах, состоящих из одного слога (нелексические заполнители, реактивные выражения, реакции на высказывание, большинство завершителей высказывания, представленных односложными словами).

Исследование спонтанных диалогов проводилось с использованием следующего аппаратного комплекса:

1. Стереофонический аудиомагнитофон, предназначенный для воспроизведения звуковых сигналов.

2. DVD, предназначенный для воспроизведения видеоизображения, сопровождаемого звуковыми сигналами.

3. Операционный блок ПК, оснащенный звуковой картой Vortex и TV тюнером, позволяющий производить копирование, преобразование, обработку и хранение звуковых сигналов, а также текстовой и графической информации.

4. Дисплей для изображения графической и текстовой информации.

5. Принтер для переноса информации на бумагу.

6. Звуковые колонки для озвучивания исследуемого материала.

7. Клавиатура для введения текстовой информации и управления операционным блоком.

8. Оптическая мышь для облегчения управления операционным блоком).

Основные характеристики аппаратного комплекса приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные характеристики аппаратного комплекса

Блок	Характеристики
Магнитофон LG	Полоса воспроизводимых частот 20-2000 Гц.
Операционный блок	Процессор Intel Celeron CPU 1.70 GHz. Оперативная память 128 Мбайт. Компакт-дисководы: ATAPI CD-ROM 52xMAX, пишущий дисковод HL-DT-STCD-RWGCE-8523B. Звуковая плата Aureal Vortex 8810. Устройство Pinnacle PCTV
Клавиатура и мышь	Клавиатура 108 клавиш, рус./англ., мышь трехкнопочная
Дисплей	22 дюйма, Color
Принтер	HP Deskjet F 2180
DVD micro Hi-Fi system F B d - 163	LG

Исходные сигналы преобразовывались в цифровые с использованием звуковой платы Vortex. Путем преобразования были получены стандартные звуковые файлы.

Дальнейшее редактирование и обработка файлов производились с применением пакета программ Sound Forge и Praat.

Обработка числовой, текстовой и графической информации проводилась при помощи приложений Windows 2007, прежде всего Word, Excel и Paint. Кроме того, использовались средства мультимедиа для Windows. Все перечисленные программы применялись для получения точных данных о статусе исследуемых реплик, их мелодике, интенсивности, длительности. Это позволило осуществить тщательный анализ просодии исследуемого материала и соотнести полученные данные с выводами, касающимися классификации реплик, разработанной на прагматической основе.

В ходе инструментального анализа предполагалось выяснить:

1) наличие противоречий и отсутствие четкого толкования реплик в прагматической классификации;

2) объективность распределения контактоподдерживающих реплик в классификации по просодическим параметрам;

3) особенности просодической организации контактоподдерживающих реплик спонтанного диалога;

4) возможность рассматривать контактоподдерживающие реликикак законченные по смыслу предложения, учитывая лишь просодическую завершенность и в связи с этим их способность сопутствовать смене говорящего;

5) влияние просодических средств на смену роли говорящего.

2.2. Классификация контактоподдерживающих реплик американского диалога (по прагматическим параметрам)

С целью разработки классификации контактоустанавливающих реплик изучались работы отечественных и зарубежных лингвистов, на основе чего были выявлены средства, способные выполнять контактоустанавливающую и контактоподдерживающую функцию. [Добрушина, 1995, 1996, 2001; Азнабаева, 1978; Андреева, 2004; Анощенкова, 1984, 1985; Арутюнова, 1970; Бутусова, 2004; Викторова, 1999, 2000; Винокур, 2005; Воронина, 1980; Голубева-Монаткина, 2004; Головин, 1980; Дементьев, 1999; Докторевич, 1976; Егорова, 1989; Заикин, 1988; Клобуков, 1996; Косоножкина, 1989; Павлюк, 1988; Пенина, 2003; Почепцов, 1981, 1987; Святогор, 1960; Соболева, 1994; Фрейдина, 1988; Чахоян, 1983; Чхетиани, 1987; Шведова, 1956; Шевченко, 1997б; Ярыгина, 1985; Drazdauskiene, 1981; Ford, Thompson, 1996; Sacks, 1974, Schegloff, 1977, 1981, 1982; Schiffrin, 1988; Tannen, 1989; Wardaugh, 1985].

На первом этапе на основании контекстуального анализа была произведена классификация контактоподдерживающих реплик-фраз по прагматической направленности, позволившая выделить следующие группы элементов речевого контакта:

1. *Нелексические заполнители (fillers-in)*– это нелексические реплики, которые выражают интерес или понимание в процессе общения. Например: *Hmhm, Huh, Oh, Uh Huh*, и др.

2. *Реактивные выражения (reactive expressions)*, которые демонстрируют проявление интереса к сказанному, только в отличие от заполнителей имеют смысловое содержание. Например: O*h really, Yeah, Gee, Okay, Oh, yes, That's right, Yes, of course, Sure* идр.

3. *Общее завершение (collaborative finishes)* – реплики слушающего, которые завершают предыдущее высказывание говорящего. Например: *Yes, Really, Indeed* и др.

4. Повторы (repetitions), являющиеся высказываниями слушающего и дословно повторяющие какие-то слова первого собеседника. Например: *Sometimes, Willingly* и другие реплики различного лексического содержания.

5. *Реакции на высказывание (resumptive openers)* – реплики, подводящие итог сказанному, открывающие новое высказывание и сопутствующие смене говорящего. Например: *Right, Well, Yeah* и др.

6. *Фразы-коннекторы, или частотно-коннективные фразы (comment clauses)*– реплики, не только осуществляющие смысловую связь между высказываниями, но и вносящие в речь определенные модально-оценочные коннотации. Например: *I know, I agree, I think, I don't think, May be.*

7. *Переспросы* (*elaboration)*– повторение реплики отправителя информации с целью ее уточнения, подтверждения. Например: *You do?*

На втором этапе эксперимента взятые для анализа реплики были подвергнуты фонетическому анализу с целью выявления просодических средств выражения контактоустанавливающей функции интонации и распределения отобранных реплик по группам в соответствии с их просодическими параметрами. В дальнейшем предполагалось дать названия группам реплик по их просодическим характеристикам. Сначала измерялись значения частоты основного тона (далее ЧОТ) реплик, затем анализировались их мелодические контуры для характеристики мелодики исследуемых единиц.

2.3. Характеристики мелодики

Мелодика используется как важнейшее интонационное средство в самых разных языках и обслуживает разные функции интонации в пределах одного языка. Этому способствуют не только малая степень занятости мелодики в языках фонемного строя на сегментном уровне, но и богатство заключенных в данном компоненте интонации различительных возможностей. Возможно, именно мелодика играет наиболее значимую роль при поддержании контакта. В этой связи представляется необходимым расклассифицировать исследуемые реплики прежде всего на основе мелодических характеристик.

В ходе контекстуального анализа выяснилось, что одни и те же по лексическому составу фразы благодаря различным мелодическим характеристикам могут относиться в прагматической классификации к разным группам. Например, реплика Yes может употребляться как реакция, следующая за коммуникативной репликой, может завершать предыдущее высказывание говорящего в виде краткого однословного ответа, не требующего дополнения и пояснения, или же подводить итог сказанному, открывая новое высказывание и тем самым сопутствовать смене роли говорящего. Наряду с репликой Yes, подобные несоответствия отмечаются и при рассмотрении других контактоподдерживающих реплик, в частности Well, No, Yeah, Okay, That’sright и др. Эти случаи весьма многочисленны, что явилось предпосылкой для создания в работе иной, просодической классификации.

При проведении структурного анализа были выявлены тональные признаки, являющиеся информативными с точки зрения сопоставления исследуемых фраз: среднее значение ЧОТ, направление движения ЧОТ, высотный уровень начала фразы, локализация максимального частотного уровня фразы, локализация минимального частотного уровня фразы, частотный диапазон фразы (определяется интервалом между максимальным и минимальным уровнем).

Далее был проведен интонографический анализ вопросно-ответных единств и взаимосвязанных реплик по следующим параметрам: направление движения частоты основного тона во фразе, скорость изменения ЧОТ, диапазон изменения ЧОТ, интервал, темповые характеристики, характеристики ударения. На этом этапе предполагалось выявить набор интонационных параметров, используемых для выражения связи и функциональных значений реплик.

Результаты, полученные в ходе интонографического анализа экспериментального материала, рассматриваются в следующей последовательности:

1) анализ просодических параметров контактоподдерживающих единиц;
2) сопоставление просодических параметров контактоподдерживающих реплик в соответствии с их классификацией;
3) анализ мелодических контуров исследуемых реплик;
4) сопоставление интонационных характеристик реплик с интонационными характеристиками предшествующих им синтагм.

Корпус материала исследования представлен в приложении 1. В отношении мелодических характеристик, в табл. 12 приложения 2 представлены данные о направлении движения тона, высоте, которая отражается через относительную величину интервалов, т.е. отношение максимумов и минимумов ЧОТ к средней индивидуальной частоте тона диктора.

В ходе анализа частотности различных видов реплик было установлено, что наиболее употребительными являются реплики завершения высказывания (31 случай). На втором месте – реактивные выражения (22 случая). На третьем – частотно-коннективные фразы (12 реализаций), на четвертом – нелексические заполнители (8 случаев), на пятом – реакции на высказывание (9 случаев), на

шестом – содержательные повторы (7 реализаций), на седьмом – переспросы (2 реализации). Безусловно, употребление и интонационное оформление средств контактоустанавливающей речи во многом зависят от индивидуальных особенностей собеседников, от темы разговора и т.д.

Важно отметить, что наблюдается некоторое варьирование в употреблении средств контактоустанавливающей речи у одних и тех же дикторов в зависимости от темы беседы. Например, в диалоге № 7 контактоподдерживающие реплики использовались только диктором 2, в то время как речь диктора 1, которому принадлежала инициативная роль в диалоге, характеризовалась развернутыми высказываниями и отсутствием реплик для поддержания речевого контакта.

В ходе слухового анализа было также отмечено увеличение громкости при произнесении контактоподдерживающих реплик групп *реактивных выражений*, *реакций на высказывание*, *переспросов*, характеризующихся повышенным эмоциональным фоном и высокой прагматической направленностью. В этой связи представилось необходимым определить среднюю ЧОТ каждого диктора в каждом диалоге и сравнить ее с ЧОТ исследуемых реплик с учетом номера диалога, в котором реализовались реплики. Это позволило провести более точное сравнение реплик в пределах классификации, а также получить более достоверные данные о средней ЧОТ и диапазонной высоте исследуемых реплик.

Средние значения ЧОТ вычислялись в программе Exel. Они приведены в табл. 13 приложения 2. Заметим, что среднее значение ЧОТ для каждого из дикторов определялось в каждом диалоге, так как в ходе слухового анализа отмечено явное преобладание в некоторых диалогах показателей ЧОТ и интенсивности у одних и тех же дикторов, чему способствовали бóльшая заинтересованность темой беседы, бóльшая осведомленность и проявление интереса к разговору.

Поскольку в ходе экспериментального фонетического исследования принято оперировать значениями средней дикторской ЧОТ, следует отметить, что

значения средней индивидуальной (дикторской) ЧОТ вычислялись сложением значений ЧОТ безударных слогов и делением на количество этих слогов.

Далее значения средней дикторской ЧОТ в каждом диалоге сравнивались с ЧОТ реплик с учетом номера диктора, произнесшего реплику, и диалога, в котором диктор ее произнес. Полученные данные о средней дикторской ЧОТ приведены в табл. 2.2.

Таблица 2

Среднее индивидуальное значение частоты основного тона четырех дикторов в 8 диалогах, Hz

	№ диктора			
№ диалога (Д)	D1	D2	D3	D4
Д 1	182,95	154,72		
Д 2	166,93	139,34		
Д 3	149,85	128,25		
Д 4	158,68	130,01		
Д 5	181,29	123,51		
Д 6	153,75	132,99		
Д 7	161,87	135,22		
Д 8			121,40	125,49

Табл. 2 подтверждает наши предположения, что значения ЧОТ у дикторов в разных диалогах отличаются. Наибольшие значения наблюдаются у диктора 1 в диалоге 1, которые изменяются в меньшую сторону в диалоге 3, хотя и не достигают минимальных значений, как, например, у дикторов 3 и 4. Значения ЧОТ у диктора 2 не имеют существенных отличий, за исключением реализаций в диалоге 1. Но они не идентичны. Примерно одинаковыми являются значения ЧОТ дикторов 3 и 4, однако судить о различиях в разных диалогах нельзя, так как дикторы 3 и 4 принимали участие только в диалоге 8. Возможно, они показали бы другие результаты при активном обсуждении другой темы, хотя отметим, что среднедикторские значения ЧОТ у этих дикторов несколько ниже, чем у дикторов 1 и 2.

На следующем этапе вычислялись относительные значения ЧОТ исследуемых реплик для выявления интонационно обусловленных различий между группами реплик. Данные о ЧОТ исследуемых фраз приведены в табл. 2.3.

Таблица 3

Относительные значения частоты основного тона контактоподдерживающих реплик

№ диалога (Д)	№ диктора (D)	Группы реплик						
		нелексические заполнители	реактивные выражения	завершение высказывания	повторы	реакции на высказывание	коннекторы	переспросы
Д 1	D 1		1,49				1,19	
	D 2			1,03				
Д 2	D 1		1,42					1,11
	D 2			1,3		1,08		
Д 3	D 1	1,14						
	D 2			1,05				
Д 4	D 1	1,29		1,06	1,17			1,12
	D 2		1,18	1,06		1,11	1,31	
Д 5	D 1	1,4	1,22	1,13		1,16	0,99	1,28
	D 2		1,01	1,11		1,12	1,19	
Д 6	D 1		1,09		1,28	1,06	1,14	
Д 7	D 1							
	D 2			1,09	1,04		1,17	
Д 8	D 3	1,51	1,17	1,03		1,09	1,17	
	D 4		1,09		1,13	1,02	1	

Как видно из таблицы, относительные значения ЧОТ всех групп реплик разнятся в пределах одной группы. Например, значения относительной ЧОТ нелексических заполнителей в диалогах 3 и 4 существенно отличаются от значений в диалогах 5 и 8; относительная ЧОТ завершений высказывания колеблется от 1,03 до 1,3, а реактивных выражений – от 1,01 до 1,49. В других группах также нельзя отметить какую-либо однородность: коннекторы – от 0,9 до 1, 31; переспросы – от 1,11 до 1,28; повторы – от 1,04 до 1,28.

Полученные данные об относительной ЧОТ подтверждают предположени, что реплики, входящие в состав любой группы прагматической классификации, имеют разные уровни ЧОТ. Это свидетельствует, что прагматическая классификация не полно отражает направленность реплик и может привести к замешательству или даже коммуникативным сбоям участников диалога, особенно в случаях общения на иностранном языке.

Заметим, что значения, обусловленные явлениями микропросодики, т.е. факторами, способными оказать влияние на значения ЧОТ, при анализе мелодики реплик не учитывались. Например, сегментно обусловленные подскоки ЧОТ после глухих смычных согласных могут интерпретироваться как интонационно значимое повышение тона [Светозарова, 1982, с. 38]. Подобное явление наблюдалось в нашем материале при произнесении диктором 2 повтора *Primed onus*. Значения ЧОТ этой реплики были исключены из анализа. Также необходимо сказать о подходах к анализу реплик *Ye*s. При подсчете значений ЧОТ в ряде случаев исключался из рассмотрения согласный /s/, имеющий достаточно высокую собственную частоту шума (как в слове *Yes)*. Поэтому измерения в этих репликах проводились лишь с учетом ЧОТ ударного гласного.

На следующем этапе анализировались мелодические контуры исследуемых реплик. Для характеристики мелодического контура используется несколько параметров контура и отдельных его участков. Важнейшие из них – направление, форма, интервал, диапазон, регистр (или тональный уровень), скорость и изменчивость мелодии.

В табл. 13 приложения 2 указаны интервалы и диапазон мелодических изменений у четырех дикторов. Интервалы вычислялись отношением наиболее высокой частоты *f max* к наиболее низкой *f min*. Изменение интервалов оценивалось в пределах 0 - 0.1 – нулевой, 0.2 – 0.5 – малый, 0.5 и выше – большой. Как видно из табл. 1 приложения 2, все анализируемые реплики имеют высокий интервал. Таблица свидетельствует, что реплики группы 1 в классификации (*нелексические заполнители*) в среднем расположены в средней или низкой полосе частотного диапазона. Реплики группы 2 (*реактивные выражения*) и 4 *(содержательныеповторы*) расположены в основном в средней диапазонной полосе. Реплики группы 3 (*завершающие высказывание*) и 5 (*реакции на высказывание*) в основном сосредоточены в низкой полосе диапазона ЧОТ. Реплики группы 6 (коннекторы) расположены и 7 (*переспросы*) расположены в высокой или средней полосе диапазона ЧОТ.

Из полученных данных о диапазонной высоте контактоустанавливающих реплик можно предположить, что увеличение диапазонной высоты возможно при увеличении силы речевого сигнала, а это обусловливается рядом факторов, к числу которых относятся индивидуальные особенности и намерения говоря-

щих. Кроме того, полосы диапазона способны выражать некоторые значения, т.е. выступать как семантическое явление [Цеплитис, 1974]. Изменение общей высоты голоса в речи или ее отрезке, насколько оно доступно данному человеку, с одной стороны, применяется для выражения различных эмоций и волевых отношений, а с другой, – служит для выделения вводных предложений и т. п. [Цеплитис, 1974].

Графики мелодических контуров выполнялись в программе Praat в полутонах. Они приводятся в приложении 5.

2.3.1. Мелодическое оформление реплик группы нелексических заполнителей

На рис. 1 и 2 представлена мелодическая кривая слова *Hmhm,* относящегося к группе *нелексических заполнителей*. Эта группа реплик, как свидетельствует анализ кривых нелексических заполнителей, произносится с нисходяще-восходящим движением тона в предударной части и повышением тона на ударном слоге. Мелодический максимум приходится на ударный слог, а мелодический минимум – на предударный. Мелодическая кривая имеет вогнутую, резко нисходяще-восходящую форму. Характер движения плавный, диапазон движения суженный, колебания сосредоточены в средней и нижней полосе ее диапазона (рис. 1, 2).

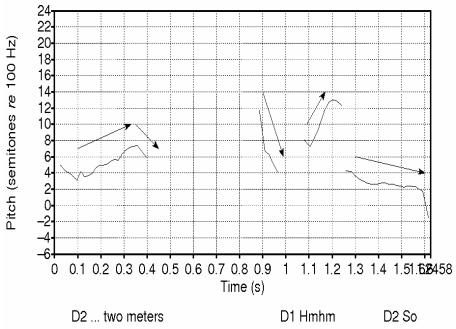

Рис. 1. Реализация слова Hmhm.

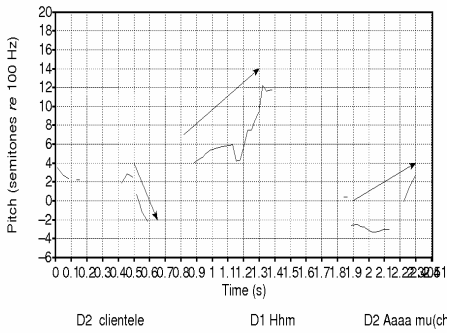

Рис. 2. Реализация слова Hmhm.

В целом рисунки мелодических контуров реплик Hmhm схожи, что обусловлено их сегментным составом.

Реплики *Hmhm* употреблялись всеми дикторами при подтверждении сказанного, при демонстрации интереса к произнесенному высказыванию или же при отсутствии желания захватить роль говорящего. Например:

- It's meter and meter and three feet to meter.
- Hmhm.

2.3.2. Мелодическое оформление реплик группы реактивных выражений

Реактивные выражения, которые оказались самыми часто употребляемыми репликами, характеризуются как различные по тональному движению. Среди них реплики *Well, Oh yeah, Oh yes, Yeah*. Слова *Well* имеют ровное или восходяще-нисходящее направление интервала, характер движения тона плавный, диапазон движения обычный, колебания сосредоточены в средней полосе диапазона. Мелодический максимум приходится на ударный слог, а минимум – на заударный (рис. 3). Стоит отметить, что этот вид мелодического оформления нельзя считать знаком завершенности фразы, так как понижение тона незначительное, плавное.

На рис. 3 изображена реализация реплики *Well*. Направление движения тона реплик *Well* в предъядерной части слова и в ядерной – нисходящее с резким понижением, после чего наблюдается ровное скольжение в пределах звука /e/ и дальнейшее резкое повышение на ударной части слова *Well*, после которого следует плавное восходящее движение контура, что также свидетельствует о незавершенности фразы. Диапазон движения тона обычный, немного суженный, колебания сосредоточены в средней части диапазона. Реплика *Well* также может оформляться восходяще-нисходящим контуром, что видно на рис. 4.

Преобладающее направление интервала реплик *Okay* (рис.5) – восходяще-нисходящее, характер плавный, диапазон суженный, высота диапазона средняя, контур слегка выпуклый. Мелодический максимум сосредоточен на ударном слоге, а минимум – на заударном. Однако нами отмечены случаи, в которых реплика *Okay* имеет восходящий контур (рис. 6).

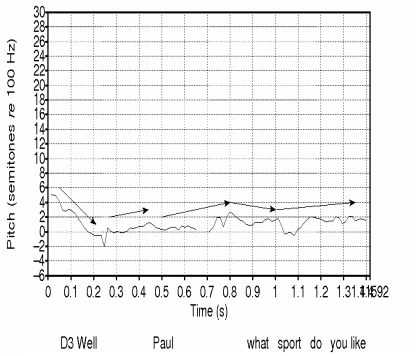

Рис. 3. Реализация реплики Well.

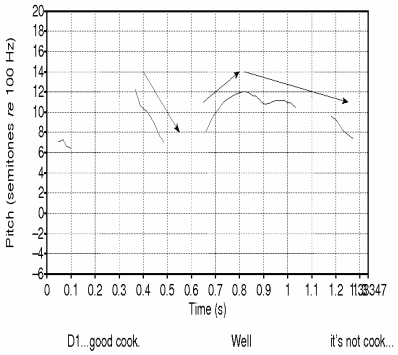

Рис. 4. Реализация реплики Well.

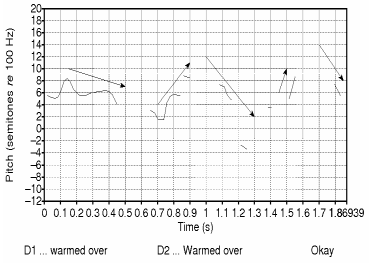

Рис. 5. Реализация реплики *Okay*.

Рис. 6. Реализация реплики *Okay*.

На рис. 7 и 8 представлена реплика *Yeah*. В пределах рассматриваемой группы она характеризуется либо восходящим направлением интервала (инклинацией), либо нисходящим (деклинация), характер движения тона плавный, диапазон суженный (рис. 7, 8).

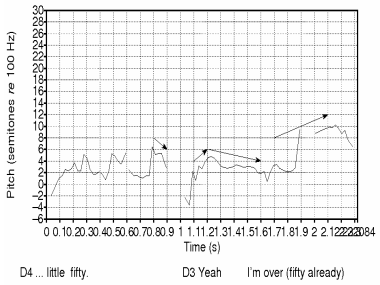

Рис. 7. Реализация реплики Yeah.

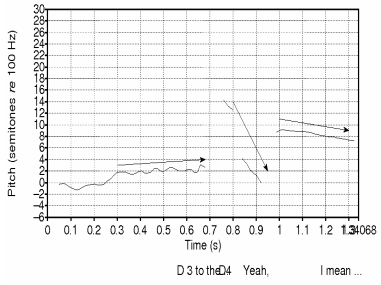

Рис. 8. Реализация реплики Yeah.

На рис. 7 изображена реализация реплики *Yeah*. Направление движения тона реплик *Oh yeah* в предъядерной части слова (*Oh) и* в ядерной – нисходящее с резким понижением, после чего наблюдаются ровное скольжение в пределах звука /j/ и дальнейшее резкое повышение на ударной части слова *Yeah*, после которого следует плавное нисходящее движение контура, что также свидетельствует о незавершенности фразы. Диапазон движения тона обычный, немного суженный, колебания сосредоточены в средней части диапазона.

На рис. 8 заметно, что контур реплики *Yeah* восходяще-нисходящий, причем максимум и минимум мелодики отличаются значительно. Максимум наблюдается на ударном звуке, а минимум приходится на безударный. Мелодический рисунок свидетельствует о незавершенности фразы и об эмоциональной окраске реплики.

2.3.3. Мелодическое оформление реплик группы, завершающих высказывание

В нашем материале реплики, *завершающие высказывание*, представлены словами *Yes, That'sright*и *No*, которые произносились с восходящим или нисходящим тоном, характер изменения тона плавный, диапазон суженный (рис. 9, 10).

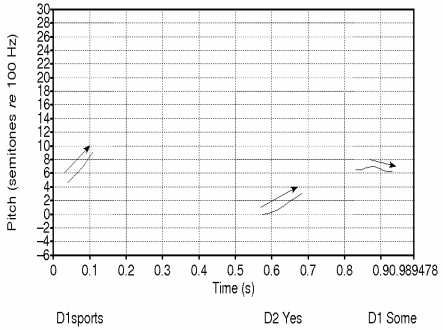

Рис. 9. Реализация реплики Yes.

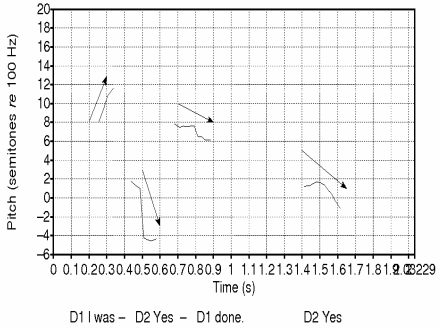

Рис. 10. Реализация реплики Yes.

Колебания тона сосредоточены в средне-нижней полосе диапазона. В некоторых случаях реплика *Yes* реализуется на более низком тональном уровне, в более узком частотном диапазоне и имеет пологий характер завершения.

Заметим, что фраза *Yes* вследствие низкого тонального уровня, узкого диапазона интенсивности звучания воспринимается на перцептивном уровне как менее громкая по сравнению со звучанием *No*.

Полученные акустические данные также показали, что средний уровень интенсивности в *Yes* превышает аналогичные характеристики в *No*.

2.3.4. Мелодическое оформление реплик группы содержательных повторов

Содержательные повторы характеризуются в основном плавным восходяще-нисходящим направлением движения тона с обычным диапазоном. Мелодический максимум наблюдается на заударном слоге, а минимум – на ударном. Колебания сосредоточены в средней полосе диапазона (рис. 11).

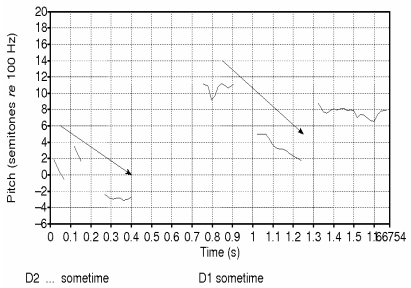

Рис. 11. Реализация реплики-повтора Weightlifting.

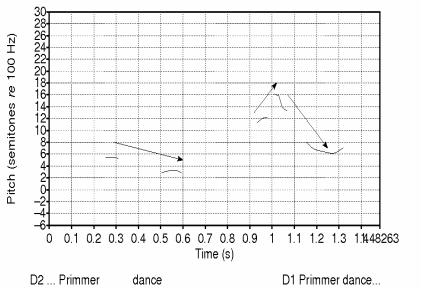

Рис. 12. Реализация реплики-повтора Primed onus..

Особенности просодической структуры содержательных повторов следующие: повышение тонального уровня, расширение тонального диапазона, увеличение уровня громкости, уменьшение скорости произнесения повторов по сравнению с репликами-стимулами; увеличение скорости изменения основного тона в ядерных частях повторов.

В формировании диалогических блоков, содержащих повторы, первостепенное значение имеют просодические средства, что позволяет говорить об организующей функции просодии. Она проявляется в участии просодических средств, которые выступают в различных комбинациях, при реализации в диалогических блоках таких текстовых категорий как связность, цельность, актуальное членение.

Цельность диалогических блоков осуществляется за счет просодической выделенности повторов и опорных слов, а также их корреляции, обеспечиваемой различными просодическими средствами при ведущей роли того или иного компонента просодии. Результаты анализа данной группы предложений свидетельствуют, что, несмотря на различное функциональное значение, они характеризуются тесной интонационной связью с предыдущей репликой вследствие выделенности слов, наиболее важных в смысловом отношении и составляющих коммуникативное ядро фразы. Сопоставление интонационных характеристик реплик показало, что их интонационный рисунок более тесно соотнесен с предшествующей репликой вследствие интонационного параллелизма. Внутри реплик наиболее ярко выраженный интонационный параллелизм характерен для реплик, взаимосвязанных с репликой-повтором.

2.3.5. Мелодическое оформление реплик группы реакций на высказывание

Реплики-реакции на высказывание, представленные словами *Well,Yeah,* имеют в целом ровное, плавное нисходящее или восходяще-нисходящее направление движения тона, диапазон движения обычный или суженный, высота тонального уровня средняя (рис. 13).

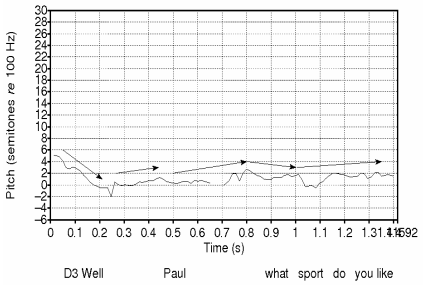

Рис. 13. Реализация реплики Well.

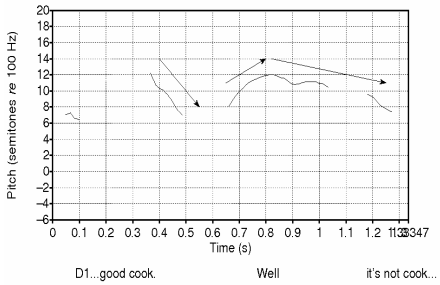

Рис. 14. Реализация реплики Well.

Реплики-реакции Well (рис. 13) имеют нисходящее либо восходяще-нисходящее (рис. 14) направление интервала, характер плавный, диапазон суженный, с низкой полосой диапазона. Реализованная дикторами интонация незавершенности в репликах-реакциях на высказывание, оформляющая начальную синтагму, предполагает продолжение высказывания.

2.3.6. Мелодическое оформление группы фраз-коннекторов

Фразы-коннекторы характеризуются восходяще-нисходящим движением тона с плавным характером изменений, суженным диапазоном (рис. 15). Мелодическая кривая имеет слегка выпуклый рисунок, с максимумом на ударном слоге слова *you* и минимумом на предударном слоге.

В отдельных случаях *коннекторы* произносятся на более высоком тональном уровне, в более широком диапазоне и имеют тенденцию к резкому характеру завершения, – например, реплика *I know* (рис. 16).

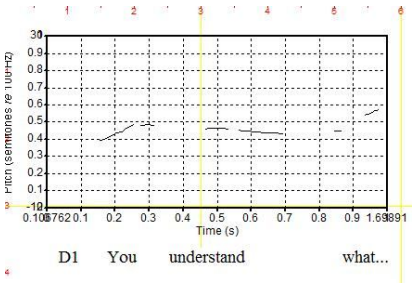

Рис. 15. Реализация реплики Youunderstand.

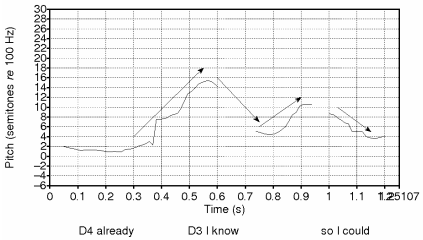

Рис. 16. Реализация реплики I know.

На рис. 16 видно, что мелодический рисунок фразы имеет восходяще-нисходящую выпуклую форму, с пиком на заударном звуке в слове *know* и минимумом на предударной части.

Реплики *I mean* (рис. 17) имеют ровное, слегка восходяще-нисходящее направление интервала на заударном

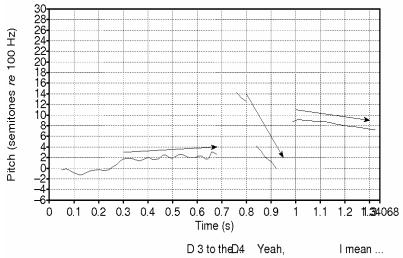

Рис. 17. Реализация реплики I mean.

слоге с очень плавным характером изменений, узким частотным диапазоном. Мелодический максимум отмечен на заударном слоге, а минимум – на ударном.

2.3.7. Мелодическое оформление реплик группы переспросов

Переспросы в целом имеют восходящее или нисходяще-восходящее направление основного тона, характер изменения плавный, диапазон суженный. Контур переспроса *You do*? (рис. 18) характеризуется восходящим движением тона, со скачкообразными подъемами и резким подъемом.

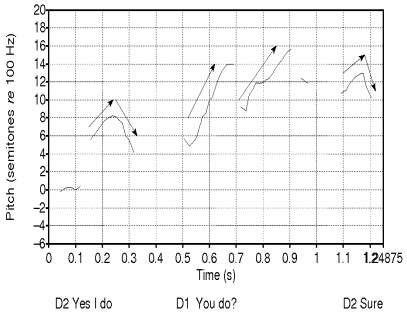

Рис. 18. Реализация реплики You do.

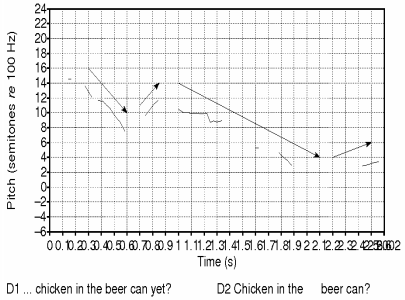

Рис. 19. Реализация реплики *Chicken in the beer. can*.

Реализуя данную фразу, говорящий не пытается узнать что-то новое, а выражает удивление в ожидании подтверждения сомнений. Причем скачкообразное восходящее движение тона свидетельствует о сильном удивлении, скорее даже недоумении относительно того, что было сказано. Например:

– Yes I do.

– You do?

– Sure.

2.4. Характеристики интенсивности

Наряду с мелодикой, при распределении реплик по группам учитывались и другие просодические характеристики, – такие как интенсивность, длительность, темп.

Анализ интенсивности проводился по следующему плану:

1) определение среднего уровня интенсивности на безударных слогах во всех словах диалогов;

2) определение среднего уровня интенсивности на ударных слогах контактоподдерживающих реплик;

3) определение локализации максимума и минимума интенсивности во фразе (верхняя и нижняя границы амплитуды интенсивности);

4) определение диапазона интенсивности, вычисляемого как разность между максимальным и минимальным значениями интенсивности.

Значения среднедикторской интенсивности вычислялись для каждого диалога отдельно. Измерения производились автоматическим способом с использованием программ Praat. При слуховом анализе в некоторых диалогах отмечались явное превалирование интенсивности и большая эмоциональная выделенность ударных слогов. Поэтому представлялось целесообразным получить данные о средней дикторской интенсивности в каждом из записанных диалогов. Эти показатели приведены в табл. 4.

Таблица 4

Значения средней дикторской интенсивности в диалогах, дБ

№ диалога (Д)	№ диктора (D)			
	D 1	D 2	D 3	D 4
Д 1	69,46	64,38		
Д 2	67,28	63,03		
Д 3	54,15	52,78		
Д 4	65,11	67,32		
Д 5	61,94	57,97		
Д 6	59,58	57,75		
Д 7	53,58	52,77		
Д 8			61,51	62,39

Из табл. 4 видно, что значения средней дикторской интенсивности в диалогах 1, 2, 4 выше, чем в остальных диалогах. Предположительно, интенсивность в этих диалогах возрастает за счет эмоционального выделения. Для таких реплик, в которых говорящие демонстрировали осведомленность в теме беседы

и стремились высказаться, характерно увеличение просодических параметров. В дальнейшем были получены значения интенсивности контактоподдерживающих реплик, которые сравнивались со средней интенсивностью дикторов в тех диалогах, из которых эти реплики были вычленены. Для сравнения параметров интенсивности в речи разных дикторов были получены средние значения контура интенсивности анализируемых реплик в речи каждого из них. Данные о средней интенсивности приведены в табл. 5.

Таблица 5

Средние значения интенсивности контактоподдерживающих реплик у четырех дикторов в восьми диалогах, дБ

Название реплик	Диалоги							
	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7	№ 8
Нелексические заполнители			47,55 (D1)			55,56 (D1)		
Реактивные выражения	70,41 (D1)	73,32 (D1)		60,16 (D2)	63,79 (D1) 60,84 (D2)	54,66 (D2)		62,58 (D4)
Завершение высказывания	48,66 (D1) 44,23 (D2)	58,98 (D2)	46,63 (D2)	68,35 (D1) 51,53 (D2)	57,58 (D1) 55,75 (D2)		48,65 (D2)	55,74 (D3)
Повторы				64,9 (D2)		49,07 (D1)	48,27(D2)	64,53(D4)
Реакции на высказывание	63,46 (D1)	49,44 (D2)			69,2 (D1) 53,67 (D2)	58,5(D1) 46,74(D2)		65,18(D3) 59,89(D4)
Коннекторы				62,05 (D1) 54,2 (D2)	62,45 (D2)	59,65 (D1)		62,87 (D3) 61,68(D4)
Переспросы		71,1 (D1)		68,15 (D1)				

Согласно полученным данным (табл. 5), с наименьшей интенсивностью произносятся *нелексические заполнители* типа *Uhu, Hmm, Aha* и др. Они присущи каждому диктору и нередко накладываются на реплики партнера по диалогу, поэтому вычленить их из речи крайне трудно. Они произносятся негромко, но часто, с их помощью реципиент выражает свою заинтересованность в теме диалога, желание удержать нить разговора. Малоинтенсивными оказались

также реплики, *завершающие высказывания* собеседника. Это фразы *Yes, Yeah*, которые завершают предыдущее высказывание и не влекут его продолжения. Немного с большей интенсивностью произносятся *реактивные выражения Oh, Yeah, Well*.

Интеллектуальным значением интенсивности, как отмечает Л.К. Цеплитис, является «значение относительной важности отрезка высказывания: на более важных участках фразы интенсивность возрастает, а на менее важных соответственно убывает» [Цеплитис, 1974, с. 88]. Произнося вокализации типа *Aha, Hmm*, говорящий не выделяет их интонационно. Подобные реплики лишь демонстрируют заинтересованность в теме беседы. Кроме того, они заполняют образовавшиеся паузы для того, чтобы избежать коммуникативного сбоя в случае, когда канал связи некоторое время остается незаполненным.

Появление вокализаций с высоким уровнем интенсивности наблюдается в репликах, когда говорящий стремится ярче выразить согласие с высказыванием собеседника и свою заинтересованность в теме разговора.

Для выполнения роли подобных заполнителей также используются реплики *Yes,Well* или *No*. Завершая предыдущее высказывание собеседника кратким высказыванием, адресат, не претендуя на ведущую роль в диалоге, произносит реплику с низким уровнем интенсивности и ограничивается негромким *Yes,Well* или *No* и др. В таком случае эти слова оформляются паузами. Если же он решает продолжить высказывание адресанта, то слова *Yes, Well, No* произносятся с увеличением интенсивности до 69 дБ.

Наиболее интенсивными среди всех контактоустанавливающих реплик оказались *реактивные выражения* типа *Oh really, Oh God*, которые характеризуются значительным эмоциональным выделением. Сравнительно высокий уровень интенсивности наблюдался лишь в том случае, если эти слова открывали новое высказывание. Однако реплика *Oh God* встретилась только в начальной позиции. Возможно, это объясняется коммуникативной ролью этого словосочетания, так как в американской спонтанной речи оно употребляется для выражения восклицания.

К репликам с наибольшим уровнем интенсивности можно также отнести *частотно-коннективные фразы (коннекторы)* типа *I know, Maybe, I guess,* однако при условии, что они занимают начальную позицию во фразе, поскольку интенсивность реплик этой группы варьирует из-за их места в высказывании. *Частотно-коннективные фразы (коннекторы)* использовались дикторами и для привлечения внимания слушателя и при желании взять роль говорящего. Например:

– You know what actually know.

– May be…

– May be weightlifting.

Считается, что при анализе интонации интерес представляет не столько сравнение отдельных уровней интенсивности сигнала, сколько определение формы изменения интенсивности [Цеплитис, 1974]. Чтобы выяснить, как меняется уровень интенсивности исследуемых реплик, необходимо рассмотреть контуры интенсивности.

В ходе анализа контуров выяснилось, что характер изменения интенсивности реактивных реплик плавный в сторону уменьшения к концу фразы. Вместе с тем характер изменения интенсивности вокализаций *Hmhm* резкий, изменения колеблются то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения.

Контуры интенсивности большинства реплик *Yes*, которые являются *завершителями высказывания* собеседника, плавно изменяются в сторону увеличения интенсивности на ударном слоге и ее уменьшения к концу реплики.

Содержательные повторы предшествующих фраз собеседника имеют контуры интенсивности с резким характером изменения (с повышением) интенсивности в сторону ее увеличения на ударных слогах и уменьшения к концу слова.

На следующем этапе анализа проводились измерения длительности исследуемых фраз.

2.5. Характеристики длительности

Как отмечается в литературе, длительность составляющих речевой цепи весьма вариативна, и характерный для данного языка диапазон значений длительности звуков может использоваться для передачи особой – просодической – информации [Светозарова, 1982]. Длительность реплик измерялась в миллисекундах с помощью программы Praat. Данные о длительности реплик приведены в табл. 6.

Таблица 6

Средняя длительность реплик, мс.

Нелексические заполнители	Реактивныевыражения	Реплики, завершающие высказывание	Повторы	Реакции на высказывание	Модально-оценочные коннотации	Переспросы
0,59	0,55	0,54	1	0,5	0,5	0,7

В соответствии с полученными данными (табл. 6) наибольшую длительность имеют реплики-повторы и переспросы. Можно предположить, что при их реализации в речи уменьшается скорость произнесения, так как говорящий пытается подтвердить или уточнить полученную информацию. Кроме того, длительность повторов и переспросов варьирует и в некоторых случаях превышает 1 сек.

На третьем месте по убывающей шкале находятся нелексические заполнители,на четвертом реплики, завершающие высказывание, модально-оценочные коннотации и, наконец, реакции на высказывание.

В целом длительность реплик не превышала 1 с. Средняя длительность реплик группы нелексических заполнителей составила около 0,5 с, хотя значения варьировали от 0,2 до 0,5 с. Длительность реплик группы реактивных выражений составила от 0,3 до 0,7 с. В группе реакций на высказывание средняя длительность реплик – от 0,2 до 0,6 с. Наибольшие значения длительности имеют содержательные повторы – от 0,7 до 0,8 с. Средняя длительность реплик – реакций на высказывание составляет от 0,2 до 0,6 с; таким образом, длительность реплик в пределах группы варьирует, но заметной разницы по длительности между группами не отмечено.

Измерить лишь абсолютную длительность для исследователя интонации недостаточно, так как «интонационно обусловленные различия по длительности всегда относительны» [Светозарова, 1982]. Поэтому на следующем этапе были получены относительные значения длительности реплик, они вычислялись отношением абсолютного значения к среднему значению длительности. Данные расчетов приведены в табл. 7.

Таблица 7

Относительная длительность реплик, мс.

Нелексические заполнители	Реакции на высказывание	Реплики, завершающие высказывание	Содержательные повторы	Реактивные выражения	Коннекторы	Переспросы
3	9	17	3	22	20	7

В результате обобщения полученных данных об относительной длительности можно сделать вывод, что наибольшую относительную длительность имеют *реакции на высказывание* и содержательные повторы, немного меньшие – реплики, *завершающие высказывание*. Относительная длительность реакций на высказывание занимает срединную позицию. Наименьшие значения относительной длительности имеют *нелексические заполнители* и *содержательные повторы*.

2.6. Характеристики темпа

Длительность и темп речи – два взаимосвязанных явления, так как длительность сегмента зависит от темпа речи, который в свою очередь зависит от таких характеристик высказывания как коммуникативный тип предложения, тема-рематическая структура, эмоциональная нагрузка высказывания, эмфатические маркеры и т. д. Эти факторы могут способствовать убыстрению или замедлению темпа.

Как считает Л.К. Цеплитис, темп речи как просодическое средство можно охарактеризовать через следующие показатели: общий темп синтагмы (фразы), изменение темпа на протяжении синтагмы и место наиболее выделенных при

помощи длительности элементов синтагмы [Цеплитис, 1974]. Кроме того, он отмечает, что основными темпоральными признаками являются: длительность ритмической группы, длительность синтагмы, длительность фразы, длительность пауз [там же].

Существует несколько способов измерения темпа, но наиболее наглядные результаты дает метод определения темпа количеством сегментов, произносимых в единицу времени [Цеплитис, 1974; Светозарова, 1982; Бондарко, 2004].

При измерении темпа в качестве единицы, средняя длительность которой характеризует темп, исследователи выбирают какой-то элемент речевой цепи – звук, слог, морфему, слово, синтагму, предложение. Различие флюктуаций длительности сегмента не столь значительно, чтобы был повод признавать какой-либо из сегментов непригодным для использования в качестве единицы счета при анализе темпа, хотя чаще всего для этого используется слог, так как его длительность имеет наименьшие флюктуации. Л.К. Цеплитис отмечает, что сегмент, взятый за единицу счета, должен быть меньше сегмента, темп которого подлежит измерению [там же]. Поэтому в анализируемом материале в качестве единицы счета более целесообразным представилось использовать звук, так как анализу подвергались краткие реплики, большинство из которых – односложные.

При описании результатов аудиторского анализа темпа, как правило, используются три степени темповых различий: медленный, средний и быстрый темп. Но чтобы определить темп речи для каждого диктора, недостаточно провести слуховой анализ. В нашей работе средний темп произнесения фразы дикторами определялся отношением количества звуков во фразе ко времени их произнесения (паузы не учитывались). Мы считаем, что при измерении темпа целесообразно не учитывать паузы, так как при оценке темпа слушающий ориентируется в большей мере на фонационную часть речевого сигнала. Данные, полученные при расчетах, занесены в табл. 8.

Далее вычислялся темп произнесения всех исследуемых фраз. Количество звуков мы умножали на масштаб времени (1 с.), делили на длительность фраз и

соотносили полученные данные со средними значениями темпа дикторов. Полученные измерения представлены в табл. 9.

Таблица 8

Общая характеристика темпа в диалогах

Диктор	Средний темп синтагм, количество звуков в секунду
D 1	2,94
D 2	1,88
D 3	4,06
D 4	1,65

Таблица 9

Общая характеристика темпа контактоподдерживающих реплик у четырех дикторов в диалогах с учетом прагматической классификации

Название реплик	Номер диктора			
	D1	D2	D3	D4
Нелексические заполнители	11,66	–	–	–
Реактивные выражения	7,56	6,87	10,75	5,7
Завершающие высказывания	7,11	–	11,82	–
Повторы	9,27	11,96		7,7
Реакции на высказывание	9,73	8,182	11,035	7,2
Коннекторы	14,29	16,84	12,01	8,8
Переспросы	10,89	–	–	–

При сравнении темпа дикторов можно отметить, что темп диктора 4 медленнее, чем у остальных. Мы считаем, что это связано с его индивидуальными особенностями. Стоит отметить, что этот диктор не выражал особого желания вести разговор на данную тему.

Как видно из табл. 9, большинство реплик произносятся в среднем темпе, в быстром темпе произносятся *коннекторы* (дикторы 1, 2 и 3), *повторы* (диктор 2), *завершающие высказывания* (диктор 3), *реактивные выражения* (диктор 3). Это объясняется индивидуальными особенностями дикторов, а также различиями длительности фраз.

В спонтанной речи, в которой наблюдается экономия средств выражения, говорящий, по нашим наблюдениям, произносит реплики – реакции на выска-

зывание быстрее, так как не придает им особого значения, а лишь пытается придать речи естественность, поддержать беседу и продолжить высказывание.

В ряде случаев в исследуемом материале отмечается удлинение последнего звука [s] в словах *Yes*, относящихся к завершителям высказывания. По-видимому, этим диктор придает некоторую весомость своему согласию. Отметим, что в реакциях на высказывание и реактивных выражениях длительность ударного гласного увеличивается за счет его эмоционального выделения. Подобно этому, в переспросах длительность гласных увеличивается за счет их протягивания с целью выразить удивление, придать важность. Это еще раз подтверждает, что «слово или синтагма, имеющие в высказывании больший смысловой вес, характеризуются большей длительностью, которая проявляется в большей длительности всех или некоторых их элементов, в числе которых ударный гласный» [Светозарова, 1982].

Наши наблюдения свидетельствуют, что при желании вступить в коммуникацию дикторы активно, в быстром темпе выражают свои мысли и, наоборот: реплики произносятся с замедлением темпа и их частотность сокращается, когда говорящий«уходит» от разговора.

В результате исследования темповых различий в нашем материале выявлено, что в целом темп речи, подвергнутой анализу, является быстрым. В силу различной смысловой организации текстов, а также за счет эмоциональных факторов темп спонтанного высказывания может либо убыстряться, либо замедляться, таким образом, характеризуясь скачкообразными изменениями.

2.7. Характеристики ударения

Для проведения корректного анализа ударения необходимо определить место исследуемых реплик в потоке речи. Известно, что просодические характеристики любого слова ритмической группы претерпевают значительные изменения в зависимости от типа интонации предложения, в которое она ритмическая группа входит. Семантический вес слова и его место в интонационном контуре также имеют особое влияние на мелодику, интенсивность, длительность. «Реализацию ударений во фразе обусловливают длина фразы, смысловая

нагрузка, степень важности слова в составе фразы или синтагмы, место слова в синтагме» [Светозарова, 1982].

Помимо определения основного ударения, ставилась задача определить также другие виды ударения, в частности логическое ударение, эффект которого вызывается интенсивностью, ЧОТ, длительностью.

На первом этапе исследования (слуховой анализ) ударения мы разделили сегменты на ударные и безударные. В основном исследовались краткие реплики, состоящие из одного-двух слогов, поэтому в большинстве слов ударный слог являлся единственным в слове. В тех случаях, где реплики имеют два или более слогов, ударный слог соотносился с другим слогом данного слова.

Анализ показал, что ударение в репликах группы нелексических заполнителей слабое. В репликах-реакциях на высказывание ударение можно оценить как среднее и в случаях акцентной выделенности – сильное. В репликах, завершающих высказывание, ударение слабое или среднее. В реакциях на высказывание, предполагающих развитие высказывания, словесное ударение сильное или среднее. В переспросах словесное ударение также сильное или среднее.

Исследуемые фразы, кроме повторов, не превышают по длительности 1 с. Большинство фраз имеют всего один слог. Это фразы групп 1 (*нелексические заполнители*), 2 (*реактивные выражения*), 3 (*завершающие высказывание*), 5 (*реакции на высказывание*).

На втором этапе мы рассматривали реплики, представленные словосочетаниями, ряд повторов и переспросов. В содержательных повторах словесное ударение можно охарактеризовать как среднее или сильное. Как известно, в английском языке выделяют два типа ударения: главное и второстепенное. Слог, на который падает основное ударение, характеризуется большей интенсивностью по отношению к слогу с второстепенным ударением.

На третьем этапе мы исследовали синтагматическое и логическое виды ударения. Вопрос о соотношении синтагматического и логического ударений рассматривается на протяжении многих лет. Н.Д. Светозарова находит, что «наиболее важное слово синтагмы, функционирующей в речи как единое фонетическое

целое, выделяется синтагматическим ударением, которое создает акцентную вершину синтагмы. Все остальные слова примыкают к слову, несущему синтагматическое ударение» [Светозарова, 1982]. Брызгунова под синтагматическим ударением понимает усиленное ритмическое ударение в конце синтагмы [Брызгунова, 1963, с. 183]. Л.К. Цеплитис считает эти два вида ударения разноплановыми явлениями: «При анализе конститутивного строя констатируется синтагматическое ударение, при анализе интонации – логическое» [Цеплитис, 1974].

Подвергнув анализу данные о ЧОТ, интенсивности, длительности реплик-стимулов и реакций, можно сказать, что в исследуемом материале реплики имеют логическое ударение в случае придания им эмоциональной окраски для выражения важности. Синтагматическое ударение имеют все реплики, кроме нелексических заполнителей. В репликах группы *реактивных выражений* эффект ударения вызван повышением ЧОТ и в некоторых случаях – интенсивности.

Рассматривая контактоподдерживающие единицы на уровне сочетания с репликой-стимулом, можно сделать вывод, что все они представляют собой отдельную ритмическую группу, ритмическое ударение которой совпадает со словесным.

Итак, полученные данные подтверждают необходимость создания просодической классификации контакотоустанавливающих реплик.

2.8. Классификация контактоподдерживающих реплик американского диалога (по просодическим параметрам)

Мы считаем, что просодическая классификация реплик должна быть создана на основе данных о частоте основного тона (ЧОТ), так как именно ЧОТ, как показало проведенное исследование, служит отличительным признаком контактоподдерживающих реплик. Другие параметры не демонстрировали четких различий. Поэтому названия групп в просодической классификации отражают направление движения тона. Далее представлена классификация контактоподдерживающих реплик на основе их мелодики.

1. *Fall (падение)*: слова yeah, well, ah God, okay, yes, oh yeah, I know, it's true, yes, sure, no, what oh, и т.д., завершающие высказывание или выражающие подтверждение либо отрицание сказанного.

2. *Rise (подъем)*: слова yeah, huh yeah, yeah, okay, well, huh и т.д., которые начинают новое высказывание или выражают удивление и переспрос.

3. *Fall-Rise (падение-подъем)*: слова no, hmuhmu, yes, выражающие интерес или понимание в процессе общения, чаще произносятся без особой эмоциональной окраски.

4. *Rise-Fall (подъем-падение)*: слова oh yes, yeah, yes, oh yeah, oh that's right, oh, well, выражающие реакцию на сказанное в форме подтверждения, часто с эмоциональной окраской.

Реплики группы *Fall (падение)* произносятся с уверенностью как подтверждение слов говорящего. Их контуры демонстрируют тональное и логическое завершение. ЧОТ этой группы составляет 95-156 Hz. Различие ЧОТ обусловлено некоторыми причинами: растущий или пропадающий интерес к теме; индивидуальные особенности дикторов и их эмоциональное поведение (рис. 14-17).

В целом в группу *Fall (падение)* вошли реплики из двух групп прагматической классификации: *реактивные выражения* и з*авершающие высказывания.* Нисходящий контур, узкий частотный диапазон обрывистое завершение свидетельствуют о том, что все реплики этой группы представляют собой законченные предложения, которые демонстрируют подтверждение сказанного словами *Yes, Well, Sure* or *No*. Заметим, что *No* как контактоподдерживающая реплика не имеет ярко выраженного отрицательного значения.

Группа *Rise (подъем)* характеризуется повышающимися значениями ЧОТ. Группу составили слова *Yes, Well, Yeah, Huh*, с помощью которых участники диалога открывают новое высказывание, выразив свою позицию по какому-либо вопросу.

Как показывает анализ графиков, реплики произносятся с восходящим движением тона (максимум ЧОТ приходится на ударный слог), узким частотным диапазоном и имеют плавное завершение. Высказывания этой группы не являются законченными предложениями.

Реплики, отнесенные к группе *Fall-Rise (падение-подъем),* включают нелексические заполнители *Oh, Oh yeah, Huh, Oh Yes, Hmuhmu, Huh*, сюда относятся слова из трех групп прагматической классификации.

Реплики этой группы либо открывают новое высказывание, либо являются подтверждениями сказанного. Они имеют нисходяще-восходящий контур, который достигает пика на ударном слоге и понижается к концу. Реплики Hmuhmu, входящие в эту группу, эмоционально не маркированы. Направление контура обусловливается их сегментным составом. Так как ударным слогом в словах является сонант *m,* он отмечается значительным повышением ЧОТ. Слова этой группы имеют обрывистый контур, следовательно они могут являться самостоятельными предложениями.

Группа *Rise-Fall (подъем-падение)* включает слова *That's right, Of course, Well, Oh, Oh yeah*. Реплики этой группы произносятся с уверенностью, часто с последующим объяснением коммуникативных намерений.

Инструментальный анализ, проведенный в данной главе, позволяет сделать следующие выводы:

1. Существующие различия просодических параметров в реализации реплик-фраз установления и поддержания контакта дают возможность разработать просодическую классификацию данных реплик. Сопоставление реплик в переделах групп показало, что во всех вариантах действуют однонаправленные просодические тенденции, находящие выражение в схожем направлении движения частоты основного тона и интенсивности.

2. Просодическая классификация отвечает требованию иконичности: направление мелодического контура фраз коррелирует с их функциональной значимостью.

3. Фразы всех групп могут рассматриваться как интонационно завершенные.

4. Реплики группы Rise (подъем) в ряде случаев могут открывать новое высказывание.

5. В ходе эксперимента установлены закономерности в направлении варьирования просодических признаков контактоподдерживающих фраз, детерминированные спецификой их актуального членения, стилистической маркированностью и длиной фразы.

6. Контактоустанавливающие реплики в диалоге в основном не имеют яркой выделенности, произносятся негромко, поскольку выполняют функцию поддержания контакта в диалоге. Употребляя их, говорящий тем самым заполняет канал коммуникации, показывает свою заинтересованность в теме разговора, следит за тем, чтобы этот канал не оставался долго незаполненным и тем самым избегает коммуникативного сбоя. Возможные подъемы ЧОТ, интенсивности, изменение длительности обусловлены коммуникативными намерениями участников беседы и зачастую маркируют захват ведущей позиции в диалоге.

7. Темп произнесения реплик всех групп быстрый. Но наиболее быстрый темп имеют реплики группы *Rise* и *Fall-Rise*.

8. Эффект логического ударения в репликах всех групп вызван повышением интенсивности, частоты основного тона, длительности или замедлением темпа речи.

9. Классификация, созданная по параметру мелодики, помогает дифференцировать контактоустанавливающие реплики в зависимости от намерения участников диалога. Лексический компонент менее существен при употреблении реплик, лишь мелодика способна придать им необходимое значение.

10. Прагматическая классификация передает значение контактоподдерживающих реплик не вполне адекватно и не позволяет однозначно их интерпретировать.

11. Результаты исследования свидетельствуют о вариативности контактоустанавливающих фраз в диалоге.

12. Регулярность установленных интонационных признаков у разных дикторов и в разных реализациях позволила получить их обобщенные характеристики и затем проверить существенность их для восприятия носителями языка.

ГЛАВА 3. ПЕРЦЕПТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНТАКТОПОДДЕРЖИВАЮЩИХ РЕПЛИК АМЕРИКАНСКОГО СПОНТАННОГО ДИАЛОГА

3.1. Материал и методика исследования

Как часть общего исследования был запланирован перцептивный эксперимент, в ходе которого предполагалось подтвердить или опровергнуть следующие гипотезы:

1. Реплики групп *Fall (падение), Rise-Fall (подъем-падение)* и *Fall-Rise (падение-подъем)* не требуют продолжения высказывания и могут рассматриваться как интонационно законченные фразы и, следовательно, способствуют смене говорящего;

2. Реплики группы *Rise (подъем)* требуют реакции реципиента и могут сопутствовать смене говорящего.

Для проверки выдвинутых теоретических гипотез был проведен аудиторский эксперимент, направленный на решение следующих задач:

1) определить характер интонационного оформления фраз (завершенная / незавершенная);

2) выявить, насколько факторы интонационной завершенности или незавершенности значимы для восприятия;

3) доказать, что не лексический, а просодический компонент является ведущим при распределении реплик по категориям.

При подготовке аудиторского эксперимента из материала были исключены неудачные реализации, т.е. те средства речевого контакта, которые либо накладываются на слова другого участника диалога, либо произносятся нечетко и неясно. Включение подобных слов в материал для аудиторского эксперимента могло вызвать неправильное толкование. Поскольку все реплики имеют невысокие показатели интенсивности (40-60 dB), была искусственно увеличена их громкость с помощью программы Sound Forge. В дальнейшем значения интенсивности не учитывались.

Опыты проводились на филологическом факультете СПбГУ. Аудиторами являлись четырнадцать студентов – американцев из разных штатов в возрасте от 20 до 25 лет, носители стандартного американского произношения. Эксперименты по аудированию проводились в два этапа в группах по 7 человек. Количество аудиторов в каждой группе устанавливалось на основании данных лаборатории экспериментальной фонетики им. Щербы Л.В. СПбГУ: при восприятии звучащей речи экспериментально установленное минимальное статистически надежное количество аудиторов в группе составляет 7 человек [Чугаева, 2007, с. 72].

Все аудиторы не имели специальной лингвистической или фонетической подготовки. Известно, что в качестве испытуемых по восприятию должны выступать наивные носители языка, которые отвечают на поставленные экспериментатором вопросы благодаря своей общей языковой компетентности.

Для решения поставленных задач были составлены задания, в которых аудиторам предлагалось определить, является ли реплика конечным высказыванием или после нее последует продолжение высказывания спикера. Инструкции для опытов по восприятию были отпечатаны на бланках на английском языке с соответствующими пояснениями. В бланках была представлена таблица, состоящая из двух колонок. Аудиторам предлагалось поставить знак плюс в первой колонке в том случае, если они считают, что высказывание будет продолжено спикером, и во второй, если высказывание не будет продолжено.

Экспериментальная ситуация состояла в следующем. В ходе перцептивного эксперимента аудиторам было предложено прослушать исследуемые фразы. Каждая фраза звучала трижды. Фразы были представлены для прослушивания вразбивку; одинаковые по лексическому составу фразы с разными интонационными контурами по возможности не звучали подряд. Испытуемым предлагалось прослушать целые (естественные) фразы, вырезанные из потока речи. Целые фразы и сегменты чередовались, чтобы исключить возможное запоминание. После каждой фразы следовала пауза.

Разные типы элементов речевого контакта в количественном отношении по-разному представлены в эксперименте. Реплик группы *Fall (падение)* насчи-

тывалось 48, *Rise-Fall (подъем-падение)* – 29, *Rise (подъем)* – 7, *Fall-Rise (падение-подъем)* – 7. Всего 91 фраза. При этом реплики, идентичные по лексическому составу, имели разное интонационное оформление. Предложенное аудиторам задание заключалось в определении роли интонации при поддержании контакта, в частности требовалось по интонации опознать законченность и незаконченность, полноту и неполноту высказывания.

3.2. Анализ данных перцептивного эксперимента

Большинство реплик было воспринято аудиторами как завершенные. При анализе результатов восприятия исходной оценкой традиционно является процент правильного опознания речевых отрезков (р%) (Чугаева, 2007; Краузе, 2002; Штерн, 1992 и др.), поэтому после проведения эксперимента по восприятию английского слова для каждого аудитора был определен показатель р%. Общие результаты эксперимента приведены в табл. 10 в среднем.

Таблица 10

Среднее количество восприятия сегментов аудиторами по просодической классификации, %

Группы реплик	Процент правильного восприятия
Fall (падение)	76,5
Rise (подъем)	79
Rise-Fall (подъем-падение)	70,5
Fall-Rise (падение-подъем)	65,5

Как видно из табл. 10, средний показатель правильного восприятия фраз составил 72,8% (pmax = 76,5%, pmin = 65,5%).

В целом результаты эксперимента свидетельствуют, что большинство исследуемых контактоподдерживающих реплик – перцептивно релевантные на просодическом уровне. Критерием релевантности в данной работе является количество правильно воспринятых одинаковых по лексико-семантическому составу, но разных по интонационному контуру высказываний (интонационные контуры были получены с помощью программы PRAAT). Если больше 60% исследователей верно определяли значение интонационного оформления таких фраз, то рассматриваемые нами реплики считались перцептивно релевантными.

Таким образом, как видно из табл. 10, характер интонации всех четырех групп реплик, предусматривающих или не предусматривающих продолжение диалога, был воспринят аудиторами правильно. Рассмотрим результаты эксперимента по группам реплик.

Реплики группы *Fall* (падение) были определены верно с достаточно высоким показателем – 76,5. В данную группу входят слова Yes и No, оформленные нисходящим движением тона, характер плавный, диапазон обычный, диапазонная высота низкая. Возможно, достаточно высокий процент правильного восприятия обусловлен тем, что эти фразы могут употребляться в речи как законченные по смыслу предложения, – например: *yes, no, that'sright.* Нисходящий тон подобных реплик помог аудиторам отнести их к категории законченных предложений. Реплики этой группы произносятся с нисходящим движением тона с плавным характером изменений, суженным диапазоном.

Fall-Rise (падение-подъем), представленные тремя репликами *Hmhm,* были восприняты верно с показателем 65,5%. Как показал анализ мелодических кривых этой группы контактоподдерживающих реплик, они произносятся с нисходящим движением тона в предударной части, со значительным повышением тона на ударном слоге.

Rise-Fall (подъем-падение) были определены с показателем 70,5%. Эти реплики наиболее часто употребляемые и характеризуются восходяще-нисходящим движением тона.

Стоит отметить, что в некоторых случаях реплики были определены неверно. Так, реплику *Yes* (№ 56) лишь 8% аудиторов восприняли верно. Реплика *Well* (№ 37) этой же группы была воспринята верно только 38% аудиторов.

Вполне закономерно, что реплики с восходящим движением тона расценивались большинством аудиторов как требующие продолжения. Аналогичные по лексическому составу фразы с нисходящим контуром расцениваются зачастую как не требующие продолжения, т.е. законченные высказывания. Возможно, это объясняется тем, что изменения конечной части контура имеют большее влияние на восприятие общего направления мелодики.

Можно также предположить, что результаты восприятия объясняются эллиптичностью реплик и инстинктивным отнесением отдельных слов к группе интонационно законченных или незаконченных.

Стабильность проявления отмеченных интонационных признаков у разных дикторов и в разных реализациях позволила получить их обобщенные характеристики и затем проверить существенность их для восприятия носителями языка.

3.3. Компаративный анализ реплик-реакций и реплик-стимулов

В ходе анализа полученных просодических характеристик учитывался тот факт, что реплики-реакции входят в состав сверхфразового единства. Полученные просодические характеристики реплик-реакций сравнивались с просодическими характеристиками реплик-стимулов, так как в дальнейшем предполагалось проследить их зависимость, т.е. проследить, как реплики-стимулы влияют на просодические характеристики реплик-реакций. Считается, что в акте коммуникации реплика не является самостоятельной единицей, так как ни реплика-стимул, ни реплика-реакция не могут существовать отдельно друг от друга. Смысловую самостоятельность они приобретают лишь в совокупности [Блохина, 1986]. Кроме того, в некоторых случаях реплика может выполнять функции и стимула и реакции одновременно, а если реплика состоит из нескольких фраз, – содержать реакцию в первой части и служить стимулом во второй. А перебивания, когда говорящий не имеет возможности закончить высказывание, приводят к смысловой незавершенности. Чтобы проследить зависимость просодических характеристик реплик-реакций от реплик-стимулов, а также решить другие поставленные задачи, был проведен статистический анализ полученных экспериментальных данных.

3.4. Статистический анализ полученных данных

3.4.1. Методика проведения статистического анализа

На конечном этапе нашего исследования были измерены данные ЧОТ и интенсивности в репликах-стимулах. Полученные данные были занесены в табл. 11. Затем были вычислены их средние значения.

Данные таблицы использовались при статистическом анализе. Применение статистических методов осуществлялось по следующему плану:

1) проведение структурирования набора данных; определение категории, к которой относятся наблюдения и переменные;
2) определение шкалы, к которой относятся переменные;
3) составление кодировочной таблицы;
4) введение данных в редакторе данных с учетом кодировочной таблицы;
5) проверка введенных данных на отсутствие ошибок и осмысленность;
6) установление факта нормального распределения переменных;
7) статистическая обработка данных.

В соответствии с планом полученные данные были представлены в виде матрицы для статистической обработки в программе STATISTICA 6.0. Цель статистического анализа – посмотреть зависимость между переменными: ЧОТ реплик-стимулов и реакций; зависимость просодических параметров одинаковых по лексическому составу реплик, но относящихся к разным группам в классификации. Матрица представлена в таблицах приложения 5. Строкам первой матрицы соответствует среднее значение реплик-стимулов (первая строка) и реплик-реакций (вторая строка), а столбцам – значения ЧОТ всех 7 групп реплик-реакций и стимулов, которые их задают в порядке следования их в классификации. При кодировании данных соблюдались правила заполнения матриц в соответствии со структурой обрабатываемой таблицы.

Наши переменные мы отнесли к номинальной шкале. Далее нам предстояло выяснить, является ли наблюдаемая разница в средних значениях или взаимосвязь (корреляция) выборок случайной или нет. Для этого следовало провести тест на сравнение этих величин. В нашем материале нам было необходимо сравнить несколько независимых выборок, для этой цели используется тест Манна-Уитни. Кроме того, для переменных, относящихся к номинальной шкале, предполагалось использовать дескриптивный анализ, включающий описательное представление отдельных переменных.

В ходе проведения статистического анализа предстояло выяснить:

1) наличие различий в просодических значениях одинаковых по лексическому составу реплик разных групп;

2) наличие различий в просодических значениях реплик стимулов и реакций;

3) наличие различий межу процентными долями правильно воспринятых при аудиторском эксперименте реплик.

3.4.2. Сравнение просодических параметров реплик с использованием непараметрического теста Манна-Уитни

На первом этапе статистического анализа сравнивались просодические значения одинаковых по лексическому составу реплик разных групп, так как факт отнесения реплик именно в эти группы является спорным. Был применен U-критерий Манна-Уитни, который позволяет выявить различия между двумя малыми выборками по уровню какого-либо количественно измеренного признака [Сидоренко, 1996]. Таким признаком являлись ЧОТ и длительность реплик.

Согласно возможностям критерия сравнивались реплики по две группы, поскольку данный метод определяет, достаточно ли мала зона перекрещивающихся значений между двумя рядами. Чем меньше область перекрещивающихся значений, тем больше вероятность, что различия достоверны и наши предположения оправданы. Эмпирическое значение U-критерия отражает то, насколько велика зона совпадения между рядами: чем меньше U эмп, тем более вероятно, что различия достоверны [там же].

Сначала сравнивались значения интенсивности реплик, затем значения ЧОТ. Первоначально были составлены таблицы критических значений. Табл. 13 и 15 свидетельствуют о существовании различий по параметрам ЧОТ при сравнении одинаковых по лексическому составу реплик *Well*, *Yes*, *No*, отнесенных к группе Fall (*падение*), с аналогичными репликами, отнесенными к группе Rise-Fall (*подъем-падение*). Табл. 16 демонстрирует существование различий между

репликами *Yes* по параметру длительности. Отсюда следует, что существуют значимые различия по параметрам ЧОТ и длительности между лексически одинаковыми репликами *Well*, *Yes*, в группах *Fall (падение)* и *Rise-Fall (подъем-падение).* Это объясняется тем, что данные слова в группе *Rise-Fall (подъем-падение)* имеют бо́льшую длительность за счет эмоциональной выделенности.

Не было установлено значимых различий по всем просодическим параметрам между репликами *No* в выборках ЧОТ. Это объясняется большей краткостью реплик по сравнению с другими контактоподдерживающими репликами.

Из табл. 15, 16, 18, 19 (приложение 4) следует, что различия между группами реплик по параметру ЧОТ незначимы. Значимыми оказались различия при сравнении ЧОТ реплик групп *Fall (падение)* и *Rise (подъем)*, *Rise-Fall (подъем-падение*) и *Fall (падение),* ЧОТ реплик Yes, Well, Yeah при сравнении их с учетом групп просодической классификации (табл. 14 – 22, приложение 4).

Таким образом, проведенный в работе статистический анализ на основе непараметрического теста Манна-Уитни показал, что:

1. Существуют значимые и незначимые различия между разными группами.

2. Значимые различия обнаружены между значениями ЧОТ реплик Well и Yes групп *Fall-Rise (падение-подъем)* и *Fall (падение); значениями* ЧОТ реплик стимулов и реакций у дикторов 1 и 2 в диалогах 2 и 5.

3. Незначимыми оказались различия значений ЧОТ и длительности реплик No в группах *Fall-Rise (падение-подъем)* и *Fall (падение)*; значений длительности реплик Well групп *Fall-Rise (падение-подъем)* и *Fall (падение);* значений ЧОТ реплик стимулов и реакций в диалоге 1, 3, 4, 6, 7, 8.

3.4.3. Анализ данных аудиторского эксперимента с использованием многофункционального статистического критерия φ Фишера

На следующем этапе предполагалось сравнить данные аудиторского эксперимента. Для этого был проведен многофункциональный статистический критерий φ Фишера (угловое преобразование Фишера), который позволил со-

поставить уровни исследуемого признака (процент верного восприятия), сдвигов в значениях исследуемого признака и сравнить его распределение. Данный критерий построен на сопоставлении долей, выраженных в процентах, и позволяет определить, какая доля реакций аудиторов характеризуется интересующим нас эффектом, а какая не характеризуется. Таким эффектом является правильное или неправильное определение аудиторами статуса реплики (имеет продолжение или не имеет продолжения).

Так как критерий оценивает достоверность различий между процентными долями только двух выборок, предполагалось сравнивать по две группы реплик.

После вычислений процентных долей они переводились в величины центрального угла, который измеряется в радианах и приводится в таблице 48, приложения 8 [Сидоренко, 1996]. Затем значения вычислялись по формуле:

$$\Phi^*_{эмп.} = (\Phi_1 - \Phi_2)\sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2}{n_1 + n_2}},,$$

где Φ_1 – угол, соответствующий большей % доле; Φ_2 – угол, соответствующий меньшей % доле; n_1 – количество наблюдений в выборке 1; n_2 – количество наблюдений в выборке 2.

Ниже приводится таблица полученных значений (табл. 11).

Таблица 11

Эмпирическое значение Φ^* по процентным долям (Φ_1 и Φ_2) и уровень статистической значимости *p* по полученным значениям критерия Φ^* Фишера всех групп реплик (по Е.В. Гублеру, 1978)

Названия групп реплик	Fall-Rise (падение-подъем)	Fall (падение)	Fall-Rise (падение-подъем)	Rise - Fall (подъем - падение)	Rise (подъем)
Fall (падение	0,182 p > 0		0,382 p > 0	1,871 p≤ 0,05	1,765 p≤ 0,05
Fall-Rise (падение-подъем)	0,370 p > 0	0,034 p > 0	0,234 p > 0	1,643 p≤ 0,05	0,601 p > 0
Rise-Fall (подъем-падение)	0,235 p > 0	0,382 p > 0	0,234 p > 0	4,418 p≤ 0,01	1,857 p≤ 0,05
Rise (подъем)	0,354 p > 0	1,765 p≤ 0,05	1,857 p≤ 0,05	0,323 p > 0	

Таблица построена по принципу таблицы Пифагора, т.е. при перекрестном соотнесении групп реплик имеем значение, полученное при выполнении расчетов.

После вычислений φ по табл. 13 приложения 1 [Сидоренко, 1996] мы определили, какому уровню значимости соответствует $\Phi^*_{эмп.}$, и выяснили, что результат соответствует уровню значимости при сравнении процентных долей групп *Fall-Rise* (падение-подъем), *Rise-Fall* (подъем-падение), *Rise-Fall* (подъем-падение) и *Rise-Fall* (подъем-падение), *Fall* (падение) и *Rise-Fall* (подъем-падение) по параметру правильного или неправильного определения аудиторами интонационной завершенности или незавершенности реплики. Это можно объяснить тем, что процент восприятия реплик аудиторами оказался примерно одинаковым. В тех случаях, где проценты несколько различаются, результат получился незначимым из-за незначительной разницы между процентным соотношением в выборках.

Данные статистического анализа свидетельствуют:

1. Между разными группами реплик существуют значимые и незначимые различия.

2. Значимые различия обнаружены между значениями ЧОТ лексически одинаковых реплик, относящихся к разным группам в просодической классификации.

3. Значимые различия обнаружены между значениями ЧОТ лексически одинаковых реплик в пределах одной группы в прагматической классификации.

4. Незначимыми оказались различия значений ЧОТ при сравнении лексически одинаковых реплик в пределах одной группы в просодической классификации.

5. Незначимыми оказались различия между значениями ЧОТ лексически одинаковых реплик, относящихся к разным группам в прагматической классификации.

Основываясь на результатах тестов, можно сделать вывод, что различия между просодическими параметрами всех сравниваемых выборок второго этапа

статистически значимые, за исключением ЧОТ и длительности выборок *No*. Это объясняется тем, что просодические параметры лексически одинаковых реплик в прагматической классификации различаются. Значительно отличаются просодические параметры реплик, имеющих особую эмоциональную окраску и не имеющих эмоциональной окраски. Значения длительности реплик зависят от лексического состава фразы, от места реплики в предложении, от темпа речи, а также от индивидуальных особенностей говорящего.

Результаты тестов при сравнении просодических параметров лексически одинаковых реплик согласно просодической классификации указывают на наличие существенных различий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спонтанная речь в последнее время привлекает пристальное внимание исследователей. При этом отмечается, что рассмотрение спонтанной речи как некоего отклонения от эталонных реализаций неправомерно, поскольку в ситуации речевой коммуникации именно спонтанная речь первична (Бондарко, 2001, с.17-23).

Интенсивное исследование спонтанной речи стало возможным по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что современные компьютерные технологии позволяют сегодня хранить и изучать звучащую спонтанную речь с помощью тонких методик обработки речевого сигнала и с такой тщательностью, которая прежде не была доступна исследователям фонетической организации речи.

В устной спонтанной речи, которая составляет значительную часть нашей каждодневной деятельности, находит отражение одна из основных функций языка – коммуникативная. Наряду с этим, следует отметить возросшую значимость такой маргинальной функции речи как фатическая (phatic), или контактоустанавливающая, которая обеспечивает поддержание и надежность речевого контакта в процессе общения.

Проведенное нами исследование контактоустанавливающих и контактоподдерживающих реплик-фраз убедительно свидетельствует, что фатическая направленность речи имеет двусторонний характер: оба собеседника – как слушающий, так и говорящий – обмениваются во время беседы контактоустанавливающими средствами, направленными на осуществление в спонтанном диалоге обратной связи. Эти средства не имеют четкого толкования и классифицирования в лингвистике. Не определена также роль просодии при их употреблении в речи.

Анализ литературы, посвященной интерпретации реплик, направленных на поддержание контакта, позволяет разработать классификацию реплик, основанную на прагматическом подходе и включающую *нелексические заполнители*

(fillers-in), *реактивные выражения (reactive expressions)*, *общее завершение (collaborative finishes)*, *повторы (repetitions), реакции на высказывание (resumptive openers), фразы-коннекторы или частотно-коннективные фразы (comment clauses), переспросы* (*elaboration).*

Результаты слухового и инструментального анализа интонационного оформления контактоподдерживающих реплик в диалоге свидетельствуют о том, что все контактоподдерживающие фразы характеризуются как малоинтенсивные, за исключением тех, которые говорящий стремится выделить в потоке речи. Полученные данные по частотному уровню фразы, частотному интервалу, скорости изменения ЧОТ в завершении фразы свидетельствуют о том, что интонационно значимое повышение уровня ЧОТ происходит при уверенном согласии или в споре. Оно коррелирует с сегментным составом фраз. Высокие значения ЧОТ группы *Rise (подъем)* объясняются функцией этого вида реплик в СФЕ, связанной с уточнением в процессе разговора или выражением удивления.

Измерения и анализ просодических параметров контактоподдерживающих реплик позволили установить, что синтаксическая неполнота реплик обусловливает специфику просодической структуры фразы. Являясь синтаксически неполными, анализируемые реплики тем не менее представляют собой коммуникативно полноценную макроединицу на просодическом уровне и наглядно иллюстрируют действие «принципа замены» А.М. Пешковского, который считал, что «чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения) и, наоборот, чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (также до полного своего исчезновения)». А.М. Пешковский предлагал называть такие реплики «интонационным единством», или проще «фразами» (Пешковский, 1959, 2009).

Проведенное исследование спонтанной диалогической речи носителей американского варианта английского языка подтвердило выдвинутую в работе

гипотезу о наличии расхождений в просодической и прагматической классификациях контактоподдерживающих реплик.

Результаты акустической обработки анализируемых реплик позволили разработать классификацию реплик на основе их просодических параметров, в частности параметров мелодического контура и частоты основного тона, варьирование которых обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

В ходе эксперимента установлены закономерности в варьировании просодической структуры реплик-фраз. Наличие устойчивых тенденций в просодическом оформлении кратких реплик дает основание рассматривать их просодические характеристики в качестве языковых средств, участвующих в экспликации их стилистического и конституативного статуса.

Проведенный нами комплексный анализ убедительно свидетельствует, что своеобразие структурно-синтаксического построения диалогической речи оказывает большое влияние на интонацию диалога, в том числе просодию реплик установления и поддержания речевого контакта. Обладая довольно слабо выраженными мелодическими характеристиками (низкий уровень ЧОТ, интенсивности), эти реплики тем не менее имеют большую функциональную значимость.

Результаты исследования показывают, что средства речевого контакта независимо от темы диалога присущи абсолютному большинству диалогических высказываний, что еще раз подтверждает объективность существования данного лингвистического явления, его собственный речевой статус. Выяснение роли просодии и анализ просодических параметров, позволивший осуществить классификацию языковых средств установления и поддержания контакта, открывают новые грани в исследовании спонтанного диалога и позволяют несколько по-иному осветить ранее ускользавшие от внимания исследователей свойства так называемой маргинальной (фатической) функции речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адмони, В.Г. Система форм речевого высказывания [Текст]. – СПб.: Наука, 1994. – 152 с.

Азнабаева, Л.А. Семантика фатической речи: Теоретические и прагматические проблемы [Текст] // Тезисы всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: ИЯЗ АН СССР, 1978. – С. 4-10.

Азнабаева, Л.А. Коммуникативная семантика фатической речи [Текст] // Азнабаева // Синтагматический аспект коммуникативной семантики: Сб. науч. тр. – Нальчик, 1985. – С. 84-89.

Аксенова, И.Н. Диалог. Основные свойства и критерии членения [Текст]: Учеб. пособие / И.Н. Аксенова, Т.А. Жалагина. – Тверь, 1991. – 58 с.

Анощенкова, А.М. Фатический аспект речевого общения [Текст] // Просодическая структура текста: Сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1984. – Вып. 230. – С. 3-15.

Анощенкова, А.М. О фатической функции речи и ее интонационном выражении [Текст] // Сб. науч. тр. МГПИИЯ – Вып. 169. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. – С. 103-114.

Анощенкова, А.М. Соотношение временной структуры звучащего текста и явлений хезитации [Текст] // Пространственно-временная и ритмическая организация текста: Сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1985. – С. 103-110.

Анощенкова, А.М. Интонационные характеристики спонтанной речи и чтения диалогического текста (экспериментально-фонетическое исследование [Текст]: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1977. – 24 с.

Антипова, А.М. Система английской речевой интонации [Текст]. – М.: Высшая школа, 1979. – С. 130-131.

Апресян, Г.З. Ораторское искусство [Текст]. – М.: Высшая школа, 1978. – 79 с.

Апресян, Г.З. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) [Текст]. – М.: Просвещение, 1996. – 305 с.

Арнольд, И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста) [Текст] // Лекции к спецкурсу. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 52 с.

Арутюнова, Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» – реплики в русском языке [Текст] // Научные доклады высшей школы. Серия «Филологические науки». – 1970. – № 3. – С. 44-58.

Арутюнова, Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и др.. – М.: Наука, 1992. – С. 52 – 56.

Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст]. – Изд. 2-е, испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст]. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата [Текст] // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356-367.

Баженов, Н.М. Выразительное чтение [Текст] / Н.М. Баженов, Р.А. Черкашин. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1960. – 224 с.

Балаян, А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1971. – 19 с.

Балаян, А.Р. Основные коммуникативные характеристики диалога [Текст]: Дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1971. – 177 с.

Баранов, А.Н., Иванова Е.А. Лексические показатели минимальных диалогов [Текст] // Вестник Московского ун-та // Серия «Филология». – № 9. – 1999. – С. 76–87.

Баранов, А.Г. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов [Текст] / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992.– № 3. – С. 84-95.

Барышникова, К.К. О фоностилистическом аспекте типов устных высказываний [Текст] // Учен. записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1971. – Т. 60. – С. 239-244.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст]. – Изд. 2-е. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

Бахтин, М.М. Собрание сочинений [Текст]: В 7 т.. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159-286.

Бердникова, Л.П. Подтвердительные вопросы в современном английском языке [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1972. – 33 с.

Беркнер, С.С. Проблемы развития разговорного английского языка в XVI-XX вв. [Текст]. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 230 с.

Блох, М.Я. Строй диалогической речи [Текст] / М.Я. Блох, С. М. Поляков. – М.: Прометей, 1992. – 153 с.

Блохина, Л.П. Специфика фонетической организации спонтанных текстов [Текст] // Звучащий текст: Сб. научно-аналитических обзоров. – М.: АН СССР ИНИОН, 1983. – С. 61-76.

Блохина, Л.П. Просодия как одно из средств организации спонтанно продуцируемых текстов [Текст] // Функционирование языковых единиц в коммуникативных актах: Сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ, 1986. – Вып. 272. – С. 52-62.

Блохина, Л.П. Просодия как одно из средств формирования устных текстов [Текст] // Тезисы докладов научно-методической конференции «Просодия текста». – М.: МГПИИЯ, 1982. – С. 6-11.

Блохина, Л.П. О роли просодических средств в организации устных текстов [Текст] // Функциональная просодия текста: Сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. – Вып. 201. – С. 52-64.

Блохина, Л.П. Просодические характеристики речи и методы их анализа [Текст]: лекции спецкурса. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980. – 74 с.

Блохина, Л.П. Методика анализа просодических характеристик речи [Текст] / Л.П. Блохина, Р.К. Потапова. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. – 74 с.

Блохина, Л.П. Просодические характеристики речи [Текст] / Л. П. Блохина, Р.К. Потапова. – М., 1970. – 75 с.

Богданов, В.В. Классификация речевых актов [Текст] // Личностные аспекты языкового общения: Сб. науч. тр. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1989. – С. 25-37.

Бондарко, Л.В. Фонетика современного русского языка [Текст]: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. – 176 с.

Бондарко, Л.В. Основы общей фонетики [Текст] / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 157 с.

Борисова, И.Н. Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации [Текст] // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – С. 241-272.

Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика [Текст]. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 408 с.

Борисюк, И.В. Паузы колебаний и ритм [Текст] / И.В. Борисюк // Речевой ритм и его функции: Сб. науч. тр. – Вып. 293. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1987. – С. 71-78.

Брызгунова, Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи [Текст]. – М.: Просвещение, 1984. – 116 с.

Брызгунова, Е.А. Звуки и интонация русской речи [Текст]. – М.: Просвещение, 1983. – 210 с.

Бурая, Е.А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс [Текст]: учеб. пособие / Е.А. Бурая, И.Е. Галочкина, Т.Л. Мевченко. – М.: ИЦ «Академия», 2006, – 272 с.

Бутусова, А.С. Прагмалингвистический потенциал эллиптических предложений (на материале немецкого бытового диалога) [Текст]: Дис. …канд. филол. наук 10.02.04.– Ростов н/Д., 2004. – 182 с.

Валюсинская, З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов [Текст] // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 299-312.

Вежбицка, А. Речевые жанры [Текст] // Жанры речи. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 99-111.

Венцов, А.В Проблемы восприятия речи [Текст] / А.В. Венцов, В.Б. Касевич, – Изд. 2-е. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 240 с.

Викторова, Е.Ю. Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков) [Текст]: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – Саратов, 1999. – 17 с.

Викторова, Е.Ю. Коммуникатив well и его роль в речевом общении [Текст] // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 85-91.

Виноградов, В.В. Избранные труды. Язык литературно-художественного произведения [Текст] // О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий [Текст] // Варианты речевого поведения. – М.: URSS, 2005. – 172 с.

Винокур, Т.Г. К характеристике говорящего: Интенция и реакция [Текст] // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 11-23.

Вольская, Н.Б. Система интонационных моделей для автоматической интерпретации интонационного оформления высказывания: функциональные и перцептивные характеристики [Текст] / Н.Б. Вольская, П.А. Скрелин // Анализ разговорной русской речи // III междисциплинарный семинар: материалы. – СПб.: СПбГУ, 2009. – С. 28–40.

Воронина, Е.В. О языковых средствах речевого контакта в современном английском языке [Текст] / Е.В. Воронина, Р.А. Снегирева // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький: ГГПИ, 1980. – Вып. 2. – С. 3-8.

Всеволодский-Гернгросс, В.Н. Теория интонации [Текст]. – СПб.: Государственное издательство, 1922. – 128 с.

Гак, В.Г. Высказывание и ситуация [Текст] // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1973. – С. 349-372.

Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст]. – М.: Наука, 2008. – 144 с.

Гаузенблас, К.О. О характеристике и классификации речевых произведений [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 63-64.

Гельгардт, Р.Р. Рассуждения о монологах и диалогах (К общей теории высказывания) [Текст]: Сб. докладов и сообщений лингвистического общества / Р.Р. Гельгардт. – Вып. 1. – Ч. 2. – Калинин, 1971. С. 28-153.

Головин, Б.Н. Основы культуры речи [Текст]. – М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.

Голубева-Монаткина, Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи: Классификационное исследование [Текст]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 200 с.

Гордон, Д. Постулаты речевого общения [Текст] / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276-302.

Городецкий, Б.Ю. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности [Текст] / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 5-21.

Гусева, С.И. Коммуникативная перспектива и реализация сегментных единиц [Текст]: монография. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 1998. – С. 7-13.

Дейк, Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст]. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

Дейк, Т.А. ван. Вопросы прагматики текста [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.

Дементьев, В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике [Текст] // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109-120.

Дементьев, В.В. Фатические речевые жанры [Текст] // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 37-55.

Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры [Текст]. – Саратов: Саратовский государственный университет, 2000. – 248 с.

Демьянков, В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста [Текст] // Методы анализа текста. – Вып. 2. – М.: ВЦП, 1982. – 288 с.

Демьянков, В.З. Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы [Текст] / В.З. Демьянков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 223–234.

Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] // Язык и наука конца 20 века. – Москва: Изд-во РГГУ, 1995. – С. 239-320.

Добрушина, Н.Р. Исследования средств выражения обратной связи в американской лингвистике // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 135-140.

Добрушина, Е.Р. Способы выражения верификации в современной русской диалогической речи [Текст] // Синтаксис: изучение и преподавание: Сб. работ учеников В.А. Белошапковой. – М.: Диалог, 1997. – С. 196-210.

Докторевич, Д.Л. Фатическая функция языка (к постановке проблемы) [Текст] // Проблемы английского словообразования. – Смоленск: СГПИ, 1976. – С. 71–77.

Драздаускене М.Л. Проблема значения речи в фатической функции [Текст] // Kalbotyra XXXIV (3) Bendrosios ir Romanu-Germanu Kalbotyros Klausimai (Lietuvos TSR / AUKS – TUJU MOKYKLU MOKSLO DARBAL/). - Вильнюс, 1983 - С. 32-34.

Егорова, Т.Г. Функционально-семантические и прагматические особенности вопросительных предложений, имплицирующих отрицание: на материале английского языка [Текст]: Автореф. дис ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Киев, 1989. – 24 с.

Ейгер, Г.В. Принципы моделирования речевых актов [Текст] / Г.В. Ейгер, И.С Шевченко // Вестник Харьковского ун-та. – 1998. – № 406. – С. 51-58.

Жинкин, Н.И. Механизмы речи [Текст]. – М.: Изд-во АПН, 1958. – 371 с.

Жинкин, Н.И. Механизм регулирования сегментных и просодических компонентов языка [Текст]. – Варшава: Изд-во Варшава, 1961. – С. 78-79.

Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации [Текст]. – М.: Наука, 1982. – 160 с.

Заикин, Г.С. Семантика и прагматика диалогического единства «общий вопрос – ответ» в современном английском языке [Текст]: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – Киев, 1988. – 18 с.

Зарецкая, Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации [Текст]: Монография. – Изд. 4-е. – М.: Дело, 2002. – 478 с.

Затонская, А.С. К вопросу о взаимосвязи свернутых / развернутых структур и явлений косвенности / эксплицитности [Текст] // Личность, речь и юридическая практика. – Вып. 4. – Ростов н/Д.: ДЮИ, 2001. – С. 41-45.

Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике [Текст]. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.

Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи [Текст]. – Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.

Земская, Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения [Текст]. – М.: Рус. яз., 1979. – 239 с.

Земская, Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий [Текст] // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С. 131-136.

Зернецкий, П.В. Динамические аспекты семантики и прагматики дискурса [Текст] // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1989. – С.75-81.

Зернецкий, П.В. Четырехмерное пространство речевой деятельности [Текст] // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1990. – С.60-68.

Зимняя, И.А. Речевая деятельность: язык и речь [Текст] // Сб. науч. тр. 1981. – М.: МГПИИЯ им.М.Тореза. – Вып.170. – С.85-96.

Зиндер, Л.Р. Общая фонетика [Текст]. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.

Зиндер, Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка [Текст]. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. - 160 с

Зиндер Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка [Текст]: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 160 с.

Зиндер, Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи [Текст]: Учеб. пособие. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ИЦ «Академия», 2007. – 576 с.

Златоустова, Л.В. Фонетические единицы русской речи [Текст]. – М.: МГУ, 1981. – 105 с.

Зотов, Ю.П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство [Текст]. – Саранск: МГПИ им. М.Е. Евсевьева, 2000. – 220 с.

Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О.С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 288 с.

Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст]. – Изд. 4-е. – Л.: Наука, 2009. – 218 с.

Каменская, О.Л. Текст и коммуникация [Текст]. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.

Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст]. – АН СССР: Отд-ние лит. и яз. – М.: Наука , 1987. – 263 с.

Касевич, В.Б. Элементы общей лингвистики [Текст]. – М.: Наука,1977. – 177 с.

Кибрик, А.А. Дискурс [Электронный ресурс] А.А Кибрик, П.Б. Паршин // Энциклопедия «Кругосвет» – 2001. – URL: http: // www.krugosvet.ru (дата обращения: 25.07.2009).

Кибрик, А.А. Функционализм [Текст] / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 276-339.

Киселева, Л.А. Вопросы теории речевого воздействия [Текст]. – М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 160 с.

Клобуков, Е.В. Типы фатических ситуаций [Текст] // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. – М.: МГУ, 1996. – С. 185-207.

Кобозева, И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986.– С. 7-21.

Кодзасов, С.В. Комбинаторная модель фразовой просодии [Текст] // Просодический строй русской речи. – М., 1996. – С. 85-123.

Кожевникова, К.В. Спонтанная устная речь в эпической прозе [Текст]. – Прага: «Прага», 1970. – 168 с.

Кожевникова, Н.А. Несобственно-прямой диалог в художественной прозе [Текст] // Синтаксис и стилистика / под ред. Г.А. Золотовой. – М.: Проза, 1976. – С. 283-300.

Кожевникова, Н.А. О соотношении речи автора и речи персонажа [Текст] // Языковые процессы современной литературы. – М.: Проза, 1977. – С. 7-98.

Кожин, А.Н. Функциональные типы разговорной речи [Текст] / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.

Кожина, М.Н. Некоторые аспекты речевых жанров в нехудожественных текстах [Текст] // Стереотипичность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1999. – С. 6-22.

Кожина, М.Н. Речевой жанр и речевой акт: некоторые аспекты проблемы [Текст] // Жанры речи: Сб. науч. тр. – Саратов: СГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 52-61.

Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка [Текст]. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 175 с.

Конрад, Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 349-383.

Королькова, И.А. Семантико-синтаксические свойства вопросительных предложений (на материале английского языка) [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1981. – 14 с.

Косарева, В.А. Вопросительно-отрицательные предложения в современном английском языке [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. – Л., 1982. – 23 с.

Косоножкина, Л.А. Структурно-семантические и прагматические особенности эллиптических предложений в составе вопросно-ответного диалогического единства [Текст]: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – Пятигорск, 1989. – 17 с.

Кривнова, О.Ф. Перцептивная и смысловая значимость просодических швов [Текст] // Проблемы фонетики. – М.: МГУ, 1995. – В.2. С. 228-238.

Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности [Текст]. – М.: Наука, 1986. – 158 с.

Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) [Текст] // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 7-25.

Кулинич, Л.В. О психолингвистическом аспекте изучения повтора [Текст] // Фонетические средства создания стилевой дифференциации устного текста в английском языке. – М.: Владос, 1984. – С. 46-55.

Лагутин, В.И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы) [Текст]. – Кишинев: Штиинца, 1991. – 99 с.

Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст]. – М.: Просвещение, 1969. – 212 с.

Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе [Текст]. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1998. – 200 с.

Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст]. – М: Гнозис, 2003. – 280 с.

Маслова, В.А. Феномен молчания: коммуникативные аспекты [Текст] // Форма, значение и функции единиц языка и речи: тезисы докладов международной научной конференции. – Минск, 2002. – Ч. 1. – С. 47-48.

Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов [Текст]. – М., 1960. – 435 с.

Махмурян, К.С. Роль просодии в дифференциации и интеграции побудительно-ответных единств (экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка) [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук 10.02.04. – М., 1983. - 16 с.

Мецлер, А.А. Прагматика коммуникативных единиц [Текст]. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 104 с.

Михневич, А.Е. Культура русской речи в вопросах и ответах [Текст]. – Минск: Народная авеста, 1996. – 240 с.

Николаева, Т.М. Фразовая интонация славянских языков [Текст]. – М.: Наука, 1977. – 278 с.

Николаева, Т.М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С.5-39.

Николаева, Т.М. Семантика акцентного выделения [Текст]. – Изд. 3-е. – М.: Наука, 2010. – 104 с.

Николаева, Т.М. Фразовая интонация славянских языков [Текст]. – М.: Наука, 1977. – 278 с.

Норман, Б.Ю. Грамматика говорящего [Текст]. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 228 с.

Норман, Б.Ю. Теория языка. Вводный курс [Текст]: Учеб. пособие. – М.: Наука, 2004. – 296 с.

Одинцов, Е.В. К вопросу об основаниях дифференциации текстов [Текст] / Е.В. Одинцов, О.А. Одинцова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – Вып. 1. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 80-85.

Одинцов, Е.В. О языке художественной прозы [Текст]. – М.: Наука, 1973. – 104 с.

Остин, Дж. Слово как действие [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С.22-129.

Павлова, Л.Г. Спор, дискуссия, полемика [Текст]: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1991. – 127 с.

Павлюк, М.В. Просодия фраз-коннекторов в дискурсе [Текст] // Изучение динамического аспекта сегментных и супрасегментных единиц звучащего текста: Сб. науч. трудов. – Киев: КГПИИЯ, 1988. – С. 162-164.

Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью [Текст]. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

Пенина, Т.П. Ответные реплики с имплицитным содержанием несогласия в структуре диалогического текста [Текст]: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. – Ставрополь, 2003. – 18 с.

Пешковский, А.М. Интонация и грамматика [Текст] // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия / сост. Ф.М. Березин. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 304-309.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст]. – М.: УРСС, 2009. – 432 с.

Пименов, А.А. Противоречивая сущность речевой деятельности и речевого действия [Текст] // Проблемы психолингвистики. – М.: МГУ, 1975. – С. 31-45.

Плеханова, Т.Ф. Текст как диалог [Текст]: монография. – Минск: МГЛУ, 2002. – 253 с.

Плеханова, Т.Ф. Диалогический анализ художественного текста [Текст] // Труды ученых лингвистических вузов. – Минск: МГЛУ, 2001. – С.170-178.

Плотникова, А.В. Коммуникативный статус диалогического повтора в русской устной речи [Текст]: Сб. науч. тр. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов-н/Д.: Изд-во Северокавказского науч. центра высшей школы. – 2006. – № 11. – С. 139-141.

Поливанов, Е.Д. По поводу звуковых жестов японского языка [Текст] // Статьи по общему языкознанию. – М., 1968. – С. 295.

Постовалова, В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта [Текст]. – М.: Наука, 1982. – 222 с.

Почепцов, Г.Г. Фатическая метакоммуникация [Текст] // Семантика и прагматика синтаксических единств. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1981. – С. 52-59.

Почепцов, Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения [Текст] // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1987. – С. 26-38.

Почепцов, О.Г. Семантика и прагматика вопросительного предложения (на материале английского языка) [Текст]: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04. – Киев, 1979. – 19 с.

Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения [Текст]. – М.: Наука, 1988. – 235 с.

Романова, Н.Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка) [Текст]: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 1996. – 14с.

Светозарова, Н.Д. Интонационная система русского языка [Текст]. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та , 1982. – 174 с.

Светозарова, Н.Д. Интонация в художественном тексте [Текст]. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 180 с.

Светана, С.В. О диалогизации монолога [Текст] // Филологические науки. – М., 1985. – С. 39-46.

Святогор, И.И. Контакт. Контактный импульс. Контактный эффект [Текст]. – Калуга, 1993. – 14 с.

Севериновская, И.С. Приниципы ритмической организации научного текста (на материале лекторской речи) [Текст]: Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1994. – 21 с.

Седов, К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» [Текст] // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 188-195.

Седов, К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция [Текст] // Хорошая речь / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2001. – С. 107–118.

Седов, К.Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения и становления языковой личности [Текст] // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград, 1998. – С. 9-20.

Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 14-53.

Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. — С.170-194.

Серль, Дж.Р. Косвенные речевые акты [Текст] //Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С.195-222.

Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт? [Текст] // Зарубежная лингвистика / общ. ред. В.А. Звегинцева, Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1999. – Ч. 2. – С. 210-228.

Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки в психологии [Текст]. – СПб.: Социально-психологический центр, 2001. – 350 с.

Сидоров, Е.В. Проблемы речевой системности [Текст]. – М.: Наука, 1987. – 141 с.

Сиротинина, О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности [Текст]. – М.: Просвещение, 1974. – 143 с.

Сиротинина, О.Б. Русская разговорная речь [Текст]. – М.: Просвещение, 1983. – 79 с.

Скрелин, П.А. Сегментация и транскрипция [Текст]. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. – 108 с.

Славогородская, Л.В. Научный диалог (лингвистические проблемы) [Текст]. – Л.: Наука, 1986. – 146 с.

Соболева, С.М. Прагматический аспект интонационного взаимодействия реплик диалога [Текст]: Дис. …канд. филол. наук: 10.02.19. – СПб., 1994. – 200 с.

Соловьева, А.К. О некоторых общих вопросах диалога [Текст] // Вопросы языкознания. – №6. – 1965. – С. 103–110.

Соколова, М.А. К вопросу об исследовании модально-стилистической функции интонации [Текст] // Исследование фонетических особенностей и речевых стилей. – М., 1986. – С. 6-12.

Степанов, Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности [Текст]: Сб. статей // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.

Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст]. – М.: Наука, 1975. – 312 с.

Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование [Текст]. – М.: Наука, 1971. – 294 с.

Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] // Курс общей лингвистики. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2004 – 256 с.

Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы [Текст] // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1984. – С. 3-12.

Сусов, И.П. Деятельность. Сознание. Дискурс и языковая система [Текст] // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1988. – С.7-13.

Сусов, И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика [Текст] // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1990. – С.125-133.

Сухих, С.А. Структура коммуникантов в общении [Текст] // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1988. – С. 22-29.

Сухих, С.А. Языковая личность в диалоге [Текст] // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1989. – С. 82-87.

Торсуева, И.Г. Интонация и смысл высказывания [Текст] – Изд. 2-е, испр.– М.: Либроком, 2009. – 112 с.

Филиппов, К.А. Лингвистика текста [Текст]: курс лекций. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 339 с.

Формановская, Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты [Текст]. – М.: Русск. язык, 1982. – 124 с.

Фрейдина, Е.Л. Просодия как средство речевого контакта и речевого воздействия в побудительно-ответном диалогическом блоке [Текст] // Функциональный анализ фонетических единиц английского языка. – М., 1988.

Фрейдина, Е.Л. Публичная речь и ее просодия [Текст]. – М.: Прометей, 2005. – 191 с.

Фролова, И.Е. Прямые и косвенные прагматические значения вопросительных номинативных предложений [Текст] // Вестник Харьковского ун-та, 1992. – № 367. – С.112-114.

Хамзина, Г.К. Текстовые функции высказываний-номинативов [Текст]. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. – 160 с.

Цеплитис, Л.К. Анализ речевой интонации [Текст]. – Рига: Зинатне, 1974. – 272 с.

Чахоян, Л.П. Личность адресанта в высказываниях о самом себе [Текст] / Л.П. Чахоян, О.Е. Дедикова // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1990. – С.73-78.

Чистович, Л. А. Восприятие звуковой последовательности [Текст]. – Биофиз. – №5. – 1960. – С. 671-676.

Чхетиани, Т.Д. Специализированные метакоммуникативные сигналы поддерживания речевого контакта [Текст] // Прагматические и текстовые характеристики предикативных и коммуникативных единиц. – Краснодар, 1987. – С. 27-33.

Шаройко, О.И. Структура диалогической речи в произведениях советской прозы [Текст]. – Одесса: ОГУ, 1969. – 69 с.

Шахбагова, Д.А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии [Текст]. – М.: Фоллис, 1992. – 284 с.

Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-грамматической системе языка [Текст]. – М.: Либерком, 2008. – 208 с.

Шведова, Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы [Текст] // Вопросы языкознания – 1956. – № 2. – С. 70.

Шевченко, И.С. Сегментированные вопросы в современном английском языке (структурно-коммуникативный анализ) [Текст]: Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1988а. – 16 с.

Шевченко, И.С. О прагматической вариативности сегментированных вопросов в английском языке [Текст] // Вариативность в германских языках: тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. – Ч. 2. – Калинин, 1988б. – С. 223-225.

Шевченко, И.С. О прагматических характеристиках сегментированных вопросов в произведениях В. Шекспира [Текст] // Вестник Харьковского ун-та. – 1992. – № 367. – С.114-117.

Шевченко, И.С. Историческая динамика прагматических характеристик английских междометий [Текст] // Вестник Харьковского ун-та. – 1998. –№ 406. – С.236-241.

Шитова, Л.Ф., Просодическая организация и восприятие повторов [Текст]: Автореф. дис. .. канд. филол. наук: 10.02.01. – 19 с.

Шмелева, Т.В. Модель речевого жанра [Текст] // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов, 1997. – С. 88 – 98.

Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке [Текст] // Избранные работы по русскому языку. – М.: Просвещение, 1957. – С. 63-84.

Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

Щерба, Л.В. Фонетика французского языка [Текст]. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 311 с.

Щерба, Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании [Текст] // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1977. – С. 24-38.

Якобсон, Р.О. Избранные работы [Текст]. – М.: Наука, 1985. – 460 с.

Якобсон, Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 110-132.

Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст] // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-228.

Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация: Язык в отношении к другим системам коммуникации [Текст] // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-330.

Якубинский, Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование [Текст]. – М.: Наука, 1986. – 207 с.

Ярыгина, И.З. Темповые характеристики как средства выражения модально-эмоциональных коннотаций [Текст] // Проблемы звучащего текста: Сб. науч. тр. – Вып. 259. – М.: МГПИ, 1985. – С. 207-211.

Adams, J.K. Pragmatics and Fiction [Text]. – Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1985. – 89 p.

Argyle, M. The communication of inferior and superior attitudes by verbal and non verbal signals [Text] / V. Salter, H. Nicholson, M. Williams, L. Burgess // British journal of social and clinical psychology. – L: British Psychological Society, 1970 – № 9. – P. 222-231.

Bolinger, D. Bolinger D. The intonation of accosting questions [Text] // English Studies. – 1948. – № 29. – P. 109-114.

Condon, W.S. Sound film analysis of normal and pathological behavior patterns [Text] / W.S. Condon , W.D. Ogston. – Journal of Nervous and Mental Disease // Proceedings of the Autism Society of America National Conference. – Milwaukee: WI? 1996. – P. 338–347.

Coulmas, F. On the Sociolinguistic Relevance of Routine Formulae [Text] // Journal of Pragmatics. – Cambridge: M.I.T. Press, 1979. – P. 239-266.

Cristal, D. Investigating English Style [Text]. – L.: Harlow Longmans, 1969. – 264 p.

Cruttenden, A. Intonation [Text]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 222 p.

Drazdauskiene, M.L. On Stereotypes in Conversation. Their Meaning and Significance [Text] // Conversational Routine. – P.: Mouton Publishers. The Hague, 1981. – P. 55-68.

Dittman, A.T. Relationship between vocalizations and head nods as listener responses [Text] / A.T. Dittman, L.G. Llewellyn // Journal of personality and social psychology. – №. 9. – 1967. – P.79-84.

Duncan, S. On the structure of speaker-auditor interaction during speaking turns [Text] // Language in society. – 1974. – Num. 3(2). – P. 161-180.

Duncan, S. Some signals and rules for taking speaking turns in conversation [Text] // Journal of Personality and Social Psychology. – 23(2). – P.283-293.

Ford, C.E. Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns [Text] / C.E. Ford [and oth.] // Interaction and grammar. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 134-184.

Ford, C.E. Practices in the construction of turns: the «TCU» revisited [Text] / C.E. Ford, B.A. Fox, S.A. Thompson // Pragmatics. – 1996. – №. 6. – P. 427-454.

Fries, C.C. The Structure of English [Text]. – N.Y.: Harcourt, 1952. – 304 p.

Fraser, B. Hedged Performatives [Text] // Syntax and Semantics. Speech Acts. – 1975. – Vol. 3. – N.Y.: Harcourt. – P. 187-210.

Goffman, E. On face work [Text] // Interaction Ritual. – N.Y.: Doubleday Anchor, 1967. – P. 197-202.

Grennum, A. [Text] / Aspects of Danish Prosody 1995. – P. 13-18.

Gumperz, J.J. Discourse Strategies [Text]. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 240 p.

Halliday, M. Intonation and Grammar in British English [Text]. – P.: The Hague, 1967, – 61 p.

Halliday, M. An introduction to functional grammar [Text]. – The Hague: Mouton, 1967 – 61 p.

Hess, L.J. Acquisition of back channel listener responses to adequate message [Text] / L.J. Hess, J.R. Johnston // Discourse processes. – N.Y.: Cambridge University Press, 1988. – P. 11.

Hieke, A.E. A Content Processing View of Hesitation Phenomena [Text] // Language and Speech – Vol. 24. – Cambridge: Cambridge University Press., 1981. – P. 147-160.

Yngve, V. On getting a word in edgewise [Text] // Papers from Sixth Regional Meeting. – Chicago: Chicago Linguistic Society, 1970. – P. 567-577.

Kasper, G. Speech acts in interaction [Text] / K. Bardovi-Harlig, J.C. Félix-Brasdefer, A. Omar // Pragmatics and language learning // National Foreign Language Resource Center. – Vol. 11. – Manoa: University of Hawai'I, 2006. – P. 281-314.

Keijsper, C.E. Recent intonation research and its implications for teaching Russian [Text] / C.E. Keijsper Studies in Russian Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics. – Vol. 17. – Amsterdam: Rodopi, 1992. – P. 151-214.

Köhler, C.H. Language: Its Structure and Evolution [Text] // Miami Linguistics Series. – No. 7. – Miami: University of Miami Press, 1970. – 157 p.

Laver, J. The phonetic description of voice quality [Text]. – Cambridge: Cambridge university Press, 1980. – P. 184-208.

Lehiste, I. Vowel amplitude and phonetic stress in American English [Text] / I. Lehiste, G. Peterson // Journal of the Acoustical Society of America. – Vol. 31. – Jasa, 1959. – P. 428-435.

Lehiste, I. Suprasegmentals [Text]. – L.: MIT Press, 1970 – 194 p.

Longacre, R. The discourse strategy of an appeals letter [Text]. – N.Y.: Plenum Press, 1992. – P. 109-130.

Malinovski, B. Phatic Communion Communication in Face – to – Face Interaction [Text]. – Harmondsworth, 1972. – P. 451-511.

Mann, W. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization [Text] / W. Mann, S.A. Thompson. – N.Y.: ACM Press, 1988. – P. 243-281.

Mann, W. Dialogue Macrogame Theory'Discourse [Text] / W. Mann, S.A. Thompson // Proceedings, 3rd SIGDial Workshop on Discourse and Dialogue – Philadelphia: PA., 2002. – P. 129-141.

Schegloff, E.A. Turn organization: One intersection of grammar and interaction [Text] / E. Ochs, E. Schegloff, S.A. Thompson // Grammar and Interaction. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 238-271.

O'Connar, J.D. Intonation of colloquial English [Text] / J.D. O'Connar, G.F. Arnold. – L.: Longman, 1974. – 290 p.

Odé, C. Perceptivnaia ekvivalentnost realizatsii intonatsionnykh konstruktsii E.A. Bryzgunovoi [Text] // Studies in Russian Linguistics, Studies in Slavic and General Linguistics – Vol. 17. – Amsterdam: Rodopi, 1992. – P. 227-284.

Palmer, H. E [Text] H.E. Palmer, D. Litt A Grammar of English Words. – L.: Longmans Green and Co, 1955. – 300 p.

Peck, C. An Acoustic Investigation of the Intonation of American English [Text] Peck, A.A. Mich. – Ann Arbor: Phonetics Laboratory of the University of Michigan, 1969. – 219 p.

Peterson, R. Dissociation Between Syntactic and Semantic Processing During Idiom Comprehension [Text] // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. – Vol. 24. – American Psychological Association, 2001 – P. 1223-1237.

Pike, K. The Intonation of American English [Text]. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1968. – 203 p.

Posner, M. Facilitation and inhibition in the processing of signals [Text] / M. Posner, C.R.R. Snyder // Attention and performance. — N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 669-682.

Renkema, J. Discourse studies [Text]: an introductory textbook. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins,1993. – P. 224.

Rey, J. Discourse Markers [Text] // A Challenge for Natural Language Processing. – 1997. – № 10.

Sacks, H. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation [Text] / H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson. // Language. – 1974. – Vol. 50 (4). – P. 696-735.

Sanders, T. The role of coherence relations and their linguistic markers in text processing [Text] / T. Sanders, L. Noordman // Discourse processes. – 2000. – Vol. 29. – P. 37-60.

Schegloff, E. The preference for self-correction in the organization of repair in conversation [Text] / E. Schegloff, H. Sacks, G. Jefferson // Language: Journal of the linguistic society of America. – Washington, 1977. – Vol. 53. – P. 361-382.

Schegloff, E.A. Discourse as an interactional achievement: some uses of «uh huh» and other things that come between sentences [Text] / E.A. Schegloff, D. Tannen // Analyzing discourse: Text and talk. – Georgetown, 1982. – P. 71-93.

Schegloff, E. Discourse, pragmatics, conversation analysis [Text] // Discourse processes. – 1999. – Vol. 1. – P. 405-435.

Schegloff, E. and Sacks, H. 1973. Opening up closings [Text] / E. Schegloff, H. Sacks // Semiotica. – Vol. 7. – P. 289-327.

Schiffrin, D. Discourse markers [Text]. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 931-952.

Smith, E.E. & Jonides J. Working memory: A view from neuroimaging [Text] // Cognitive Psychology. – 1997. – Vol. 33. – P. 5-42.

Tannen, D. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse [text]. – Cambridge: Cambridge U. Press, 1989. – P. 1-16.

Tao, H. English backchannels in Mandarin conversations: A case study of super stratum pragmatic interference [Text] / H. Tao, S. Thompson //Journal of Pragmatics. – 1991. – Vol. 16. – P. 209-223.

Tomasello, M. The cultural roots of language [Text] // Communicating meaning: The evolution and development of language. – Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1996. – P. 275-308.

Van Dijk, T.A. Strategies of Discourse Comprehension [Text] / T.A. Van Dijk, W. Kintsch // Toward a model of strategic discourse processing. – Chap. 1. – N.Y.: Academic Press, 1983. – P. 1-19.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 12

Мелодические характеристики контактоподдерживающих реплик

№	Номер реплик (D – диктор)	Название реплик	Максимальная ЧОТ, Hz	Минимальная ЧОТ	Интервал, Hz	Средняя ЧОТ диктора, Hz	Полоса диапазонной высоты	Движение тона
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	01 16 (D2)	Yes	187,12	169,2	1,1	154,72	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
2	01 17 (D2)	Yes	125,01	121,28	1,03	154,72	низкая	*Fall (падение)*
3	02 10 (D2)	Yes	112,7	94,5	1,19	139,34	низкая	*Fall (падение)*
4	02 27 (D2)	Yes	124,55	77,93	1,59	139,34	низкая	*Fall (падение)*
5	03 9 (D2)	Yes	121,06	113,91	1,06	128,25	средняя	*Fall (падение)*
6	04 12 (D2)	Yes	107,81	97,63	1,1	130,01	низкая	*Fall (падение)*
7	04 31 (D2)	(Oh) yes	117,15	102,58	1,14	130,01	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
8	04 32 (D2)	Yes	116,84	96,07	1,21	130,01	низкая	*Rise (подъем)*
9	05 40 (D2)	Yes	121,94	97,7	1,24	123,51	низкая	*Fall (падение)*
10	05 54 (D2)	Yes	162,75	80,65	2,01	123,51	средняя	*Fall (падение)*
11	05 45 (D2)	Yes (I do)	160,25	101,04	1,58	123,51	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
12	05 43 (D2)	Yes	119,03	89,3	1,33	123,51	низкая	*Fall (падение)*
13	05 29 (D1)	Yes	123,51	94,08	1,31	181,29	низкая	*Fall (падение)*
14	05 33 (D2)	Yes	110,26	89,47	1,23	123,51	низкая	*Fall (падение)*
15	05 1 (D1)	Yes	162,68	153	1,12	181,29	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
16	05 56 (D2)	Yes	115,08	91,34	1,57	123,51	низкая	*Fall (падение)*

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
17	07 4 (D 2)	Yes so	130,93	92,74	1,41	135,22	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
18	07 13 (D2)	Yes	116,21	101,57	1,04	135,22	низкая	*Fall (падение)*
19	0716 (D2)	Yes	111,18	88,25	1,25	103.21	низкая	*Fall (падение)*
20	08 29/1 (D4)	Yeah	131,19	118,97	1,1	125,49	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
21	01 7 (D1)	(Oh) yeah…	272,44	91,69	2,97	182,95	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
22	08 16 (D4)	Yeah	156,36	120,77	1,29	125,49	средняя	*Fall (падение)*
23	05 17 (D1)	(Oh) yeah	244,34	152,14	1,6	181,29	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
24	06 9 (D2)	Yeah	138,93	100,88	1,37	132,99	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
25	05 14 (D2)	Yeah	101,11	98,36	1,02	123,51	низкая	*Fall (падение)*
26	05 13 (D1)	(Oh) yeah	259,29	108,45	2,39	181,29	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
27	08 19 (D3)	Yeah	145,72	101,64	1,43	121,40	средняя	*Fall (падение)*
28	06 27 (D1)	(Oh) yeah	161,09	98,67	1,63	153,75	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
29	08 29/1 (D4)	Yeah	131,12	112,42	1,16	121,40	средняя	*Fall (падение)*
30	08 14 (D4)	(Ah) Yeah	107,67	103,76	0,88	125,49	низкая	*Fall (падение*
31	08 13 (D4)	(Huh) yeah	157,99	110,28	1,43	125,49	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
32	08 25/2 (D3)	Yeah	138,38	125,17	1,10	121,40	средняя	*Rise (подъем)*
33	08 30 (D3)	No	110,3	109,7	1	121,40	низкая	*Fall (падение)*
34	02 21 (D2)	No	137,31	90,25	1,96	139,34	средняя	*Fall (падение)*

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
35	04 19 (D2)	No	144,4	120,53	1,19	130,01	средняя	*Fall (падение)*
36	04 20 (D1)	No	136,23	126,37	1,07	158,68	низкая	*Fall (падение)*
37	05 37 (D1)	No	126,9	111,3	1,14	181,29	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
38	05 12/1 (D2)	No	135,74	120,46	1,12	123,51	средняя	*Fall (падение)*
39	05 12 (D2)	No	128,51	116,14	1	123,51	низкая	*Fall (падение)*
40	05 36 (D1)	No	151,51	101,56	1,49	181,29	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
41	08 18 (D3)	No	115,9	101,5	1,14	121,40	низкая	*Fall (падение)*
42	06 17 (D2)	No	124,09	98,67	1,25	132,99	низкая	*Fall (падение)*
43	06 10 (D1)	What oh	137,96	113,02	1,22	153,75	низкая	*Fall (падение)*
44	02 3 (D1)	Huh	213,61	86,85	2,45	166,93	средняя	*Rise (подъем)*
45	08 25 (D3)	Huh me	197,64	103,83	1,9	121,40	средняя	*Rise (подъем)*
46	03 14 (D1)	Hmmm	177,44	112,31	1,5	149,85	средняя	*Fall-Rise (паде-ние-подъем)*
47	06 4 (D2)	Huh	191,42	121,86	1,57	132,99	средняя	*Fall-Rise (паде-ние-(подъем)*
48	03 12 (D1)	Hmmm	126,69	109,99	1,15	149,85	низкая	*Fall-Rise (паде-ние-подъем)*
49	02 3 (D1|)	Hmmm	207,16	164,34	1,26	166,93	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
50	04 32 (D1)	Hmmm	196,17	106,27	1,84	158,68	средняя	*Fall-Rise (паде-ние-подъем)*
51	08 5 (D4)	Ah (God)	132,51	110,08	1,2	125,49	средняя	*Fall (падение)*

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
52	04 5 (D2)	Oh	147,84	79,103	1,86	130,01	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
53	05 55 (D1)	Oh	243,22	158,29	1,53	181,29	высокая	*Fall (падение)*
54	05 35/1 (D2)	Well	182,4	149,1	1,22	123,51	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
55	04 9 (D1)	Well	156,53	131,47	1,19	158,68	средняя	*Fall (падение)*
56	05 21 (D1)	Well	199,94	169,9	1,17	181,29	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
57	06 14 (D1)	Well	118,81	104,41	1,13	153,75	низкая	*Fall (падение)*
58	08 30 (D4)	Well	130,22	113,72	1,05	125,49	низкая	*Fall (падение)*
59	08 10 (D3)	Well	127,27	119,38	1,06	121,40	средняя	*Rise (подъем)*
60	08 2 (D4)	Well	112,26	101,6	1,03	125,49	низкая	*Fall (падение)*
61	08 1 (D3)	Well	118,81	98,82	1,2	121,40	низкая	*Fall (падение)*
62	08 26 (D4)	Weight-lifting	155,03	129,06	1,3	125,49	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
63	04 5 (D1)	Sometime	188,72	131,96	1,43	158,68	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение*
64	06 16 (D1)	Primed onus	138,76	77,92	1,78	153,75	низкая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
65	06 23 (D1)	Stadiums (D1)	231,89	112,04	2,06	153,75	средняя	*Fall (падение)*
66	07 15 (D2)	Fishing	132,11	120,59	1,09	135,22	низкая	*Fall (падение)*
67	05 11 (D2)	Chicken in the beer can	133,26	97,72	1,36	123,51	низкая	*Fall-Rise (падение-подъем)*
68	03 15 (D1)	Ten meters	166,02	64,79	2,56	149,85	средняя	*Fall (падение)*
69	05 22 (D2)	Do	126,97	120,22	1,05	123,51	низкая	*Fall (падение)*

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
70	01 21 (D2)	It's true	102,56	91,27	1,12	154,72	низкая	*Fall (падение)*
71	04 20 (D1)	Okay	140,62	109,01	1,28	158,68	низкая	*Rise (подъем)*
72	04 25 (D2)	Sure	220,78	192,59	1,14	130,01	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
73	0545/3 (D2)	Sure	209,06	176,95	1,18	123,51	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
74	05 47/2 (D2)	Sure	209,67	194,6	1,07	123,51	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение))*
75	05 47 (D1)	Okay	206,03	130,31	1,58	181,29	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
76	08 19 (D4)	Okay	154,69	132,87	1,52	125,49	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение*
77	05 18 (D2)	Okay	107,37	83	1,29	123,51	низкая	*Fall-Rise (падение-подъем)*
78	06 24 (D1)	I don't know	180,84	105,42	1,71	143,13	средняя	*Fall (падение)*
79	07 5 (D2)	I know	247,3	173,62	1,42	135,22	высокая	*Rise-Fall (подъем-падение)*
80	08 25/2 (D3)	You know	165,13	135,15	1,22	150,14	средняя	*Rise (подъем)*
81	08 19 (D3)	I mean	154,69	132,87	1,16	121,40	средняя	*Fall (падение)*
82	08 29/2 (D3)	I know (6)	199,76	125,48	1,59	121,40	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
83	08 25 (D3)	May be (6)	197,64	103,83	1,9	121,40	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
84	05 57	I think	197,99	178,34	1,11	181,29	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
85	05 35/2	I guess	150,49	100,54	1,49	123,51	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
86	06 7(D1)	You don't think	169,095	152,64	1,1	153,75	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
87	06 24(D1)	I don' think (6)	142,62	107,31	1,32	153,75	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
88	06 27 (D1)	You underst and (6)	161,09	98,67	1,63	153,75	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
89	07 5 (D2)	I know	247,3	173,62	1,42	135,22	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
90	08 19 (D4)	I mean	154,69	132,87	1,16	125,49	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*
91	08 29/3 (D3)	I know (6)	283,78	270,79	1,04	277,28	средняя	*Rise-Fall (подъем-падение)*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 13

Комплексный интонационный анализ

№	Номер реплики	Название реплики с указанием номера группы в классификации	Длительность, мс.	Интенсивность, dB	Максимальная ЧОТ, Hz	Минимальная ЧОТ, Hz
1	2	3	4	5	6	7
1	01 16 (D2)	Yes	0,316	42,38	187,12	169,2
2	01 17 (D2)	Yes	0,643	46,09	125,01	121,28
3	02 10 (D2)	Yes	0,327	49,44	112,7	94,5
4	02 27 (D2)	Yes	0,534	59,67	124,55	77,93
5	03 9 (D2)	Yes	0,176	46,63	121,06	113,91
6	04 12 (D2)	Yes	0,528	47,16	107,81	97,63
7	04 31 (D2)	Oh yes	0,58	61,69	117,15	102,58
8	04 32 (D2)	Yes	0,498	59,41	116,84	96,07
9	05 40 (D2)	Yes	0,512	55,3	121,94	97,7
10	05 54 (D2)	Yes	0,471	56,3	162,75	80,65
11	05 45/1 (D2)	Yes I do	0,512	48,25	160,25	101,04
12	05 43 (D2)	Yes	0,307	50,22	119,03	89,3
13	05 29 (D1)	Yes	0,568	61,1	123,51	94,08
14	05 33 (D2)	Yes	0,625	48,32	110,26	89,47
15	05 1 (D1)	Yes	0,394	65,83	162,68	153
16	05 56 (D2)	Yes	0,481	51,45	115,08	91,34
17	07 4 (D 2)	Yes so	0,678	49,03	130,93	92,74
18	07 13 (D2)	Yes	0,516	48,28	116,21	101,57
19	0716 (D2)	Yes	0,54	47,6	111,18	88,25
20	08 29/2 (D3)	Huh yeah	0,368	65,69	199,76	125,48
21	01 7 (D1)	Oh yeah,…	0,406	66,19	272,44	91,69
22	08 16 (D4)	Yeah	0,563	58,73	156,36	120,77
23	05 17 (D1)	Oh, yeah	0,449	58,13	244,34	152,14
24	06 9 (D2)	Yeah	0,376	64,35	138,93	100,88
25	05 14 (D2)	Yeah	0,309	51,74	101,11	98,36
26	05 13 (D1)	Oh yeah	0,456	68,36	259,29	108,45
27	08 19 (D3)	Yeah	0,279	65,73	145,72	101,64
28	06 27 (D1)	Oh yeah	0,664	58,1	161,09	98,67
29	08 29/1 (D4)	Yeah	0,637	57,33	131,19	118,97
30	08 14 (D4)	(Ah) Yeah	0,25	58,33	107,67	103,76
31	08 13 (D4)	Huh yeah	0,975	65,25	157,99	110,28
32	08 25/2 (D3)	Yeah	0,454	62,5	138,38	125,17
33	08 30 (D3)	No	0,243	54,17	110,3	109,7
34	02 21 (D2)	No	0,297	58,29	137,31	90,25
35	04 19 (D2)	No	0,754	56,85	144,4	120,53
36	04 20 (D1)	No	0,275	51,34	136,23	126,37
37	05 37 (D1)	No	0,355	59,3	126,9	111,3
38	05 12/1 (D2)	No	0,307	58,43	135,74	120,46

Продолжение табл. 13

1	2	3	4	5	6	7
39	05 12 (D2)	No	0,196	68,03	128,51	128,14
40	05 36 (D1)	No	0,207	55,86	151,51	101,56
41	08 18 (D3)	No	0,265	57,32	115,9	101,5
42	06 17 (D2)	No	0,225	46,74	124,09	98,67
43	06 10 (D1)	What oh	0,555	58,56	137,96	113,02
44	02 3 (D1)	Huh	0,52	73,32	213,61	86,85
45	08 25 (D3)	Huh me	0,645	70,9	197,64	103,83
46	03 14 (D1)	Hmmm	0,442	47,55	177,44	112,31
47	06 4 (D2)	Huh	0,256	44,97	191,42	121,86
48	03 12 (D1)	Hmmm	0,203	51,72	126,69	109,99
49	02 3 (D1|)	Hmmm	0,234	54,21	207,16	164,34
50	04 32 (D1)	Hmmm	0,571	56,23	196,17	106,27
51	08 5 (D4)	Ah God	0,784	60,865	132,51	110,08
52	04 5 (D2)	Oh	0,601	66,41	147,84	79,103
53	05 55 (D1)	Oh	0,603	64,985	243,22	158,29
54	05 35/1 (D2)	Well	0,434	57,12	182,4	149,1
55	04 9 (D1)	Well	0,495	68,35	156,53	131,47
56	05 21 (D1)	Well	0,37	72,57	199,94	169,9
57	06 14 (D1)	Well	0,27	58,85	118,81	104,41
58	08 30 (D4)	Well	0,404	65,34	130,22	113,72
59	08 10 (D3)	Well	0,354	68,47	127,27	119,38
60	08 2 (D4)	Well	0,326	65,64	112,26	101,6
61	08 1 (D3)	Well	0,22	63,63	118,81	98,82
62	08 26 (D4)	Weight-lifting	0,867	60,26	155,03	119,06
63	04 5 (D1)	Sometime	0,755	67,37	188,72	131,96
64	06 16 (D1)	Primed onus	0,324	49,07	138,76	77,92
65	06 23 (D1)	Stadiums (D1)			231,89	112,04
66	07 15 (D2)	Fishing	0,418	48,27	132,11	120,59
67	05 11 (D2)	Chicken in the beer can	0.768	66	133,26	97,72
68	03 15 (D1)	Ten meters	166,02	64,79		
69	05 22 (D2)	Do	0,364	53,89	126,97	120,22
70	01 21 (D2)	It's true	0,635	45,33	102,56	91,27
71	04 20 (D1)	Okay	0,191	62,05	140,62	109,01
72	04 25 (D2)	Sure	0,786	61,74	220,78	192,59
73	0545/3 (D2)	sure	0,323	61,06	209,06	176,95
74	05 47/2 (D2)	Sure	0,421	63,11	209,67	194,6
75	05 47 (D1)	Okay	0,488	64,47	206,03	130,31
76	08 19 (D4)	Okay	0,429	64,78	154,69	132,87
77	05 18 (D2)	Okay	0,285	53,18	107,37	83
78	06 24 (D1)	I don't know	1,28	61,26	180,84	105,42
79	07 5 (D2)	I know	0,149	51,69	247,3	173,62
80	08 25/2 (D3)	You know	0,239	64,41	138,38	125,17
81	08 19/1 (D3)	I mean	0,385	66,74	154,69	132,87
82	08 29/2 (D3)	I know	0,316	65,78	161,37	125,48
83	08 25 (D3)	May be (6)	0,274	73,01	197,64	103,83
84	05 57	I think	0,260	63,27	197,99	178,34

Продолжение табл. 13

1	2	3	4	5	6	7
85	05 35	I guess	0,358	62,53	150,49	100,54
86	06 7(D1)	You don't think	0,427	65,85	169,095	152,64
87	06 24(D1)	I don' think (6)	0,681	64,12	142,62	107,31
88	06 27 (D1)	You understand	0,529	62	161,09	98,67
89	07 5 (D2)	I know	0,385	56,67	247,3	173,62
90	08 19/2 (D3)	I mean	0,457	61,82	140,34	126,17
91	08 29/3 (D4)	I know (6)	0,365	63,73	283,78	270,79
49	06 17 (D2)	No	0,225	46,74	124,09	98,67
50	06 24 (D1)	I don' think	1,28	61,26	142,62	107,31
51	06 27 (D1)	Oh yeah	0,664	58,1	161,09	98,67
52	06 4 (D2)	Huh	0,256	44,97	191,42	121,86
53	07 4 (D 2)	Yes so	0,678	49,03	130,93	92,74
54	07 13 (D2)	Yes	0,516	48,28	116,21	101,57
55	07 15 (D2)	Fishing	0,418	48,27	132,11	120,59
56	07 5 (D2)	I know	0,149	51,69	247,3	173,62
57	08 30 (D4)	Well	0,404	65,34	130,22	113,72
58	08 29/1 (D4)	Yeah	0,637	57,33	131,19	118,97
59	08 26 (D4)	Weight-lifting	0,867	60,26	155,03	119,06
60	08 25/2 (D3)	Yeah	0,454	62,5	138,38	125,17
61	08 19 (D3)	Yeah	0,279	65,73	145,72	101,64
62	08 19 (D4)	Okay	0,429	64,78	154,69	132,87
63	08 18 (D3)	No	0,265	57,32	115,9	101,5
64	08 16 (D4)	Yeah	0,563	58,73	156,36	120,77
65	08 14 (D4)	(Ah) Yeah	0,25	58,33	107,67	103,76
66	08 13 (D4)	Huh yeah	0,975	65,25	157,99	110,28
67	08 10 (D3)	Well	0,354	68,47	127,27	119,38
68	08 5 (D4)	Ah God	0,784	60,865	132,51	110,08
69	08 2 (D4)	Well	0,326	65,64	112,26	108,6
70	08 1 (D3)	Well	0,22	63,63	118,81	98,82
71	08 30 (D3)	No	0,243	54,17	110,3	109,7
72	08 29/2 (D3)	Huh yeah	0,368	65,69	199,76	125,48
73	08 25 (D3)	Huh me	0,645	70,9	197,64	103,83
74	08 29/3 (D3)	I know	0,316	65,78	161,37	125,48
75	05 56 (D2)	Yes	0,481	51,45	115,08	91,34

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Мелодические контуры контактоподдерживающих реплик

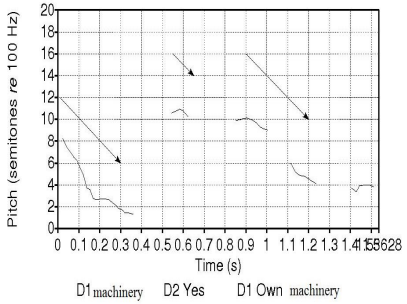

Рис. 1. Реализация реплики *yes* (01 16).

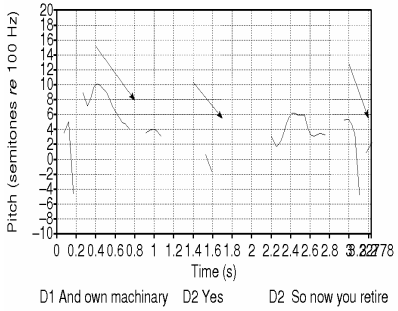

Рис. 2. Реализация реплики *yes* (01 17).

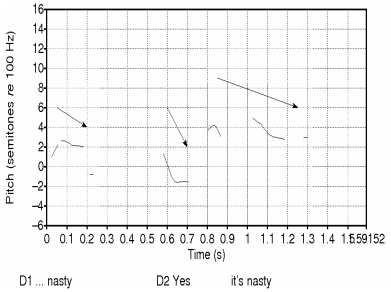

Рис. 3. Реализация реплики *yes* (02 10).

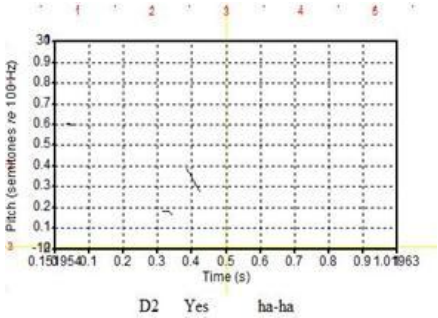

Рис. 4. Реализация реплики *yes* (02 27).

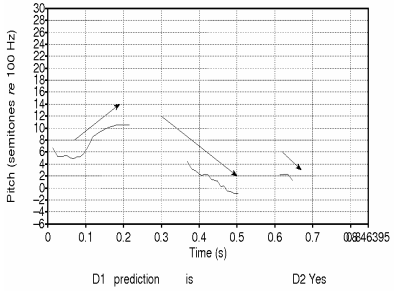

Рис. 5. Реализация реплики *yes* (03 9).

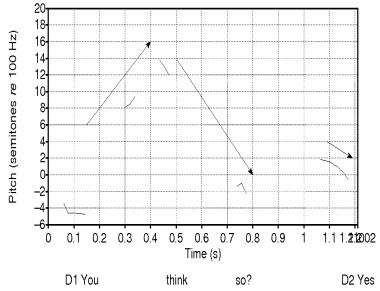

Рис. 6. Реализация реплики *yes* (04 12).

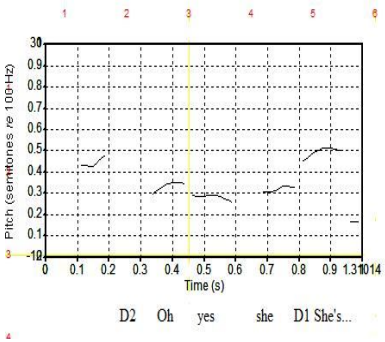

Рис. 7. Реализация реплики *yes* (04 31).

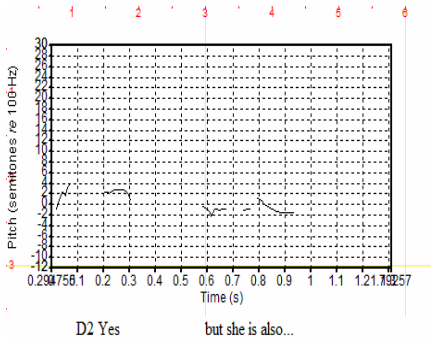

Рис. 8. Реализация реплики *yes* (04 32).

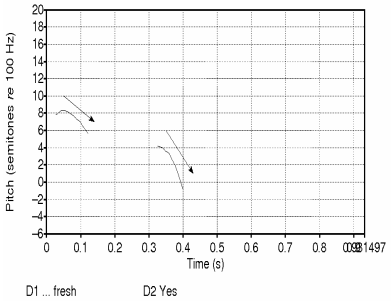

Рис. 9. Реализация реплики *yes* (05 40).

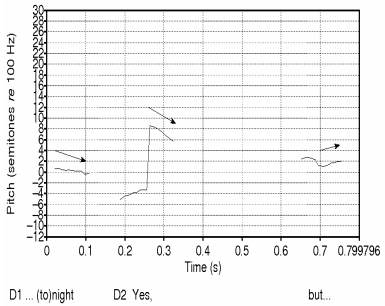

Рис. 10. Реализация реплики *yes* (05 54).

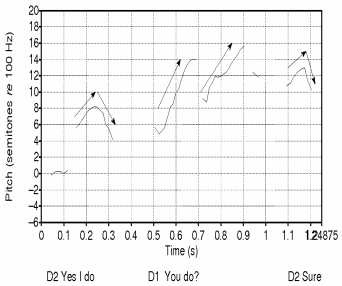

Рис. 11. Реализация реплик *yes* и *sure* (05 45/1).

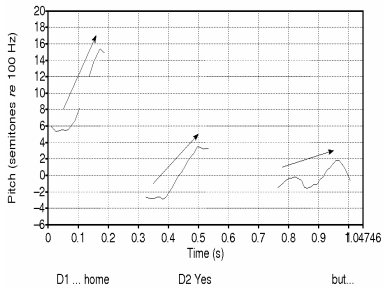

Рис. 12. Реализация реплики *yes* (05 43).

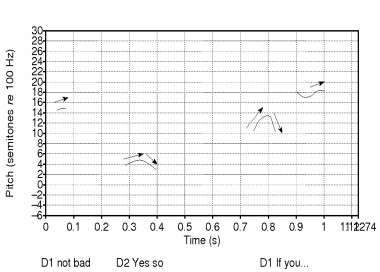

Рис. 13. Реализация реплики *yes* (05 29).

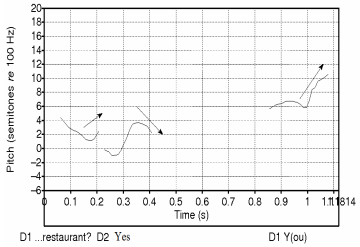

Рис. 14. Реализация реплики *yes* (05 33).

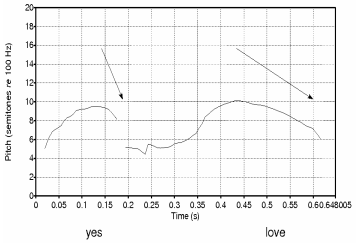

Рис. 15. Реализация реплики *yes* (05 1).

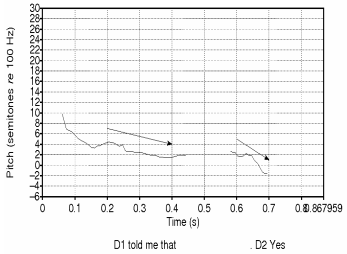

Рис. 16. Реализация реплики *yes* (05 56).

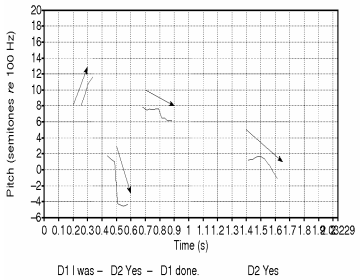

Рис. 17. Реализация реплики *yes* (07 4).

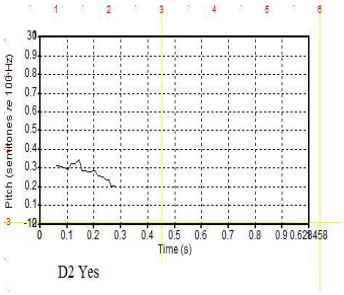

Рис. 18. Реализация реплики *yes* (07 13).

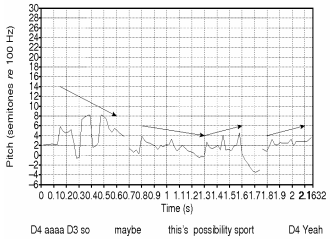

Рис. 19. Реализация реплик *maybe* и *yeah* (08 29).

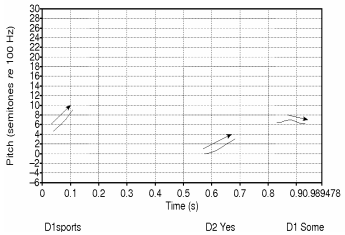

Рис. 20. Реализация реплики *yes* (07 16).

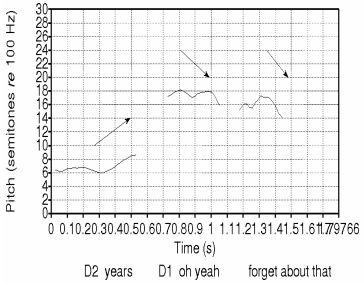

Рис. 21. Реализация реплики *oh yeah* (01 7).

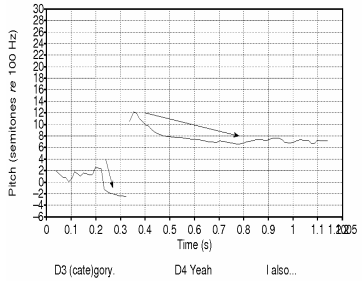

Рис. 22. Реализация реплики *yeah* (08 16).

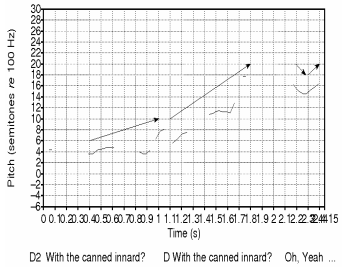

Рис. 23. Реализация реплики *oh yeah* (05 17).

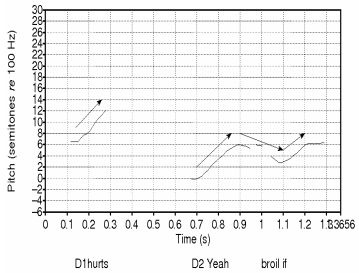

Рис. 24. Реализация реплики *yeah* (06 9).

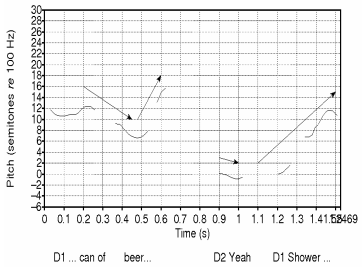

Рис. 25. Реализация реплики *yeah* (05 14).

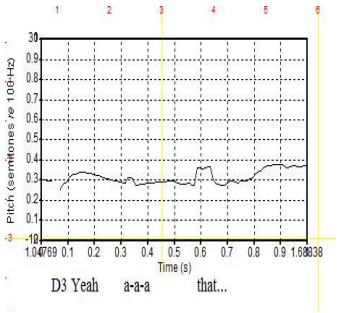

Рис. 26. Реализация реплики *yeah* (05 13).

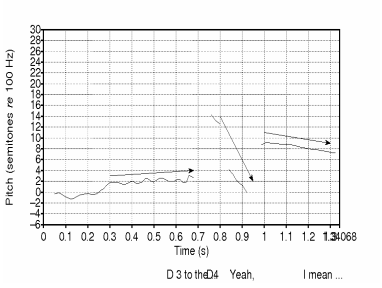

Рис. 27. Реализация реплики *yeah* (08 19).

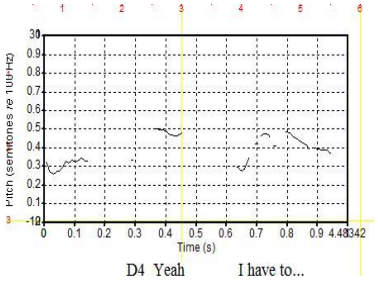

Рис. 28. Реализация реплики *yeah* (06 27).

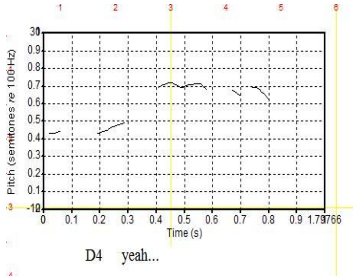

Рис. 29. Реализация реплики *yeah* (08 29/1).

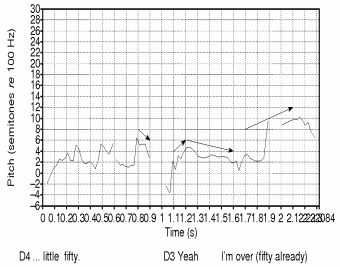

Рис. 30. Реализация реплики *yeah* (08 29/2).

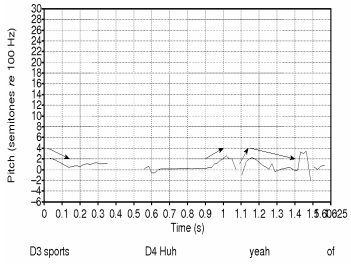

Рис. 31. Реализация реплики *huh yeah* (08 14).

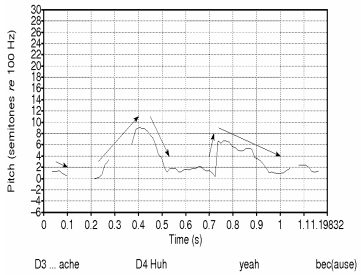

Рис. 32. Реализация реплики *huh yeah* (08 13).

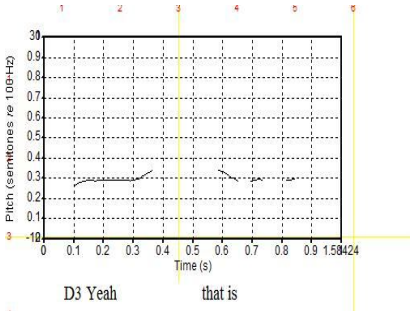

Рис. 33. Реализация реплики *yeah* (08 25).

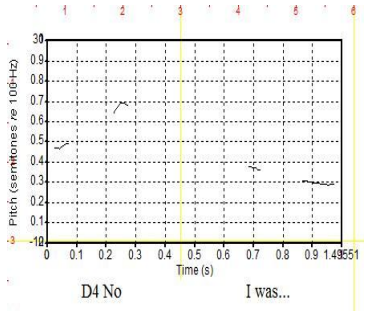

Рис. 34. Реализация реплики *no* (08 30).

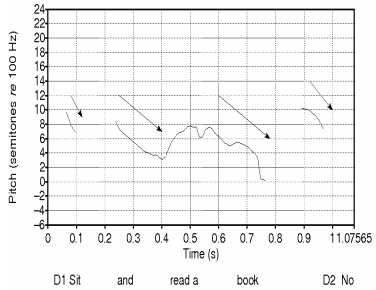

Рис. 35. Реализация реплики *no* (02 21).

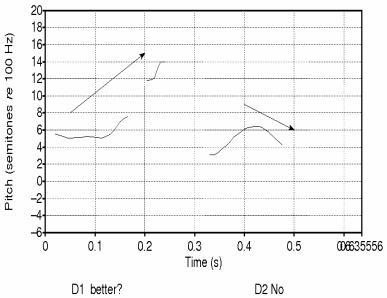

Рис. 36. Реализация реплики *no* (04 19).

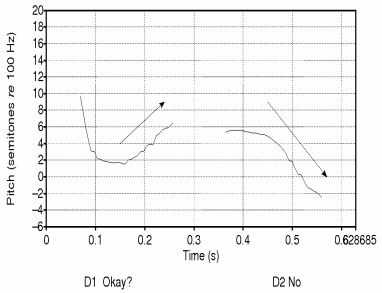

Рис. 37. Реализация реплик *no* и *okay* (04 20).

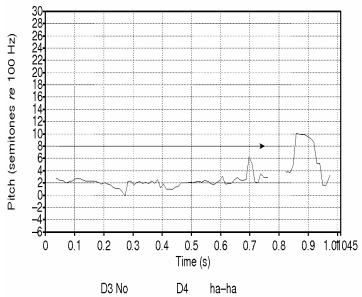

Рис. 38. Реализация реплики *no* (05 12/1).

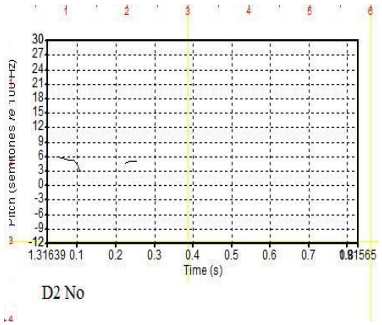

Рис. 39. Реализация реплики *no* (05 12/2).

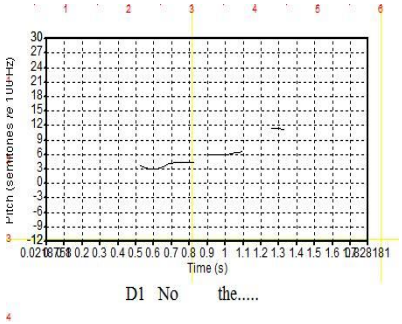

Рис. 40. Реализация реплики *no* (05 36).

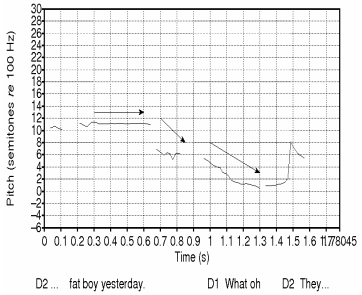

Рис. 41. Реализация реплики *what on* (06 10).

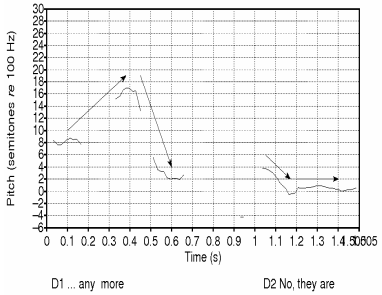

Рис. 42. Реализация реплики *no* (06 17).

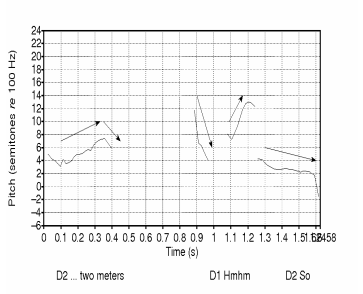

Рис. 43. Реализация реплики *hmhm* (03 14).

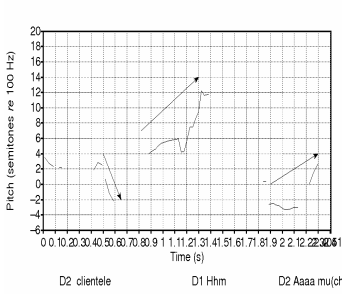

Рис. 44. Реализация реплики *hhm* (06 4).

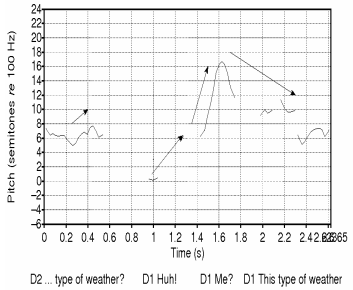

Рис. 45. Реализация реплики *huh* (02 3).

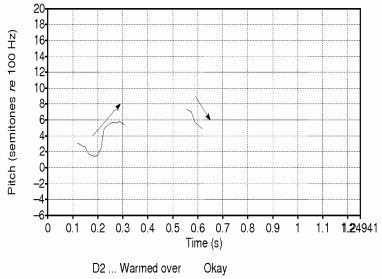

Рис. 46. Реализация реплики *okay* (04 32)/

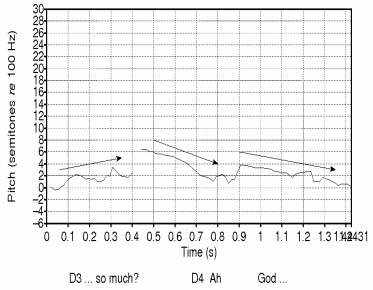

Рис. 47. Реализация реплики *ah God* (08 5).

Рис. 48. Реализация реплики *I mean* (08 19).

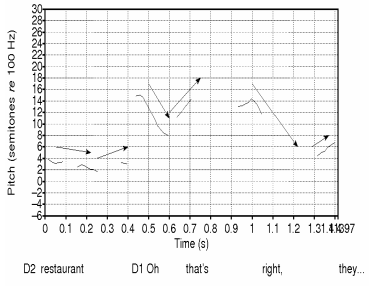

Рис. 49. Реализация реплики *oh, that's right* (05 55).

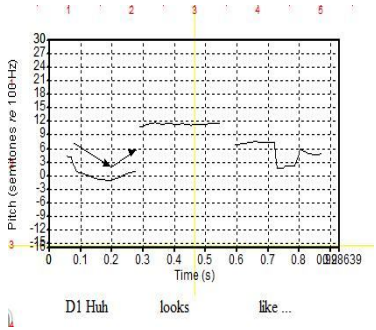

Рис. 50. Реализация реплики *huh* (05 47).

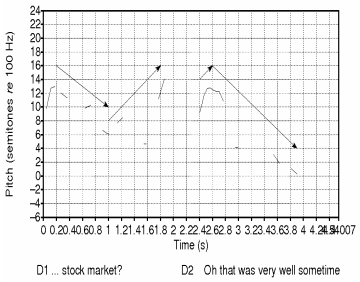

Рис. 51. Реализация реплики *oh* (04 5).

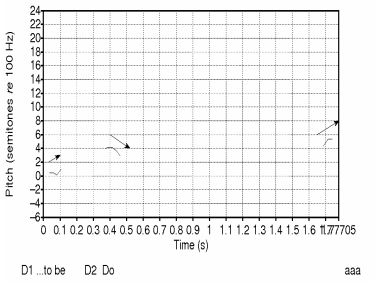

Рис. 52. Реализация реплики *do* (05 22).

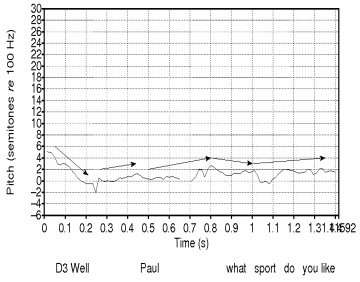

Рис. 53. Реализация реплики *well* (08 1).

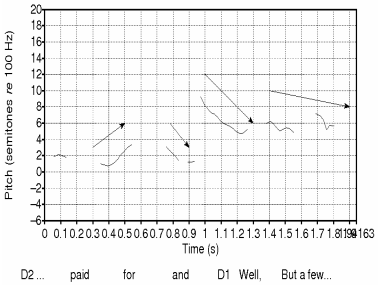

Рис. 54. Реализация реплики *well* (04 9).

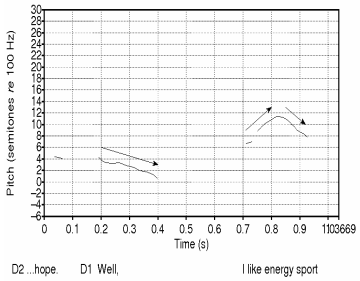

Рис. 55. Реализация реплики *well* (06 14).

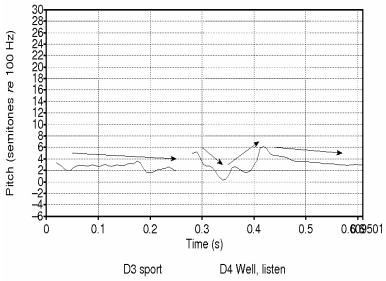

Рис. 56. Реализация реплики *well* (08 30).

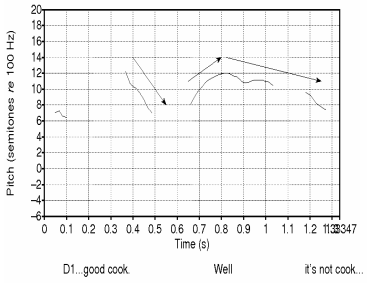

Рис. 57. Реализация реплики *well* (05 21).

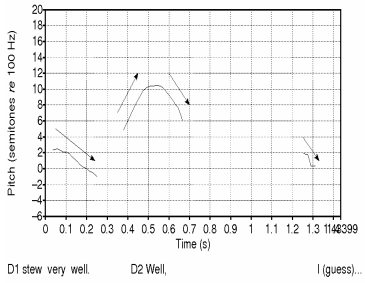

Рис. 58. Реализация реплики *well* (05 35).

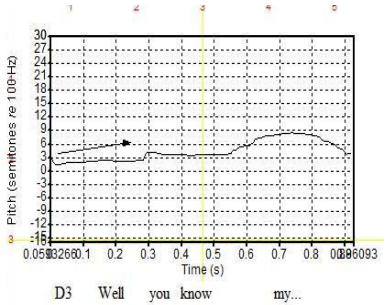

Рис. 59. Реализация реплики *well* (08 2).

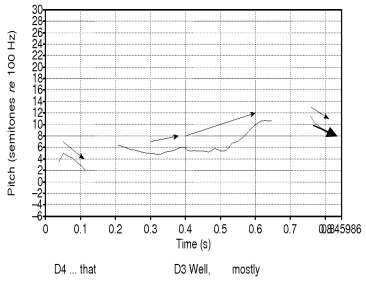

Рис. 60. Реализация реплики *well* (08 10).

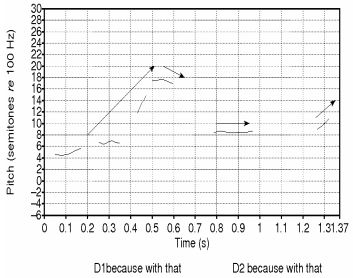

Рис. 61. Реализация реплики *because with that* (06 13).

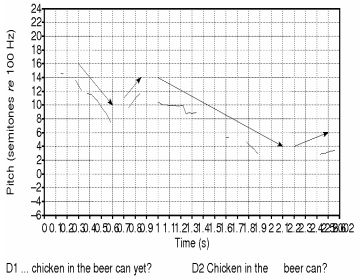

Рис. 62. Реализация реплики *chicken in the beer can* (05 11).

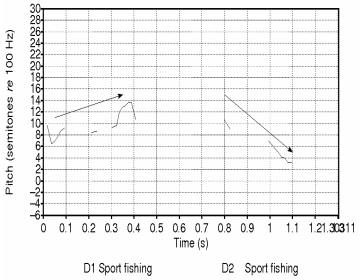

Рис. 63. Реализация реплики *sport fishing* (07 15).

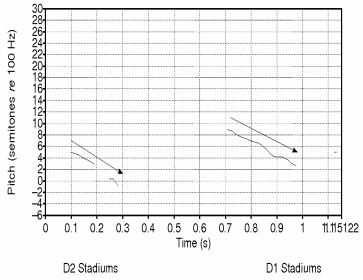

Рис. 64. Реализация реплики *stadiums* (06 23).

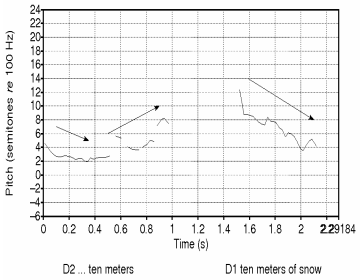

Рис. 65. Реализация реплики *ten meters* (03 15).

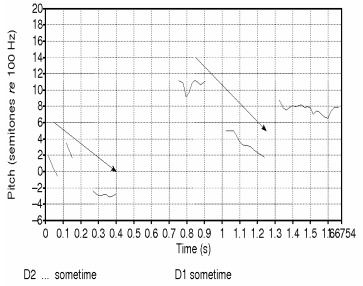

Рис. 66. Реализация реплики *sometime* (04 5).

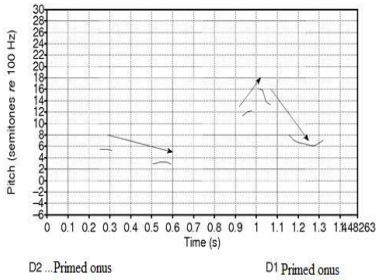

Рис. 67. Реализация реплики *primed onus* (06 16).

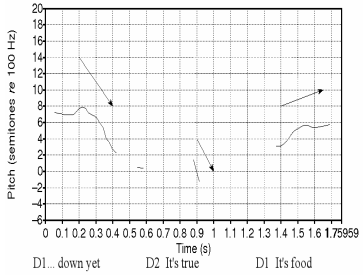

Рис. 68. Реализация реплики *it's true* (01 21).

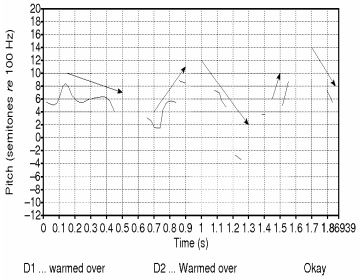

Рис. 69. Реализация реплики *okay* (05 35).

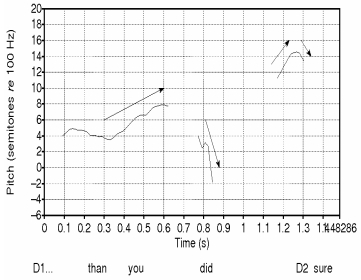

Рис. 70. Реализация реплики *sure* (04 25).

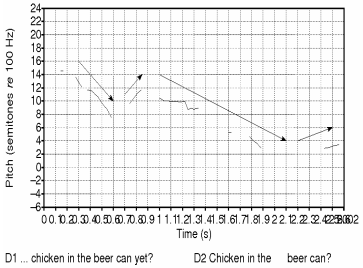

Рис. 71. Реализация реплики *chicken in the beer can* (05 11).

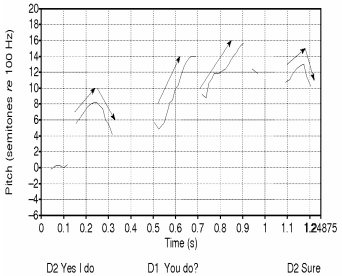

Рис. 72. Реализация реплики *sure* (05 45).

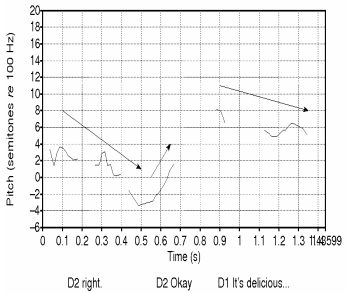

Рис. 73. Реализация реплики *okay* (05 18).

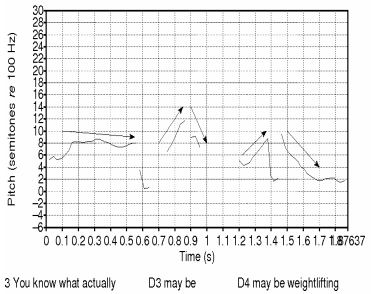

Рис. 74. Реализация реплики *maybe* (08 25).

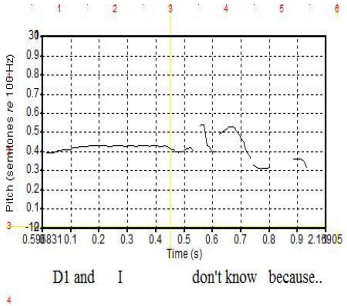

Рис. 75. Реализация реплики *I don't know* (06 24).

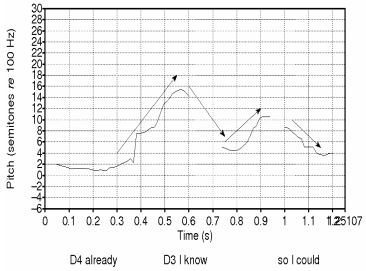

Рис. 76. Реализация реплики *I know* (08 29).

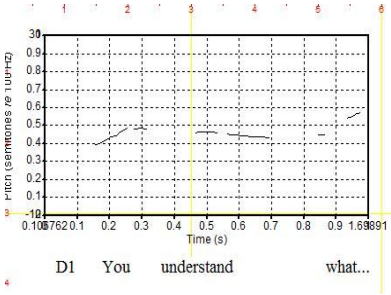

Рис. 77. Реализация реплики *You understand* (06 27).

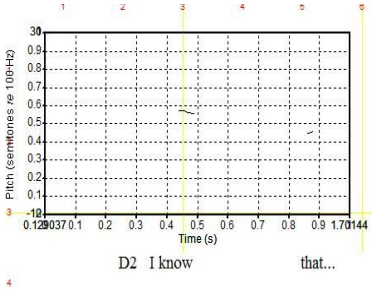

Рис. 78. Реализация реплики *I know* (07 5).

Контуры интенсивности контактоподдерживающих реплик

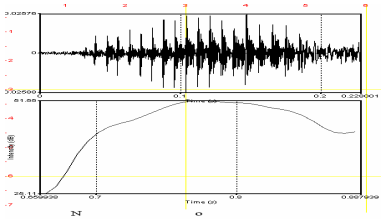

Рис. 79. Реализация реплики *no* (08 16).

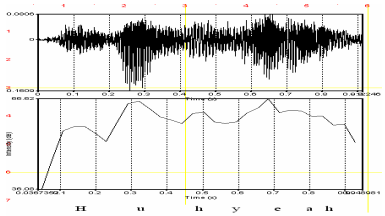

Рис. 80. Реализация реплики *huh yeah* (08 13).

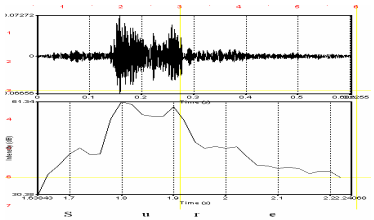

Рис. 81. Реализация реплики *sure* (08 19).

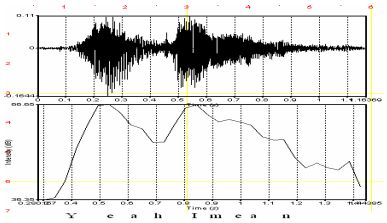

Рис. 82. Реализация реплики *yeah* (05 47).

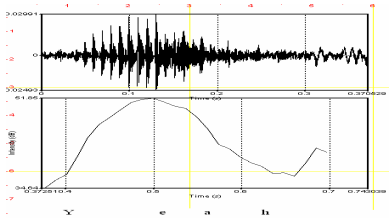

Рис. 83. Реализация реплики *yeah* (05 14).

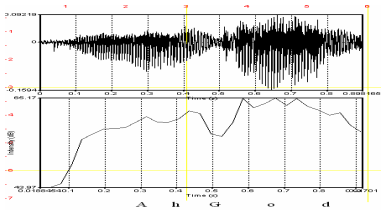

Рис. 84. Реализация реплики *ah God* (08 5).

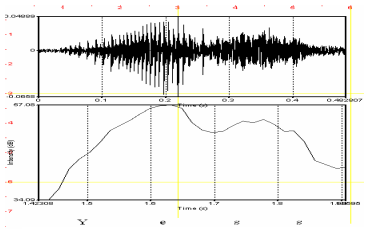

Рис. 85. Реализация реплики *yes*.

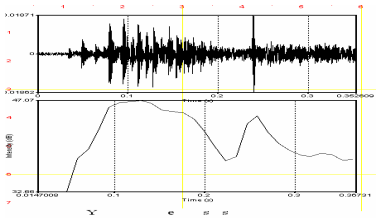

Рис. 86. Реализация реплики *yes* (03 9).

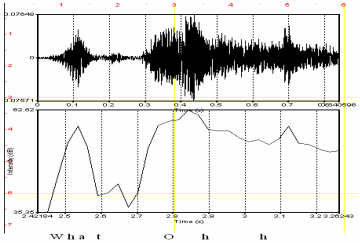

Рис. 87. Реализация реплики *what oh* (06 10).

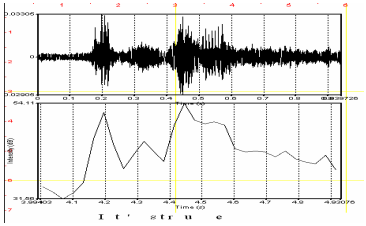

Рис. 88. Реализация реплики *it's true* (01 21).

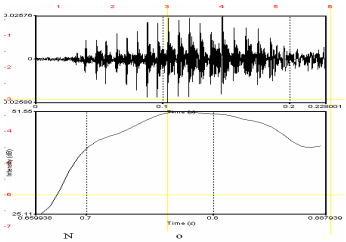

Рис. 89. Реализация реплики *no* (02 21).

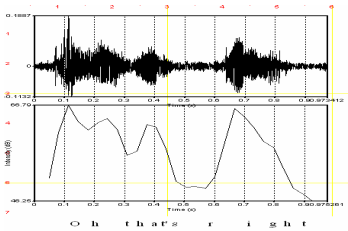

Рис. 90. Реализация реплики *oh, that's right* (05 55).

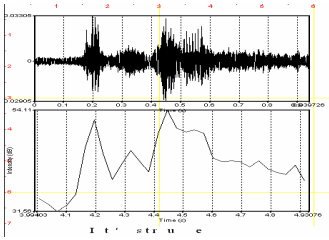

Рис. 91. Реализация реплики *it's true* (01 21).

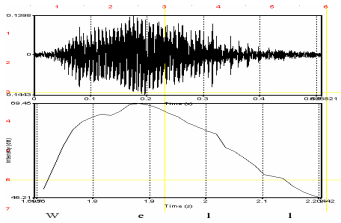

Рис. 92. Реализация реплики *well* (04 9).

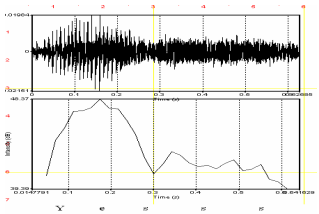

Рис. 93. Реализация реплики *yes* (05 33).

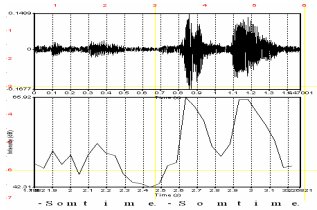

Рис. 94. Реализация реплики *sometime* (04 5).

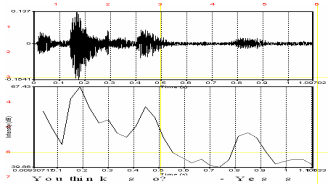

Рис. 95. Реализация реплики *yes* (04 12).

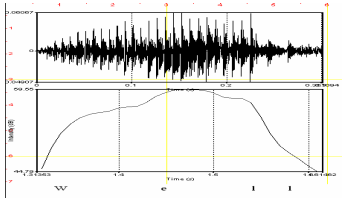

Рис. 96. Реализация реплики *well* (06 17).

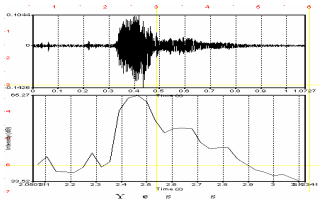

Рис. 97. Реализация реплики *yes* (01 17).

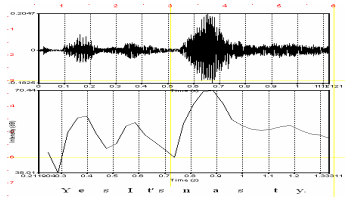

Рис. 98. Реализация реплики *yes* (02 10).

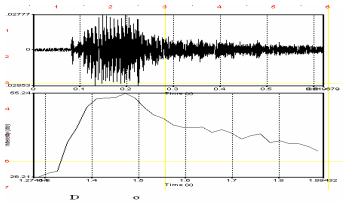

Рис. 99. Реализация реплики *do* (05 22).

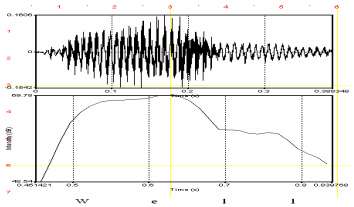

Рис. 100. Реализация реплики *well*(08 1).

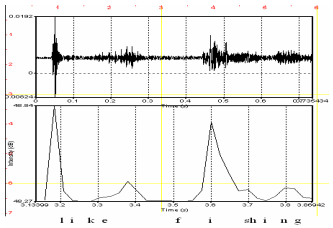

Рис. 101. Реализация реплики *fishing* (07 15).

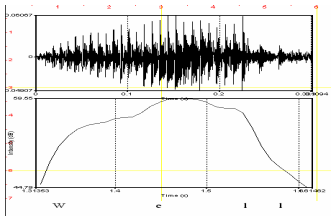

Рис. 102. Реализация реплики *well* (06 14).

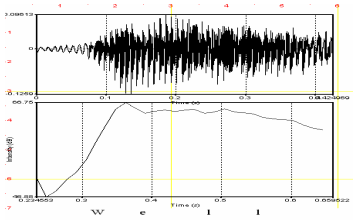

Рис. 103. Реализация реплики *well* (08 30).

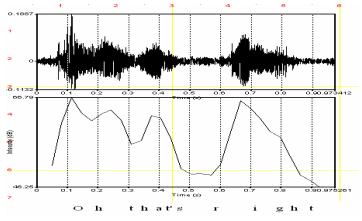

Рис. 104. Реализация реплики *oh, that'sright* (05 55).

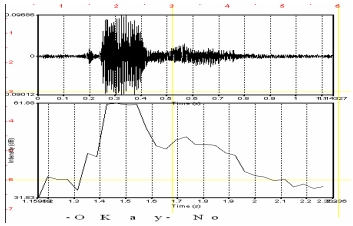

Рис. 105. Реализация реплики *Ok? – No* (04 20).

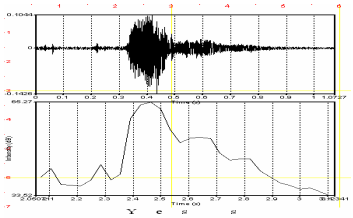

Рис. 106. Реализация реплики *yes* (01 16).

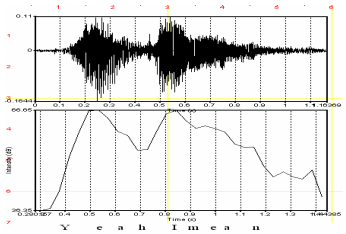

Рис. 107. Реализация реплики *yeah* (08 19).

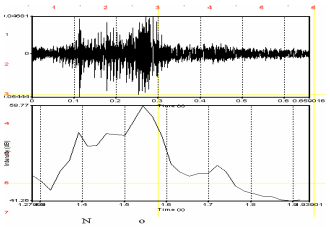

Рис. 108. Реализация реплики *no* (05 12).

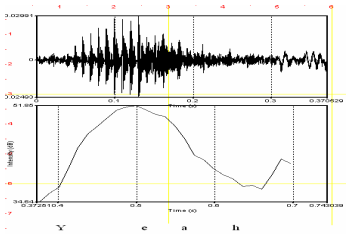

Рис. 109. Реализация реплики *yeah* (05 14).

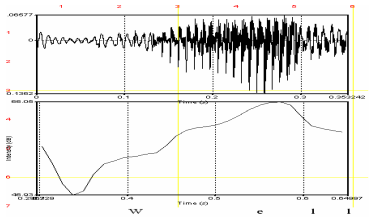

Рис. 110. Реализация реплики *well* (08 2).

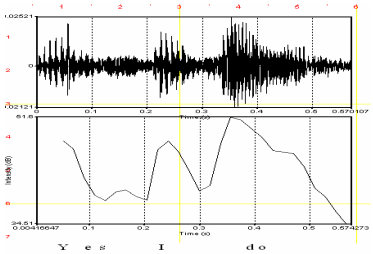

Рис. 111. Реализация реплики *yes I do*.

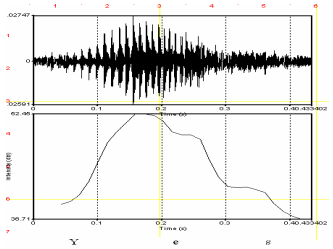

Рис. 112. Реализация реплики *yes* (07 4).

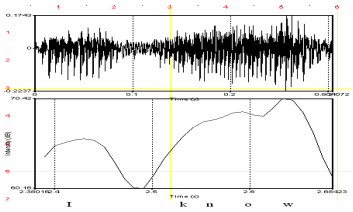

Рис. 113. Реализация реплики *I know* (08 29).

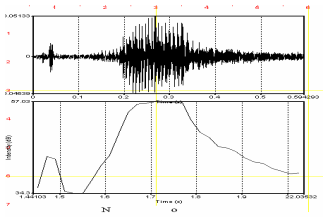

Рис. 114. Реализация реплики *no* (04 19).

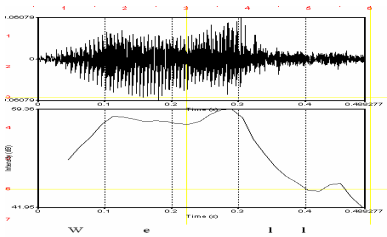

Рис. 115. Реализация реплики *well* (05 35).

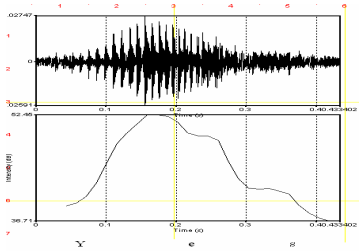

Рис. 116. Реализация реплики *yes* (05 43).

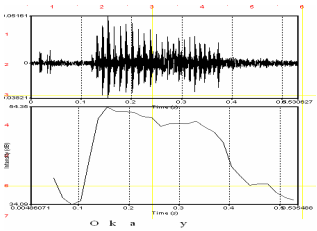

Рис. 117. Реализация реплики *okay* (05 35).

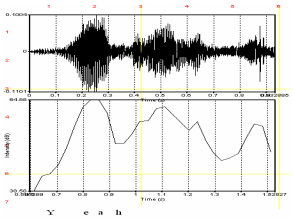

Рис. 118. Реализация реплики *yeah* (06 9).

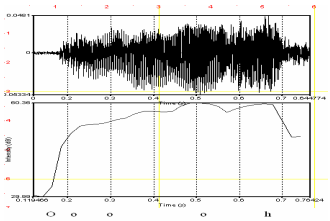

Рис. 119. Реализация реплики *oh* (04 5).

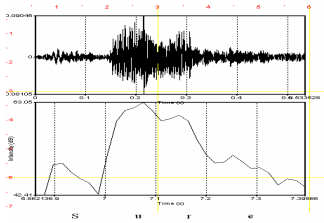

Рис. 120. Реализация реплики *sure* (04 25).

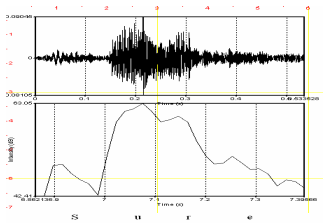

Рис. 121. Реализация реплики *sure* (04 25).

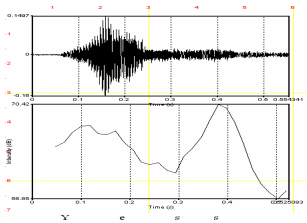

Рис. 122. Реализация реплики *yes* (05 1).

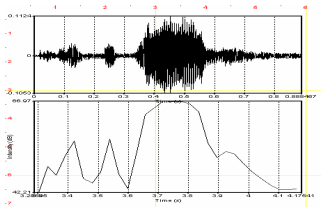

Рис. 123. Реализация реплики *primed onus* (06 16).

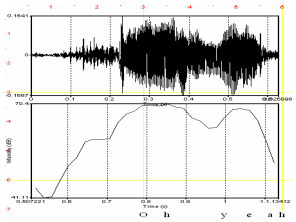

Рис. 124. Реализация реплики *oh yeah* (01 8).

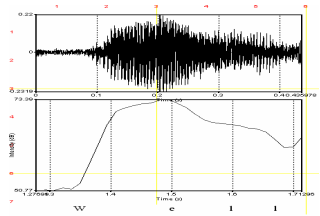

Рис. 125. Реализация реплики *well* (05 21).

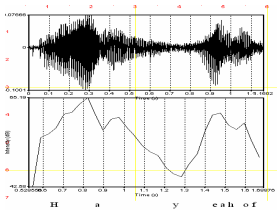

Рис. 126. Реализация реплики *huh yeah* (08 14).

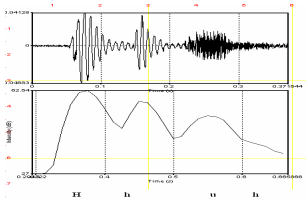

Рис. 127. Реализация реплики *huh* (06 4).

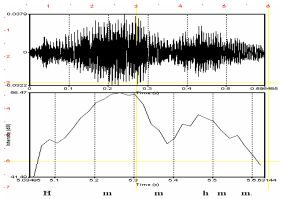

Рис. 128. Реализация реплики *hmhm* (04 32).

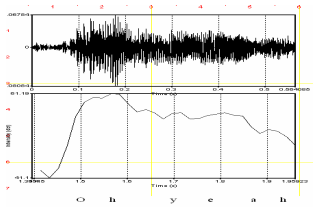

Рис. 129. Реализация реплики *oh yeah* (05 17).

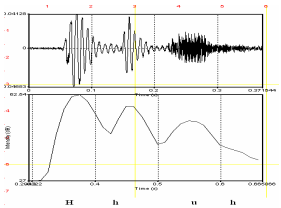

Рис. 130. Реализация реплики *huh* (06 4).

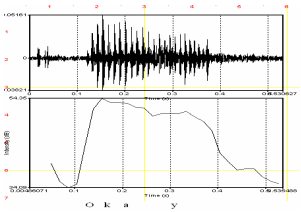

Рис. 131. Реализация реплики *okay*.

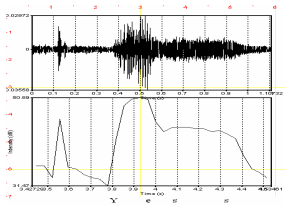

Рис. 132. Реализация реплики *yes*.

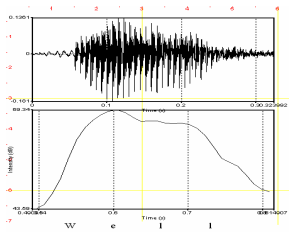

Рис. 133. Реализация реплики *well* (08 10).

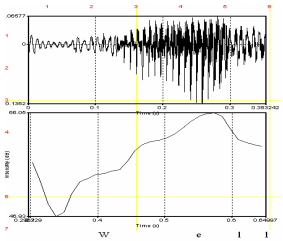

Рис. 134. Реализация реплики *well* (08 2).

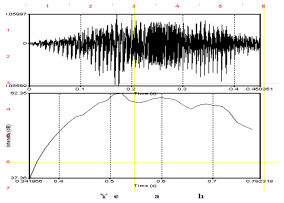

Рис. 135. Реализация реплики *yeah* (08 29).

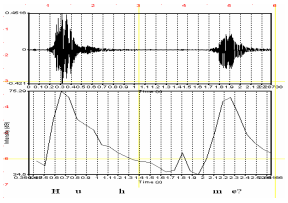

Рис. 136. Реализация реплики *huh me* (02 3).

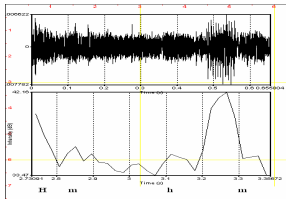

Рис. 137. Реализация реплики *hmhm* (03 14).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Таблица 14

Значения ЧОТ реплик в выборках групп Rise-Fall и Fall

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Rise-Fall	Количество в группе Fall
	группа Rise-Fall	группа Fall					
ЧОТ	1834	1015	*195*	*5,35*	*0,000*	35	40

Таблица 15

Значения ЧОТ реплик в выборках групп Rise-Fall и Fall-Rise

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Rise-Fall	Количество в группе Fall-Rise
	группа Rise-Fall	группа Fall-Rise					
ЧОТ	774	87	66	1,438	0,15	35	6

Таблица 16

Значения ЧОТ реплик в выборках групп Rise и Rise-Fall

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Rise	Количество в группе Rise-Fall
	группа Rise	группа Rise-Fall					
ЧОТ	794	108	80	1,41	0,156	35	7

Таблица 17

Значения ЧОТ реплик в выборках групп Fall и Rise

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Fall	Количество в группе Rise
	группа Fall	группа Rise					
ЧОТ	893	235	*73*	*-2,002*	*0,045*	40	7

Таблица 18

Значения ЧОТ реплик в выборках групп Fall и Fall-Rise

+	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Fall	Количество в группе Fall-Rise
	группа Fall	группа Fall-Rise					
ЧОТ	900	181	80	1,3	0,191	40	6

Таблица 19

Значения ЧОТ реплик в выборках групп Fall-Rise и Rise

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Fall-Rise	Количество в группе Rise
	группа Fall-Rise	группа Rise					
ЧОТ	269	109	38	-1,45	0,144	21	6

Таблица 20

Значения ЧОТ реплик Yes в выборках групп Fall и Rise-Fall

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Yes *Fall*	Количество в группе Yes Rise-Fall
	группа Yes *Fall*	группа Yes Rise-Fall					
ЧОТ	88	102	*11*	*2,45-*	*0,014*	6	13

Таблица 21

Значения ЧОТ реплик Yeah в выборках групп Rise-Fall и Fall

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Yeah *Rise-Fall*	Количество в группе Yeah *Fall*
	группа Yeah *Rise-Fall*	группа Yeah *Fall*					
ЧОТ	10	56	*0,00*	*-2,64*	*0,008*	4	7

Таблица 22

Значения ЧОТ реплик Well в выборках групп Rise-Fall и Fall

	Сумма рангов значений		Значение U-критерия Манна-Уитни	Z-показатель	Уровень значимости p	Количество в группе Well *Rise-Fall*	Количество в группе Well *Fall*
	группа Well *Rise-Fall*	группа Well *Fall*					
ЧОТ	10	95	*0,00*	*-2,82*	*0,004*	4	10

Елена Викторовна Жаровская,
доцент кафедры иностранных языков АмГУ, канд. филол. наук

Фонетические средства выражения обратной связи в спонтанном диалоге носителей американского варианта английского языка. *Монография.*

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 17.10.12. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 9,07.
Тираж 200. Заказ 354.
Отпечатано в типографии АмГУ.